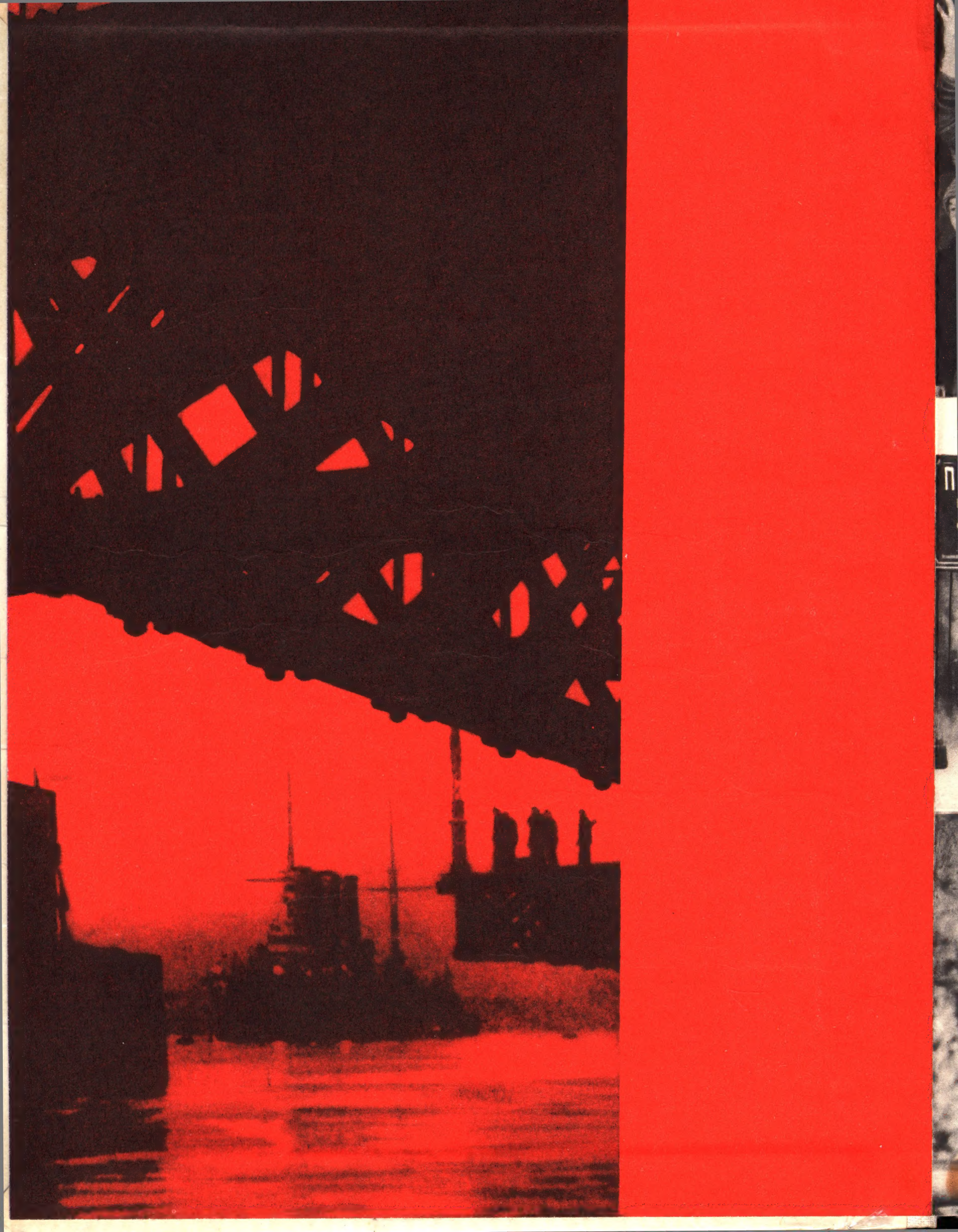
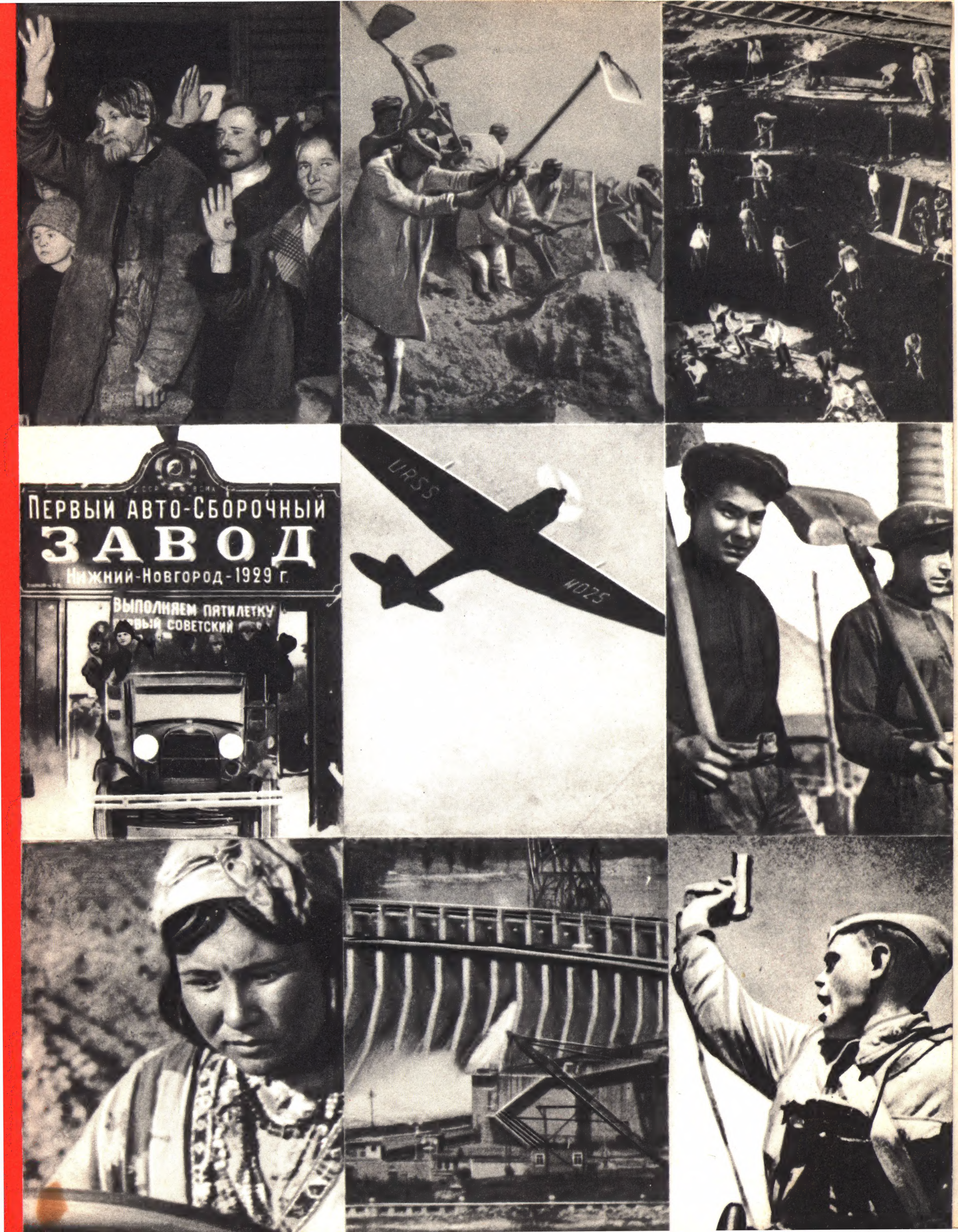
М. Баранова Е. Велтистов

Излучать свет

Издательство „Детская литература"

ПЕРВЫЙ АВТО-СБОРОЧНЫЙ
ЗАВОД
Нижний-Новгород-1929 г.
ВЫПОЛНЯЕМ ПЯТИЛЕТКУ
URSS

подчтения 1978 г.

П. И. Гомулянец

Е. Виноградова

«ВНУКИ НАШИ, КАК ДИКОВИНКУ, БУДУТ РАССМАТРИВАТЬ ДОКУМЕНТЫ И ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОЯ... ДО СИХ ПОР, КАК О СКАЗКЕ, ГОВОРИЛИ О ТОМ, ЧТО УВИДЯТ ДЕТИ НАШИ, НО ТЕПЕРЬ, ТОВАРИЩИ, ВЫ ЯСНО ВИДИТЕ, ЧТО ЗАЛОЖЕННОЕ НАМИ ЗДАНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА — НЕ УТОПИЯ. ЕЩЕ УСЕРДНЕЕ БУДУТ СТРОИТЬ ЭТО ЗДАНИЕ НАШИ ДЕТИ».

В. И. Ленин

М. Баранова · Е. Велтистов

ИЗЛУЧАТЬ СВЕТ

ХРОНИКА
ГЕРОЕВ
И СТРОЕК
ОТ ВЗЯТИЯ
ЗИМНЕГО
ДО ШТУРМА
ВСЕЛЕННОЙ

Москва „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА" 1977

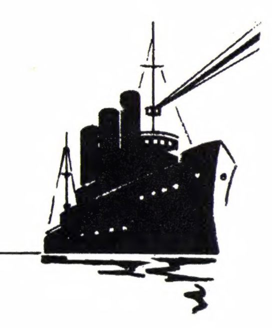
9(С)2
Б24

Оформление Ю. Жигалова

Б $\frac{70803-503}{М101(03)77}$ 75Р—77

„НАДО МЕЧТАТЬ!"

РАССКАЗ О ЧЕТЫРЕХ ЭПИЗОДАХ
ИЗ ЖИЗНИ В. И. ЛЕНИНА
В 1920 ГОДУ

ВЕК СОЦИАЛИЗМА

Утром шестого октября 1920 года кремлевскому часовому предъявил пропуск англичанин. В пропуске значилось: Герберт Уэллс. Часовой пропустил его в кабинет. За огромным столом со стопками книг сидел небольшого роста человек. Перед Гербертом Уэллсом был глава Советского правительства — Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ильич Ленин. Для встречи с ним знаменитый английский писатель, автор романов «Борьба миров», «Человек-невидимка», и приехал в далекую страну.

Уэллс сел справа от стола. Переводчик фотографировал большим аппаратом. Ленин вел беседу на английском языке, перевод не требовался.

Ныне эта фотография знаменита. Облокотившись на стол правой рукой, чуть склонив голову набок, Ленин внимательно слушает Уэллса. Знакомый прищур ленинских глаз. Спокойная сдержанность англичанина... Уэллс писал потом, что его поразил тогда острый взгляд собеседника.

Их беседа была откровенной. Вождь революции и фантаст говорили о будущем городов, о крестьянстве и, конечно, о самом важном, волновавшем обоих собеседников,— о судьбе новой России. Ленин поинтересовался: слы-

В. И. Ленин беседует с английским писателем Гербертом Уэллсом. Москва, 6 октября 1920 года.

шал ли Уэллс о том, что уже делается в стране,— об электрификации России? И стал рассказывать гостю о плане...

Этот ленинский план ГОЭЛРО вскоре узнал весь мир.

В Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО) работало двести ученых и инженеров; они намечали построить в стране тридцать электростанций. Владимир Ильич, руководивший работой комиссии, обсуждал со специалистами, какой должна быть энергосистема в России. Каскад электростанций на Волге образует как бы центральную ось; она объединяется с сетью тепловых станций на Урале, на западе и в центре страны... По тем временам замышлялась огромная энергосистема, немыслимая в условиях капитализма. План был грандиозный, на многие годы, он охватывал все народное хозяйство.

Ленин не раз подчеркивал главное в советском плане, что отличало новую Россию от мира капиталистов: у нас, говорил он, все наше — земля, реки, заводы, фабрики, электростанции...

Герберт Уэллс слушал Ленина и представлял равнинную, покрытую лесами страну, страну с неграмотными крестьянами, страну без технических специалистов. Планы строительства электростанций, думал он, обсуждаются сейчас в Англии, в Голландии — в странах с высокоразвитой промышленностью. А Россия? Истерзанная гражданской войной страна с разоренными деревнями, с застывшими фабриками, с длинными очередями за хлебом — и вдруг светлая, электрическая? Этого Уэллс не мог понять...

Английского фантаста давно привлекала Россия. Он отправлял сюда путешествовать героев некоторых своих книг. Ему виделись безбрежные просторы полей, пустынные дороги, грязные деревенские улицы, бородатые попы в церквах. Снежной зимой 1914 года писатель впервые пересек границу «загадочной страны». Он побывал в Петербурге и Москве, прокатился на санях, заезжал в деревню. Петербург показался ему похожим на Лондон.

Теперь, во второй свой приезд, Уэллс был потрясен картинами разрушений. Россия представлялась ему поверженным во мрак гигантом. Он, фантаст, способный описать внеземные миры, не видел обновленную Россию. А его собеседник с юношеской увлеченностью утверждал, что вместо разрушенных железных дорог появятся другие, электрифицированные, новые шоссе прорежут всю страну, поднимется из руин сильная, счастливая индустриализованная коммунистическая держава... Увлеченно рассказывал о будущем Владимир Ильич.

«В какое бы волшебное зеркало я ни глядел, я не мог увидеть эту Россию будущего, но невысокий человек в Кремле обладает таким даром»,— признался потом Уэллс. Он назвал Ленина «кремлевским мечтателем», а свою книгу — «Россия во мгле».

Теперь-то мы знаем, как ошибся великий фантаст, споря с Лениным, не поверив в его план. Собеседник Уэллса умел мечтать особенно.

Ленин говорил: «Надо мечтать!»

И тут же уточнял: «...Для меня всегда была важна практическая цель».

Вождь революции писал со всей прямотой: «Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость...»

Каков же путь такой страны к социализму?

Ленин уверенно отвечает: «Это условие — электрификация». И поясняет: построить десятки электрических районных станций, провести энергию от них в каждое село, в каждый дом РСФСР.

Он видел светлой, электрической, праздничной всю страну, видел яркую лампочку в каждой избе, в каждой квартире. Он любил повторять: «Век пара — век буржуазии, век электричества — век социализма».

Через месяц после беседы с английским писателем Владимир Ильич поехал на праздник открытия электростанции в деревню Кашино, неподалеку от Москвы.

Сельский скромный праздник остался в истории страны праздником света, озарившим жизнь крестьян. Когда в домах вспыхнули лампочки, в деревне поднялся необычайный переполох. Дети хлопали в ладоши, взрослые бегали из избы в избу, старики молились чуду. С особой радостью встречали Владимира Ильича: он принимал кашинских ходоков, одобрил их планы, помог приобрести динамо-машину. Вытащили кашинцы из тайников самое ценное в крестьянском хозяйстве — гвозди, сколотили трибуну.

С этой трибуны кузнец Дмитрий Родионов, глава всего их электрического дела, объявил на митинге, что наконец-то кашинцы сумели осветить неестественным светом дере-

В. И. Ленин и Н. К. Крупская на открытии Кашинской электростанции. 14 ноября 1920 года.

венскую тьму и что электричество поможет им в любом деле.

А Владимир Ильич сказал в тот памятный день кашинцам, что теперь электрический свет — естественный свет в крестьянском доме, ведь его добились своим трудом. Электричество облегчит тяжелый крестьянский труд. Кашинская электростанция — начало большого дела. Придет время, и во всей стране не останется ни одного не освещенного уголка.

Ярко светит в памяти кашинцев «лампочка Ильича». Старинная динамо-машина, похожая на неуклюжий самовар с колесами, стоит теперь в музее, и все знают, что с нее, с этой чугунной работницы, пошло все остальное:

молотилка, первый трактор «Фордзон», новая электростанция в колхозе «Путь Ильича».

Им, кашинцам, Владимир Ильич сказал в тот осенний день примечательные слова.

Вот как их запомнили старожилы: «Перед вами широко открываются двери ко всеобщему образованию. Надо учиться и учиться. А то придет время, и с такой грамотностью мы и землю как следует обрабатывать не сможем...»

Владимир Ильич беседовал с крестьянами просто, будто был их односельчанин. Очень доходчиво, на примере их жизни объяснил важное условие построения социализма: только крупная машинная промышленность, техника на базе электрификации способна перестроить мелкое земледелие, объединить крестьян в крупные хозяйства; она даст возможность культурно поднять деревню, победить даже в самых глухих углах отсталость, темноту, нищету, болезни и одичание. Здесь, в Кашине, Ленин словно отвечал на иронический вопрос Уэллса, который, впрочем, волновал тогда очень многих: «И вы возьметесь за все это с вашими мужиками, крепко сидящими на земле?»

«Возьмемся»,— отвечал Ленин.

...Кремлевский кабинет. Владимир Ильич за письменным столом. Четкие, чуть наклоненные буквы заполняют бумажный лист. Ленин пишет письмо Г. М. Кржижановскому, старому товарищу по партийной работе, председателю комиссии ГОЭЛРО. «...Надо увлечь *массу* рабочих и сознательных крестьян *великой* программой...»

План ГОЭЛРО рождается в спорах, и Ленин пристально следит за работой специалистов. Нелегко начать, когда стоят пустые заводы и фабрики, разрушены дороги, в городах не хватает дров, нет одежды, обуви, продовольствия. Царская Россия ввозила из-за границы уголь, металл, станки, за все платила золотом. А где взять средства, если ни одна капиталистическая держава не даст займов?..

И в первом плане первого Советского государства после слова «электроэнергия» появляются другие весомые слова: чугун, сталь, уголь, нефть, цемент, кирпич, бумага. Это то,

что надо производить в первую очередь, запустив старые заводы, построив новые, что надо делать самим, а не покупать за золото у капиталистов. Тяжелая промышленность — индустрия — та самая сила, которая поднимет страну из разрухи, поможет машинами крестьянину, сблизит город и деревню. Прицел на свое, отечественное,— первая особенность ленинского плана.

План рассчитан на 10—15 лет, темпы работы очень высокие. Советская Россия должна со временем не только догнать, но и перегнать капиталистические страны, чтоб преодолеть отсталость, стать самостоятельной. Выиграть время — выиграть все. Так считал Ленин, и эта его мысль стала второй особенностью плана.

Выиграть время... А как его выиграть? Люди истощены, измучены, устали от войн и разрухи. Но эти же люди с пением «Интернационала» выходят на коммунистические субботники — работают без всякой оплаты, не за страх, а за совесть. Они сами себе назначают высокие нормы, короткие сроки, проявляют сознательность и дисциплину — они строят социализм. В слове «социализм» рабочие и крестьяне видели то, о чем мечтали: просторный дом, грамотных ребятишек, право на уважение и на труд. И поэтому заботились теперь об охране каждого пуда хлеба, угля, железа, об умножении богатства, принадлежащего трудящимся людям страны. День за днем познавали они величайшую радость — работать всем вместе, коллективно. Судьба ленинского плана стала их судьбой.

Ленин глубоко верил, что сознательный труд рабочих и крестьян на свое пролетарское государство сотворит чудеса, станет главным условием победы нового строя. Свободный творческий труд был важнее золота, важнее займов зарубежных банкиров, важнее любых мировых кладов. Он рождал нового человека.

Коммунисты депо Москва-Сортировочная после трудового дня в ночь с субботы на воскресенье 12 апреля 1919 года отремонтировали и затопили паровозы. Ленин увидел в таких субботниках новое, коммунистическое отношение к труду, назвал их «великим почином».

В. И. Ленин выступает на VIII Всероссийском съезде Советов. Картина художника Л. Шматько.

Когда Герберт Уэллс смотрел из окон ленинского кабинета на кремлевскую площадь, когда он спрашивал, как преодолеть отсталость целого народа, он не знал, что у Ленина уже есть точный ответ на этот вопрос.

Коммунистические субботники стали началом перемен. Владимир Ильич Ленин полгода назад сам участвовал во Всероссийском субботнике.

В то майское утро 1920 года на древней площади Кремля Владимир Ильич вместе с кремлевскими курсантами носил бревна. Солнце светило ярко, играла музыка, все работали с воодушевлением. И всеобщая радость прозвучала в крылатой ленинской фразе: «Мы придем к победе коммунистического труда!»

План ГОЭЛРО учитывал «великий почин» рабочих и крестьян. И это было его третьей и, пожалуй, самой главной особенностью: сила свободного труда.

...Ленинский план ГОЭЛРО утверждал Восьмой Всероссийский съезд Советов. 22 декабря 1920 года Большой театр был полон. Делегаты, среди которых много людей в шинелях, полушубках, бурках, ждут открытия заседания. Вдруг голоса: «Ленин! Ленин приехал!» И в зале — овация.

Делегатам раздали том доклада, сложенный из отпечатанных брошюр. Ленин сказал с трибуны:

— Я думаю, мне не трудно будет убедить вас в особенном значении этого томика. На мой взгляд, это — наша вторая программа партии...

Ленин за столом президиума слушает вместе с делегатами доклад председателя Государственной комиссии по электрификации России Г. М. Кржижановского. На сцене карта, и на ней вспыхивают огоньки будущих станций.

Мигали театральные люстры — в городе не хватало энергии, но сотни людей, замерев на месте, забыв о голоде и разрухе, смотрели на будущее своей Родины, и глаза их светились верой.

Новую Россию, индустриальную, светлую, Герберт Уэллс увидел в свой третий приезд — в 1934 году, когда план электрификации был уже выполнен. Уэллс шел, опираясь на трость, по ступеням Мавзолея, и в памяти его звучал живой ленинский голос: «Приезжайте снова через десять лет и посмотрите, что сделано в России за это время».

Убеленный сединами писатель наблюдает жизнь Советской страны. Он приветствует физкультурный парад с трибуны Красной площади; он спускается в метро, посещает завод, беседует с наркомом просвещения, рассматривает план строительства Москвы, знакомится с академиком И. П. Павловым. Уэллс сознает, что был неправ. За все время он обмолвился об этом лишь одной фразой: «...Я видел счастливые лица здоровых людей, и я знаю, что у вас делается нечто значительное».

А по приезде домой он напишет о том, с кем когда-то не согласился, не закончил разговора, — о великом человеке. «Я редко соглашаюсь с общепринятым понятием «Великий человек», но если говорить о величии отдельных

представителей человечества, то я должен признать, что Ленин был по меньшей мере величайшим человеком... Идеи пятилетнего плана он представлял себе как серию последовательно осуществляемых планов. Единая энергетическая сеть России, Днепрогэс уже существовали в его воображении...»

Все успехи СССР обусловлены историческим событием. 25 октября 1917 года красногвардейцы, солдаты, моряки в Петрограде свергли буржуазное правительство, взяли Зимний дворец. Руководили Великой Октябрьской социалистической революцией партия большевиков, В. И. Ленин.

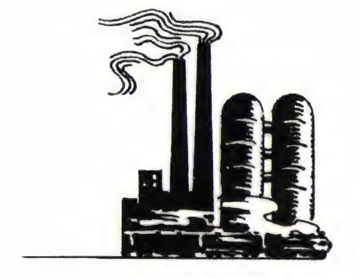
В тот же день Второй Всероссийский съезд Советов провозгласил в стране Советскую власть, избрал Совет Народных Комиссаров во главе с Лениным. Новое правительство приняло важнейшие для рабочих и крестьян, для народов страны и мира законы. Декреты Советской власти объявляли мир между воюющими странами, равенство народов России, передавали землю крестьянам.

Победа Октября — главное событие двадцатого века, коренным образом изменившее ход развития всего человечества. Со дня Великой Октябрьской социалистической революции Советская страна ведет счет своим победам.

ЗАВОДЫ, ВСТАВАЙТЕ!

РАССКАЗ О ПЕРВОМ ПЯТИЛЕТНЕМ ПЛАНЕ, О ПУТЕШЕСТВИИ ПЕРВОГО ТРАКТОРА, О ВЕЛИКАНАХ В СТЕПИ, ОБ „АМЕРИКЕ В СИБИРИ“, УДИВИВШЕЙ АМЕРИКАНЦЕВ

Когда нам, людям старшего поколения, было столько лет, сколько сейчас тебе, читатель, мы также задумывались, как строить жизнь, кому подражать. Мы хотели видеть перед собой героев, обязательно героев. Наш вожатый Саша — рабочий парнишка в футболке и трусиках, обгоревший до того, что у него облезла кожа,— был для нас авторитетом, мы любили его, но... уж очень в нем мало было героического. Когда Саша у костра читал нам письма Феликса Дзержинского, полные глубокой веры в победу революции, мы следили за выражением знакомого лица, слушали.

— «...Быть светлым лучом для других, самому излучать свет — вот высшее счастье для человека,— читал Саша.— ...Жить — разве это не значит питать несокрушимую веру в победу?..»

Помним, как Саша захлопнул книгу, сказал:

— Вот это был настоящий коммунист!

Настоящий коммунист... Сколько раз потом мы слышали эти слова, и всегда они звучали как величайшая похвала человеку. Относились они к разным людям. Это был наш учитель литературы, председатель колхоза, которому помогал наш отряд, знаменитая летчица.

К нам на сборы часто приходили ветераны Революции. Одни были совсем старые, другие помоложе, но всех их выделяла общая черта — они любили людей больше, чем самих себя. Все, что вокруг менялось, строилось, было для них победой над прошлым, наградой за долгие годы царских ссылок, за годы напряженного труда в первые пятилетки. Они надеялись на нас, хотели, чтобы и мы впитали их веру. И они не ошиблись.

Когда пришло испытание и грянула война, рядом с поколением старших встали молодые. Выросшие мальчишки и девчонки надели шинели, уехали на фронт. Они закрывали собою амбразуры фашистских дзотов, в горящих самолетах пикировали на врага, уходили в разведку и не всегда возвращались обратно. Не вернулся и Саша с войны. За день до гибели Сашу приняли в Коммунистическую партию.

Где-то под Курском, под обелиском с красной звездой, навсегда остался Саша. Сразу мы не поверили. Быть не может! Он так смеялся, так пел, так страстно любил жизнь. Мальчишки расцветали, когда в отряде появлялся вожатый в своей неизменной синей куртке со значком «Ворошиловского стрелка» и ромбиком парашютиста. Это была заветная мечта — стрелять из учебной винтовки только в «яблочко»! И еще — собирать и разбирать учебный мотор чуть ли не с завязанными глазами, вырезать из деревяшек шахматные фигуры, уметь разжечь одной спичкой костер,— делать все, как Саша. Любимым его выражением было: «Погибаю, но не сдаюсь». И мы не сдавались, когда часами читали наизусть стихи, из последних сил рвали ленточку у финиша, копнили сено, стараясь не отстать от сельских ребят.

Как-то в отряде играли в «красных» и «синих». «Красные» должны были похитить из штаба «синих» знамя. Три разведчика получили от вожатого секретное задание. До самого вечера шло сражение, о разведчиках почти забыли. В темноте перед Сашей предстали двое со знаменем. «Третий,— сказали они,— отстал, вывихнул ногу, сидит под деревом, терпит во имя победы». Саша круто повернулся, побежал к лесу... Он принес разведчика на руках. И два дня молчал... Грустно было в отряде. На третий день Саша сказал: «А я своим, на заводе, хвастал: «Мои ребята — настоящие люди...»

Мы перебирали все, что осталось в памяти о погибшем вожатом. Теперь-то мы, повзрослевшие, понимали, как многому он нас научил. Он был светлым лучом для нас. Излучал свет... И в эти минуты особенно остро почувствовали, как счастливо пролетели довоенные годы.

Мы сидели с вожатым у пионерского костра, мечтали, трудились в меру сил, а страна строила. Строила в полную силу, строила для нас. Мы пели: «Кто был ничем, тот станет всем» — и понимали, что рождение нового мира происходит день за днем. Слово «советский» наполняло нас гордостью. Мы жили под защитой союза Серпа и Молота, постоянно ощущая могущество своей Родины.

МИРОВЫЕ ГИГАНТЫ—НАШЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

Рассказ о первом пятилетнем плане

Как забавны бывают старинные вещи.

У паровоза длиннющая труба, сам он важный, низенький, а голос тонкий, пронзительный, почти птичий.

Грузовик с деревянным кузовом — точно игрушечный; наедет на такого самосвал — в щепки разнесет.

Электрическая лампочка светит желто, тускло. А бабка Наталья дула, дула на нее, никак погасить не могла. Ведь полвека назад бабка Наталья увидела эту лампочку в первый раз — вот и дула, пока голова не разболелась...

Есть знаменитые люди, о них написаны книги.

Есть знаменитые вещи, такие же легендарные, как и герои прошлого. Их собирают в музеях, ставят на гранитные постаменты — они стали памятью, памятниками. Специалист расскажет, как ковали стальной клинок, какие были в те годы кузницы и кузнецы. И представишь, как клинок сверкает в поднятой руке, как он обрушивается, со свистом рассекая воздух, на врагов. Увидишь на мгновенье молодое веселое лицо и будешь думать потом о конармейце, защищавшем молодую Советскую страну саблей.

В тысячу раз интереснее знаменитая вещь, когда знаешь ее историю.

Длиннотрубый паровоз номер 7024 сохранился до наших дней. Это исторический паровоз. Его ремонтировали апрельской ночью 1919 года коммунисты московского депо. Впервые прозвучало тогда знаменитое слово «субботник». Отремонтированные на субботнике паровозы утром ушли на фронт — воевать с белыми.

Посмотрев на исторический паровоз, можно представить: вот такие же, длиннотрубые, до революции везли составы в Россию из-за границы. Из Англии везли станки, из Германии — сталь, из Франции — велосипеды, из Швейцарии — часы. Россия была отсталая, а отсталых, как известно, бьют. Советская Россия не хотела, чтоб ее били и обдирали капиталисты, не хотела платить золото за иностранные товары.

«Либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их», — сказал тогда Ленин.

В конце двадцатых годов страна восстановила разрушенное войной хозяйство, промышленность достигла довоенного уровня. Но что это был за уровень? Страна оставалась аграрной, две трети продукции давало сельское хозяйство; наша промышленность не производила автомобили, тракторы, станки. Оборудование многих заводов износилось, устарело. Стране нужен был металл. Нужен был уголь. Нужны машины. Нужна электроэнергия.

Партия большевиков решила на своем Четырнадцатом съезде в декабре 1925 года: только одна сила может победить вековую отсталость, сделать могучей страну, окруженную со всех сторон капиталистами, — сила новых заводов, индустриализация. Партия выполняла наказ Ленина о том, что основой социализма должна быть крупная машинная промышленность.

Строить надо много, строить быстро. Ведь в любой момент мирный труд могли прервать враги. А где взять средства на строительство? Не надеяться же на займы капиталистов!

На помощь пришел первый пятилетний план. Пятилет-

ка! Она точно отвечала на главный вопрос: как первой в мире стране социализма стать сильной, промышленной, независимой державой. По этому единому плану средства на индустриализацию должны были дать доходы от промышленности, транспорта, торговли. Все, что было накоплено государством, народом, отдавалось новым стройкам.

Пятилетка! Крылатое слово облетело земной шар. Враги встретили его с ненавистью, друзья — с надеждой. Была в этом слове радость, сила. Как и в звездах, засверкавших на башнях Кремля в годы второй пятилетки.

...Май 1929 года. На сцене Большого театра — снова карта. Карта огромной страны — Союза Советских Социалистических Республик. Делегаты Пятого съезда Советов утверждают пятилетний план. Он продолжал главные мысли ленинского плана ГОЭЛРО, открывал миру новые страницы строительства социализма. Докладчик — председатель Госплана СССР Глеб Максимилианович Кржижановский показывает будущие электростанции, заводы, рудники. Часто указка докладчика упиралась в таежный лес, в пустыню, в степь, и делегаты слышали имена будущих строек: Магнитострой, Днепрострой, Кузнецкстрой, Турксиб... Указка скользила по просторам советских республик, несколько лет назад, еще при жизни Ленина, сплотивших свои силы в едином союзе.

После съезда Советов весь мир обсуждал великую новость: СССР строит заводы-гиганты, Россия избрала свой путь...

Тысяча пятьсот новых строек и были главным «советским изобретением»: единственным правильным путем строительства социализма в такой аграрной стране, какой была старая Россия. Ведь социализм, как говорил Ленин, «дело новое, невиданное в истории, которое нельзя прочитать в книжках», и было бы наивно думать, будто «преподнесут его на тарелочке, в готовеньком платьице». Большевики знали, что капиталисты не преподнесут им такой «тарелочки». И точно рассчитали: сердцевиной пятилетки станет грандиозная строительная программа.

Стройки тех лет называли гигантами. Они действитель-

но были гигантами индустрии — трубы первых заводов на бывших пустырях, башни элеваторов в деревнях, новые города в тундре и тайге. Советская страна возводила самые большие в мире заводы, домны, электростанции. Тогда-то и родились те самые вещи — первый грузовик, трактор, электрическая лампочка, которые кажутся сейчас старинными, чуть забавными.

В зале Музея Революции под сверкающей люстрой стоит трактор. Залатанные бока, скошенные колеса, рубцы на металле. В его паспорте было написано: «От кого — от сборочно-механического цеха. Кому — в Москву, 16 партийному съезду...» Первый советский трактор, построенный на Сталинградском тракторном заводе, был подарком съезду.

Более двадцати лет работал трактор № 1 на полях Сталинградской области. Принимая трактор, его первый хозяин, тракторист Василий Плеханов, сказал, что такие машины станут грозным оружием против врагов, радостью и счастьем для крестьян. Пожалуй, за свою жизнь трактор совершил кругосветное путешествие... по колхозной пашне. Вот почему он почетный гость московского музея.

...В городе Магнитогорске, на одной из площадей, есть каменная палатка. Каменная палатка на каменной плите — в честь первых, которые приехали в пустую заснеженную степь зимой двадцать девятого. Молодежь стремилась на Урал, к железной горе — строить домны, строить город. Вот какие письма шли в адрес стройки: «Директору мирового гиганта. Я ударник. Имею даже премии за хорошую работу. Желая буксировать Магнитострой, прошу вашего распоряжения прибыть на мировой гигант. Ответа не пишите, потому что наша бригада уже снялась с Москвы и едет до вас. Комсомолец Лященко».

Тогда же американская пресса напечатала такое сообщение: «Американские специалисты произвели бурение и проверили результаты, оказалось, что гора Магнитная

лишь покрыта железным слоем». Этой ложной новостью буржуазные газеты внушали своему читателю: города не будет, завода не будет.

Недругам отвечал поэт Владимир Маяковский:

Я знаю —
город
будет,
я знаю —
саду
цвесть,
когда
такие люди
в стране
в советской
есть!

Маяковский посвятил эти строки героям Кузнецкстроя, которые возводили такие же домны-гиганты, как и магнитогорцы. На месте города Кузнецка стояло несколько бараков, а на месте домен были прорыты лишь канавы для котлована. Комсомольцы Кузнецкстроя переписали стихи на плакаты, решили соревноваться с магнитогорцами: они верили — будет город... Много лет спустя академика Ивана Павловича Бардина спросили, что он считает самым важным в своей жизни, и академик, вспомнив годы, когда он был главным инженером Кузнецкстроя, ответил: «Строительство Кузнецкого металлургического завода»...

А есть памятники, про которые не подумаешь, что их надо хранить для истории,— они и сегодня работают в полную силу. Не накроешь стеклянным колпаком гигантский полукруг плотины с блестящими столбами водопадов. А ведь это — знаменитость, силач первой пятилетки Днепрогэс. Чтобы возвести такую плотину несколько десятилетий назад, нужна была особая, большевистская смелость.

Старые опытные инженеры — «спецы», как их тогда называли,— отказались строить Днепрогэс: мол, дело слишком большое, а опыта нет, надо советоваться с за-

Так начинали строить Днепрогэс.

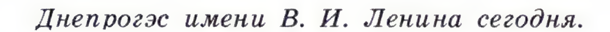

граничными специалистами. «Если будет дано нужное оборудование,— ответил «спецам» инженер А. В. Винтер,— сами сделаем»... Партия послала энтузиастов строить электростанцию, дала им технику. Первые строители сфотографировались на берегу Днепра с транспарантом: «Днепрострой станет великой памятью первого электрификатора в СССР В. И. Ленина».

А через несколько лет народный комиссар тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе сказал на митинге перед плотиной: «Неверующие и сомневающиеся, милости просим убедиться: Днепровская гидроэлектростанция вступила в строй». Начальник Днепростроя инженер Винтер, избранный академиком, сдержал слово.

Сегодня есть турбины, каждая из которых равна Днепрогэсу. Люди тридцатых годов и не мечтали о такой турбине. Рабочие в спецовках, в солдатских сапогах и гимнастерках горели желанием построить первые советские гиганты. Страна знала и верила: тысяча пятьсот новых заводов — это будущие крепости социализма. Срок на их возведение — пять лет...

Первая пятилетка началась в 1928 году.

Днепрогэс имени В. И. Ленина сегодня.

СОЦИАЛИЗМ СТРОИТСЯ ПРИ ЛЮБОЙ ПОГОДЕ

Рассказ о путешествии первого трактора, о том, как волжане опровергли Форда и Крейслера, как „ДИП" догнал и перегнал

Инженер вполголоса сказал механику:

— Заводи! Народ собрался.

В огромном цехе сотни людей.

Солнце бьет сквозь стекло крыши.

Тишина. Ждут.

Дрогнула лента конвейера. Показались передние колеса. Вставлена коробка скоростей, укреплен мотор. Рывок за рывком — трактор собирается, оживает на глазах. Колеса коснулись пола. Пионер и колхозник разрезают красную ленту. Грянуло «ура». Трактор № 1 двинулся к выходу.

Еще год назад никто не мог точно сказать, каким он будет — первенец Тракторостроя. На берег Волги, в Сталинград, приезжали ходоки из деревень. Степь была похожа на лагерь кочевников: костры, палатки, телеги. Ржали кони, стучали топоры, артель плотников ужинала у котла, залихватски играла гармонь. Бродили между костров ходоки, осторожно расспрашивали: «Говорят в народе, будто машина заменит десяток-другой лошадей — так ли?» Им отвечали разное. А ходоки видели своими глазами: вот он, будущий завод — колышки в степи, фундаменты, кладка стен. Армия людей работает здесь. Значит, правду говорят: будут стальные кони, будут работать они на керосине. А как работать — проверим на деле...

Трактор № 1 вышел из заводских ворот, и тысячная толпа повалила за ним. На пригорке мотор забарахлил, чихнул, смолк. Люди окружили трактор. Водитель кинулся к капоту. Снова затарахтел мотор. Толпа зашумела, заулыбалась, расступилась, давая дорогу. Мощный гудок заглушал все, возвещая: 17 июня 1930 года, ровно в полдень, вступил в строй первый завод первой пятилетки.

Первый трактор в деревне.

Смотрит на трактор каменщик Левушкин. Глядит по-хозяйски. Все на заводе знают, как он, староста деревенской артели, на бурном собрании, когда горластые сезонники кричали: «Домой, в деревню!», встал после зажигательной речи директора Тракторостроя товарища Иванова, бывшего революционного матроса, и сказал: «Моя артель остается в полном составе». Ушли после собрания маловеры, но такие, как Левушкин и его односельчане, стали постоянными кадровыми рабочими.

На Тракторострое впервые в истории нашей страны начали строить круглый год — и летом, и зимой. Не стало больше сезонников — работников на один сезон. Вслед за Тракторостроем постоянные строительные бригады были созданы на Магнитке, Уралмаше, Челябинском тракторном.

Зима в волжской степи была лютая — одни морозные

дни. Но Миша Бердиков, молодой бригадир, сказал своим комсомольцам: «Социализм строится при любой погоде». И они, сдирая и обжигая ладони, смолили кипящей смолой полы большого цеха под открытым небом. А Женя Зозуля — вон она в толпе: тонкая, большеглазая, в красной косынке,— храбрая Женя полезла со своими девчатами на верхотуру вставлять стекла, и там ей открылось... будущее: «Ребята, вот оно — перед нами!..»

Их трактор, трактор комсомольцев, каменщиков, инженеров, держал путь с заводского двора. Трактор въехал в товарный вагон, вагон прицепили в конец состава, и паровоз властно свистнул: в Москву!.. В теплушке вместе с трактором обосновались заводские делегаты — слесарь и механик. Делегаты отказались от мест в мягком вагоне: всю дорогу проверяли, налаживали они мотор. Из теплушки, удивляя стрелочников, несся рев какой-то мощной машины, валили клубы дыма. Чумазые, в копоти и масле, прибыли делегаты в Москву. Едва успели отмыться.

На Комсомольской площади — толпа, пожалуй, побольше, чем на заводском дворе. И всеобщее «ура», когда появился трактор, прозвучало громом. Рабочие, железнодорожники обступили машину. Идут рядом, трогают теплый металл, спрашивают наперебой водителя. А водитель замер на сиденье, вцепился в баранку, слушает, как стучит мотор трактора: «Только бы не остановился, не опозорил». Милиционеры показывают дорогу, но водитель не замечает улиц, по которым едет. Кругом возбужденные, радостные лица: вот он, стальной волжский конь, живой подарок съезду партии. Видите, как вьется на радиаторе красный вымпел!

Трактор прогрохотал по гранитной мостовой и остановился у Большого театра. Здесь заседал Шестнадцатый съезд партии.

Гранитная мостовая у театра была как напоминание о том старом времени, когда царская Россия покупала за границей многие машины, в том числе тракторы. Даже эти каменные плиты, которые попирал своими стальными

колесами советский трактор, были куплены в Швеции за золото. Сейчас делегаты съезда решали, какие новые заводы строить по всему СССР. Домны родятся на Урало-Кузнецком комбинате, грузовики — в Горьком, тракторы — в Челябинске. Такие же сильные тракторы, как и первенец, что стоял у мраморных колонн театра.

От Большого театра трактор поехал в Кремль. Дальше ему, как известно, предстояла дальняя дорога. Только через двадцать лет ветеран вновь попадет в столицу.

На волжских берегах, где родился первый трактор, шли когда-то бои гражданской войны, земля впитала кровь героев. Цеха встали рядом с заросшими окопами. Здесь, в цехах, висели плакаты. Плакаты-приказы, наказы прошлого будущему: «Каждый трактор — снаряд, взрывающий старый мир». Эти слова знала вся страна.

Вслед за Сталинградским заводом заработал другой тракторный гигант — Харьковский; опыт волжан помог пустить этот завод быстрее, чем намечалось. А когда в последний год пятилетки ожили конвейеры Челябинского тракторного, его назвали «настоящей крепостью индустриализации и коллективизации». Этот завод был самый мощный в мире.

Советская страна отказалась от закупок тракторов за границей. Наши машины были сильнее голенастых американских «фордзонов». Колхозная деревня получила мощные машины. Так, по пророчеству боевого плаката, старый мир взрывался на глазах тысяч и тысяч...

«Весь земной шар вращается на подшипниках СКФ»,— утверждала реклама шведского концерна СКФ. Эта реклама потускнела, когда советские станки стали работать на подшипниках московского завода.

Потерял свои прибыли и германский концерн «Осрам», поставлявший электролампы. Когда иностранные фирмы отказались продать нам станки для производства вольфрамовой нити, рабочие московского электрозавода построили их сами. Отныне в заводских цехах, в домах, на улицах светили советские лампы!

На многих заводах в те годы работали бригады «ДИП» — «догнать и перегнать». Они придумывали, изобретали новое, чтобы страна в любом деле была независимой от Запада.

На заводе «Красный пролетарий» изобрели даже станок с названием «ДИП» — он по своим «талантам» и догнал и перегнал зарубежные станки.

...Перед первой пятилеткой собирались строить автомобильный гигант в Горьком. Попросили сделать расчеты американскую компанию «Форд». Но специалисты представили дорогостоящий проект завода.

Советские инженеры хотели строить дешевле, строить быстрее.

Делегация из Горького встретилась с другим американским магнатом автомобилей Вальтером Крейслером, и тот откровенно сказал:

— Автомобиль — это не роскошь. Он вам нужен... Мой совет: начинайте осваивать новый завод с цеха сборки... Лет через семь можно перейти и к моторам...

— Мы этот путь отвергаем, — заявили делегаты. Их торопило время.

— Но где, — воскликнул Крейслер, — где вы найдете людей, которые могли бы на следующий день после постройки гигантского завода стать у станков и завертеть такую машину? Нет, ничего у вас не выйдет...

Вышло!

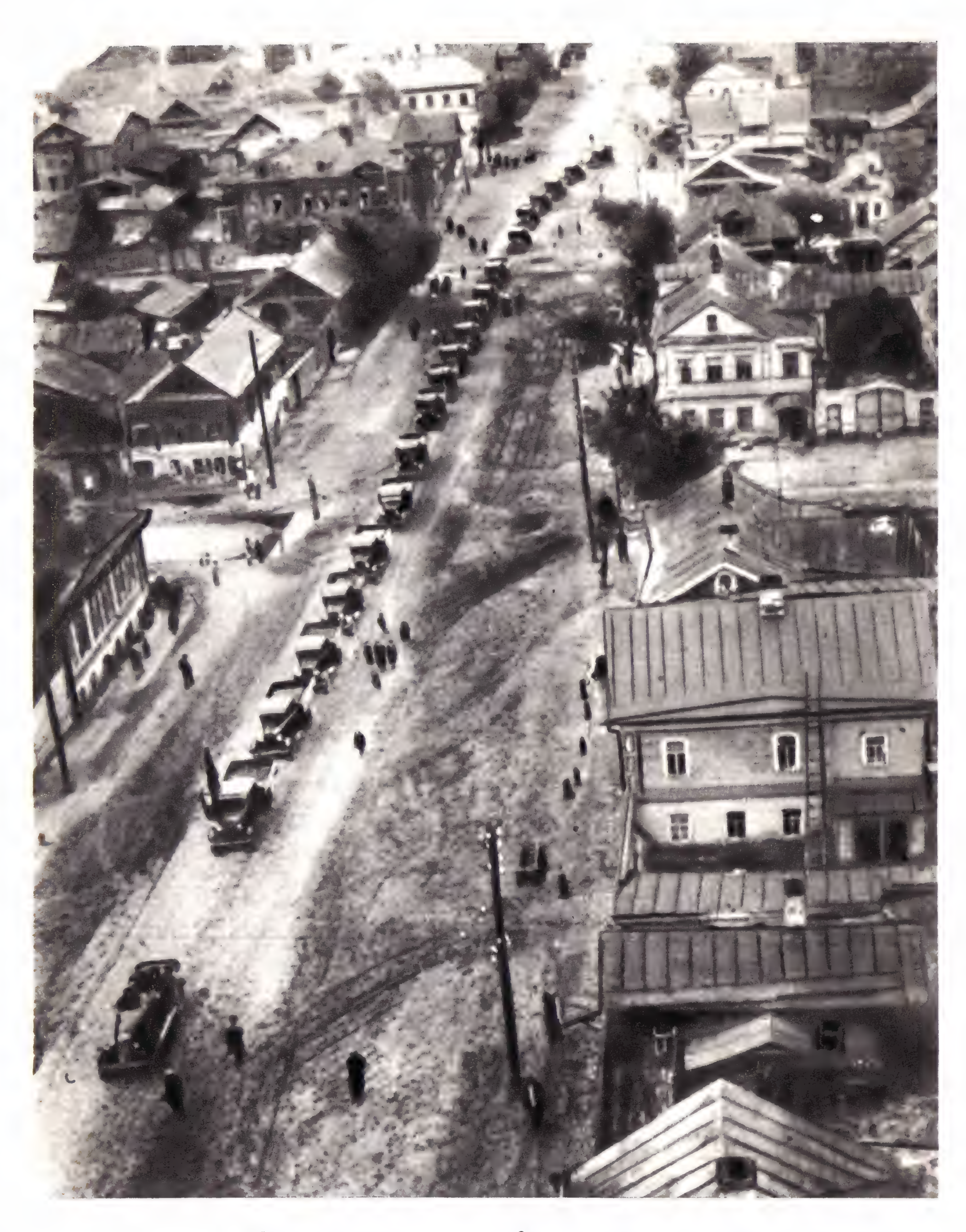
Советские инженеры разработали свои чертежи.

Вскоре строительство в Горьком было закончено, и завод-гигант дал тысячи автомобилей до конца первой пятилетки.

Станки, машины, приборы — это все машиностроение, точное механическое сердце тяжелой индустрии.

В первую пятилетку родились важные отрасли машиностроения: автомобильная, тракторная, станкостроительная промышленность.

Теперь страна могла построить самые сложные машины на своих заводах.

Торжественно выглядела колонна первых грузовиков Горьковского автозавода.

ДАЕШЬ!

Рассказ о великанах в степи, о сезоннике, зарабатывавшем в кошелек стройки, и об „Америке в Сибири“

В 1929 году в городах и селах появился плакат:

«Товарищ, тебя ждет Магнитострой!»

Что такое Магнитострой?

Знающие люди объясняли: «Это земли далекие, Урал, царь туда ссылал на каторгу. Есть, говорят, там гора железная, а людей вроде никаких нет».

Молодежь, комсомольцы выступали интереснее: «Что знают старики о мировых гигантах? Магнитострой — это гигант индустрии, чугунная плита будущего. А индустрия, конечным образом, есть социализм».

Индустрия. Завод-гигант. Чугун... Незнакомые слова притягивали, как далекая железная гора.

Прибыл эшелон на станцию. Ветер швырнул в распахнутую дверь охапку снега. Парни и девчата высыпали из теплушек. Белая до горизонта степь, белая пурга над ней. А станция — всего-навсего вагон. «Где же Магнитострой?»

— Город Магнитогорск будет здесь вот, где вы стоите,— объяснил встречавший прораб.— А жить — жить придется пока в палатках...

Сам прораб зимовал в парусиновой палатке. В ней — стол, лавка, кованый сундук и доска, на которой написано: «Контора Магнитогорского строительства. Первый прораб Магнитостроя тов. Сидоренко живет в этой палатке».

Надпись комсомольцам понравилась.

А про вокзал-теплушку тут же была сочинена частушка:

Эх, мне милка написала:
«Встречай, милый, у вокзала».
Телеграмму милке дал —
Привози с собой вокзал.

Палатка строителей Магнитки.

Строители спали в шубах и шапках. Наутро, когда проснулись, увидели на обугленном боку печи размашистые, мелом начертанные буквы: «Даешь!»

Даешь? Да, даешь!

Боевое «даешь!» летело с полей гражданской войны. Оно родилось в конармейских атаках, когда клинок свистел над головой, а сердце властно требовало: «Даешь Воронеж! Даешь Ростов! Даешь Перекоп!» Не умерло яростное «даешь!», воскресло в трудовых атаках бывших красноармейцев. Как выстрел, приказ, зов трубы, врывалось «даешь!» в окна и двери, звало за собой, гремело на дальних стройках. Слышался в нем топот конницы, посвист пуль, шепот умирающего бойца. «Даешь!» — властное, атакующее слово. «Даешь чугун!» — призыв Магнитостроя. «Даешь трактор!» — клич Тракторостроя. «Да-

ешь большевистские темпы!» — аршинные буквы на красных полотнищах ударников.

Ехали на Урал из далеких городов в эшелонах, ехали на стройку из ближних деревень на телегах — в весенней степи, на ее вольных «улицах» и «площадях», места всем хватало. Сверху, с горы, стройка похожа на огромный муравейник. Шеренга людей копает лопатами большую траншею: стройке нужны фундаменты, озеро воды. Сельский «извозчик» трусит на самоопрокидывающейся телеге, возит землю для плотины. Рабочий в солдатских штанах, упираясь босыми ногами в шершавые доски, катит тачку с бетоном; ее, эту проклятую тяжеленную тачку, прозвали остряки «стерлингой». Шутка шуткой, а на деле, всерьез — не английские далекие фунты стерлингов тратили на строительство гиганта; тачка и лопата в руках энтузиастов творили чудеса.

Среди трудовых людей — лодырь, даже не лодырь — просто «лопух», доверчивый деревенский сезонник. Стоит парень, распустив уши слушает старосту-подкулачника: «На кой нам этот завод сдался? Нам не чугун, а мануфактура, не окопы, а жратва. Верно?» Хлопает «житейский мудрец» себя по плотному брюху, повторяя кулацкие речи, стараясь быть похожим на «хозяина» деревни, богатого кулака, а «лопух» послушно кивает. Вечером у костра, когда односельчане делят получку, парень получает столько же денег, сколько и другие землекопы, хотя и не работал целый день. А староста, распределявший лишь работу да покрикивавший на односельчан, получает еще и «за лошадь», и «за топор», и за то, что он староста. Чешет в затылке парень: хитра артельная арифметика, сразу не разберешься. Смотрит на большие свои, как лопата, руки, прикидывает: «До осени на корову скоплю, если не на корову — хоть на новую крышу, а там домой подамся». Сезонник! До осени только работничек, на сезон.

И сюда, в тесный деревенский мирок у костра, ворвалось лихое «даешь!».

«Даешь каждому по его труду, долой уравниловку!»

Распались артели, не нужны больше старосты, строить

стали бригадой: сколько заработаешь сам, столько и получаешь...

Два фронта лопат копают навстречу друг другу. Летит земля. Час за часом измеряют: кто быстрее? А когда прозвучал отбой, бригадир предложил: отработать четыре часа бесплатно — «в кошелек Магнитостроя». Кошелек стройки — это не каждому понятно, но все товарищи копают, и сезоннику от своих отставать стыдно. А потом началось авральное время: помогали отстающей бригаде, тушили пожар, стелили доски по льду, долбили мерзлый грунт. Сезонник вместе со всеми бросался в огонь и в воду, все глубже и глубже копал лопатой фундамент — он даже не заметил, когда окончился очередной сезон и наступила глубокая осень...

Поднял однажды голову, осмотрелся: он вместе с бригадой стоит перед трибуной на площади, принимает передовое Красное знамя. А бригаде лодырей по поручению товарищей вручают под общий смех рогожу на палке: не срамитесь, мол, догоняйте!.. Тогда и позвал кто-то сезонника: «Эй, товарищ...» И вздрогнул он от озорного: «Ну и даешь ты...» Оглянулся — рядом стоит дружок, односельчанин. Тоже рабочий, тоже строитель мирового гиганта — по его ладоням видно.

Уходило в прошлое понятие «сезонник». Не на сезон — навсегда оставались тысячи на стройке. Выковывалось новое пополнение рабочего класса страны.

...Стране очень был нужен чугун. Страна спрашивает Магнитострой: «Даешь?»

В штаб сыплются донесения со всех концов стройки:

— Прогулов нет, укладываем электрокабель.

— Простоев нет, кончаем фундамент под домну.

— Прогулов нет, есть простои: не поступило оборудование...

Стоп, тревога! Наутро вся страна знает из газет: пропали рабочие часы, пришли с опозданием железные конструкции, отправленные из далекого города. Центральные газеты ежедневно печатают график стройки. Московские

рабочие, ленинградские комсомольцы, грузчики, стрелочники, машинисты — все в этом графике. Магнитке — «зеленая улица», все для Магнитостроя!

Там, на Магнитострое, в одной из тесных комнатенок барака, кричит во сне бетонщик: «Заливай! Скорее лей бетон!» И жена бетонщика, пробудившись среди ночи, понимающе улыбается: наверное, сегодня опять был новый рекорд укладки бетона, может даже и мировой...

А в доме, где живут инженеры, приехавшие из-за границы помочь строить Магнитку, не спит старый немец, опытный специалист. Он вспоминает, как молодая бригада собрала турбину за тридцать девять дней, а срок этой работы по всем мировым правилам — полгода.

«Что за ненормальные сроки? Что за странные люди? — думает немец, глядя в ночное окно.— Днем работают за десятерых, ночью мечтают, песни поют. Никакого порядка... И чему я их буду учить?»

И снова знаменитое «даешь!» разнеслось по стране. Магнитка спрашивает Кузнецк: «Будете соревноваться?»

«Будем! — отвечает Кузнецк.— Даешь домну!»

Кузнецк — такая же всесоюзная стройка в Сибири, там тоже тысячи героев возводят домну. Уральская Магнитка богата рудой, Кузнецк — углем, друг без друга заводы жить не могут. Кто первый построится, тот первый и выручит соседа. Вот какие слова скрепили соревнование двух заводов: «У нас хватит сил. У нас хватит энтузиазма. Наши руки крепки и готовы ворочать горы».

...Ранним морозным утром собрались магнитогорцы у огромной печи. Великанша домна серебрится от инея. Печь, печиха, махина — к ней, такой огромной, как будто уже привыкли, пока строили. А оживет ли домна на холоде? Переварит ли кусок железной горы? В мировой практике не было случая, чтобы печь пускали на таком морозе. Даже американцы считают, что это невозможно.

Домна словно вздохнула. Домна тихо загудела. Домна закурилась легким дымком, разрумянилась, разгорелась...

Брызнул сноп искр, хлынул жидкий металл — домна давала чугун!

Тепло стало людям, ждавшим на морозе, жарко стало. Слезы навернулись на глазах. Тысячи рабочих смотрели на первый металл, еще не осознавая, что они вдохнули в эту махину-домну жизнь. Теперь она будет работать год за годом, без единой минуты передышки...

В тот день в Москве шла партийная конференция. Встал со своего места председатель и в наступившей тишине огласил рапорт магнитогорцев:

— «Домна № 1, 31 января, 9 часов 15 минут — задута».

Михаил Иванович Калинин — глава Советского государства, «всесоюзный староста», держал на вытянутых руках серебристый слиток, доставленный самолетом из Магнитогорска. Все видели, как радуется Калинин. Делегаты конференции аплодировали победителям.

А через год рапортовал Кузнецк: «Слушай, великая пролетарская страна: есть кузнецкий чугун!» Кузнецкий завод был новой большой победой.

Не на обгоревшем боку «буржуйки» — на богатырской груди домен красовался теперь властный призыв:

Умрет в петле чугунный голод.
Даешь пять лет в четыре года!

Домна № 1 Магнитки была самой большой не только в СССР, но и в Европе. За ней была задута вторая домна.

Шестнадцать домен-великанш построены в стране за годы первой пятилетки. Они давали треть всего чугуна.

Советские металлурги хотели варить как можно больше чугуна и стали. Они учились варить и самый качественный металл. Немецкая фирма «Бош» поставляла из своей стали во все страны роторы — вращающиеся части моторов. Когда же американский летчик Линдберг совершил рекордный перелет через океан на самолете с ротором швейцарской фирмы «Сцинтила», фирма «Бош» потеряла многих покупателей. Подмосковный завод «Электросталь» решил со-

здать роторы не хуже «Боша» и «Сцинтилы». И хотя ни одна фирма не выдавала своих секретов, новая прочная сталь была получена. Роторы «Электростали» установили на советские самолеты.

Заграничные гости стали присматриваться к нашим успехам. «Америка в Сибири — это просто чудо!» — сказал один американский металлург главному инженеру Кузнецкстроя И. П. Бардину: его удивили мощные мартеновские печи и домны. Но даже американец с его «американским размахом» не мог понять, что он видит нечто новое и дело тут не только в громадных размерах. Два больших завода — Магнитку и Кузнецк — можно было считать просто большими заводами. А советские люди решили объединить не только заводы, но и огромные районы страны — Урал и Сибирь, создать промышленный комплекс — Урало-Кузнецкий комбинат.

Уголь Кузбасса едет на Урал, обратно идет железная руда. Рядом с домнами возникают химические заводы. Чтобы делать изделия из металла, нужны огромные станки — блюминги, прокатные станы; шахтам тоже нужно свое оборудование. Здесь и приходит на помощь мощный «завод заводов» — свердловский Уралмаш: он рождает богатырские станки, которые производят другие станки...

Новые города, миллионы рабочих, которые едут на Урал и в Сибирь, надо кормить. Сельскому хозяйству помогут тракторы Челябинского тракторного — они поднимут миллионы гектаров целины. А одевать людей будут текстильные фабрики, которые строятся на границе Средней Азии и Сибири. Великое содружество заводов, фабрик, колхозов, которые трудятся коллективно, по общему плану, — вот что такое советский промышленный комбинат!

Урало-Кузбасс — это революция в хозяйстве. На сотни километров растянулся комбинат, а работает как единый механизм.

Пройдут десятилетия, но не померкнет слава первых гигантов советской индустрии.

Первый поезд Туркестано-Сибирской железной дороги.

МОЯ ГОРДОСТЬ—НОВЫЙ РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК

Рассказ о том, как учились сами и учили других, как пять лет сжали в четыре года и три месяца

Андрей Севастьянович Филиппов, степенный сибиряк, опытный землекоп, считал себя плохим бригадиром, хотя его бригада то и дело побивала рекорды в Кузнецкстрое. Увидит бригадир, как рабочий газету читает, губами шевелит, и зависть его берет: сколько человек узнал интересного! А он, бригадир, неграмотный. Так уж получилось: в глухой деревне, где родился Андрей, не было школы, да и семья была немалая — с детства пришлось работать. В 1929 году прибыл Филиппов на стройку металлургического.

Ликбез — школа ликвидации безграмотности. За партами — рабочие и крестьяне.

За школьными партами — сельские ребята.

В тридцать восемь лет сел он за парту — можно сказать, в первый класс поступил. Школа называлась «ликбез» — ликвидация безграмотности; это школа для взрослых — рабочих, красноармейцев, крестьян, для всех, кто защищал Советскую власть на фронтах, воевал с кулаками, поднимал заводы из руин.

И вот открыл Филиппов букварь. Учительница прочитала первую строку: «Мы не рабы, рабы — не мы»... «Верно это»,— сказал Филиппов и, водя огромным грубым пальцем по строкам, стал учить буквы. Трудной с непривычки оказалась наука Азбука. В траншее рабочий человек тонну земли перекидает — и рубаха сухая, а тут, над букварем, не раз пот со лба рукавом утирал... Зато строки похвальной грамоты, выданной его бригаде землекопов, Андрей Севастьянович Филиппов сам прочитал: «За мировой рекорд по выемке грунта...»

Эта грамота сейчас в музее.

Многие строители первой пятилетки учились и за партой, и у станка, и в шахте. Учились быть первыми, быть новаторами.

Учились и учили других.

На шахте «Кочегарка», старейшей в Донбассе, забойщик Никита Изотов подал заявление с просьбой принять его в партию большевиков: «Хочу вместе с кадровыми рабочими — большевиками-коммунистами проводить настоящую борьбу за снятие с шахты рогожного знамени». Рогожное знамя было вручено «Кочегарке» в 1931 году, как самой отсталой шахте Донбасса. Так тогда «чествовали» нерадивых — вручали рогожу на палке под смех всего народа. Стыдно было.

Про Изотова ходили легенды, что он шахтер-силач, великан — работает за пятерых.

— Не в силе дело,— хитровато улыбался Никита.— На нашей шахте есть люди посильней меня. Вот забойщик Окунев — тяжелоатлет на вид, а молоток валится у него из рук. Одной силой уголек не возьмешь...

Никита Изотов — шахтер-ударник.

Говорили, что все дело в технике: неважнецкая, плохо берет уголь. «Вон она — техника»,— показывал Изотов, и вся его грузная фигура силача выражала возмущение: брошенные молотки, поломанные машины. А кто их сломал — неизвестно: сегодня с отбойным молотком работает один шахтер, завтра — другой...

Выходит, дело не в технике, а в конкретном человеке, в его мастерстве, его добросовестности. Человек должен быть хозяином техники. Это значит, что каждый рабочий отвечает за свое орудие труда.

«Возьми отбойный молоток,— учил Никита Изотов товарищей,— протри, отладь — теперь это твое оружие. Присмотрись к лаве, подумай, как похитрее взять уголек, поставь рядом с собой лодыря — пусть страдает, но перенимает опыт».

Скоро «Кочегарка» выбросила палку с рогожей и водрузила красное знамя.

Товарищи гордились Никитой Изотовым. О нем писали газеты. Настоящий силач. Отсталую шахту вывел в передовые, прославил на всю страну. Теперь про рабочих «Кочегарки» говорили так: изотовцы. Тысячи изотовцев появились и на других шахтах. Изотовец — значит передовик, уважаемый всеми человек.

В январе 1929 года бригадир ленинградского завода «Красный выборжец» Михаил Путин прочитал в «Правде» статью Владимира Ильича Ленина. Она не была опубликована при жизни вождя, но сейчас всем читавшим ее казалось, что живой Ильич говорит о героическом труде рабочих, о том, как в кратчайший срок выполнить все грандиозные планы. Статья называлась «Как организовать соревнование?».

Бригада Путина работала в трубном цехе «Выборжца». В своей небольшой мастерской рабочие обсудили статью Ленина и решили вызвать на соревнование другие бригады. А раз вызвать, значит, самим быть образцом дисциплины и труда.

Поговорили, поговорили, и вдруг бригадир предлагает:

— Ребята, давайте закрепим решение каким-то документом. Ну, напишем договор.

— Зачем это? Зря стараться. И так договоримся... Не к чему бумагу тратить...

— Вы поймите,— убеждал бригадир,— вот мы поговорили да забыли. А записанные обязательства легко будет проверить.

Согласилась с бригадиром бригада. Написали: «Договор по социалистическому соревнованию обрубщиков трубного цеха...» И — пошло! Внизу на том же листе бумаги появились новые строки: «Мы принимаем ваш вызов...» И — подписи других бригад.

Всколыхнулся весь завод. Работали четко, дружно. Дал свою подпись — держись, оправдай рабочее звание. На каждую вещь рабочие смотрели теперь другими глазами — глазами хозяина.

Это был первый на «Красном выборжце» и во всей стране социалистический договор. А потом появились такие и на других заводах и фабриках.

Верно говорил Владимир Ильич, что социализм делает соревнование жизненной потребностью масс. Соревнование подтягивает отстающих, выводит их в передовики — рождает тысячи новых героев. Соревнование воспитывает советского человека — активного строителя нового общества.

Соревнование, как и предвидел Ленин, самая великая сила, которая позволила досрочно выполнить пятилетки, построить социализм.

Героев пятилетки называли ударниками, новаторами. Их было тысячи и тысячи — таких, как шахтер Изотов, землекоп Филиппов, металлист Путин. Они были настоящими хозяевами заводов, недр, полей, хозяевами всей страны. После голода, нищеты, унижений они показали, что свободный человек безмерно любит свой труд. То, о чем писалось в первых декретах Советской власти, о чем говорил Ленин, было в самой жизни.

Строители первой пятилетки.

43

Уже в первый год пятилетки рабочие Луганского паровозостроительного завода обратились по-революционному — ко всем, всем, всем: «Товарищи, друзья, рабочие, мастера, инженеры, молодежь и ветераны! Время, начнем соревнование за досрочное выполнение пятилетнего плана!»

И назвали луганцы свое обращение к товарищам горячо, озорно: «Не пять, а четыре, а может быть, и три».

В декабре 1929 года собрался Первый Всесоюзный съезд ударных бригад.

Выступали руководители партии, ветераны революционных боев, герои труда.

— Социалистическое соревнование и движение ударных бригад...— сказал один из руководителей Советского государства В. В. Куйбышев,— это конец старому правилу «Каждый за себя, бог за всех»...

Рушились старые правила, которые столетиями внушали людям цари, помещики, попы. Теперь каждый был за всех.

Ученый с длинной седой бородой говорил с волнением:

— На закате дней моих мне дано великое счастье видеть осуществление заветных мечтаний всей моей жизни.

Это выступал всемирно известный академик А. Н. Бах, узник царских тюрем, написавший одну из первых в России революционных брошюр «Царь-голод». Он обращался сейчас к молодым:

— В неравной борьбе с царской властью... нашей путеводной звездой была твердая, неискоренимая вера в творческие силы трудящихся масс.

Надежда Константиновна Крупская говорила тихо, но каждое ее слово было слышно в зале.

— Сегодня утром я перечитывала Ленина, его работу «Очередные задачи Советской власти». В ней Владимир Ильич говорил, что нам нужны не истерические порывы, нам нужна мерная поступь рабочих батальонов... Позвольте мне так и квалифицировать ваш съезд: в нем слышится мерная поступь рабочих батальонов.

По трубам пойдет нефть.

Съезд призвал рабочих вступать в ударные бригады, призвал советских людей досрочно выполнить пятилетку.

Первая пятилетка была завершена в четыре года и три месяца.

Побеждала советская индустрия.

Тысяча пятьсот новых заводов выдвинули Советский Союз в число сильных промышленных государств мира.

Слова «пятилетка», «Магнитка», «Днепрогэс», «Урало-Кузнецкий комбинат» вошли во все языки мира.

Побеждал социализм.

В городах исчезли мелкие частные владельцы и торговцы, в наших селах не было больше кулаков.

Промышленность принадлежала народу.

Деревня стала колхозной.

Победил героизм рабочих и крестьян.

Их труд был главным источником доходов Советского государства.

Победила сама пятилетка, доказав миру, что социализм можно строить четко, по своим планам.

Максим Горький написал письмо строителям первой пятилетки.

Эти слова прозвучали на весь мир:

«Моя радость и гордость — новый русский человек, строитель нового государства...

Товарищ! Знай и верь, что ты — самый необходимый человек на земле. Делая твое маленькое дело, ты начал создавать новый мир».

ФИЛИППОВ, РОБИНСОН И ДРУГИЕ

Рассказ о том, как весь мир изучал жизнь СССР

Американский негр Роберт Робинсон был мастером по шлифовке металлических деталей.

В один из летних дней 1930 года Роберт ступил на палубу советского парохода в Лондоне. Молчаливый, вежливый, он так и не заговорил ни с кем до самого Ленинграда. Когда кто-нибудь улыбался негру, тот отворачивался, смотрел в море. Матросы прозвали негра «Мистер гордец». Они говорили: американец едет через полмира зарабатывать доллары в СССР. Это было понятно: Советская страна в те трудные годы приглашала специалистов из-за океана — помогать строить современные заводы, учить советских рабочих. Как и за редкие машины, таким мастерам платили доллары. Мы не отвергали опыт других стран. Мы хотели поучиться у заграничных специалистов, чтобы потом обогнать их в мастерстве.

Роберт родился двадцать с лишним лет назад на острове Ямайка. Он играл на улицах со сверстниками, купался в теплом Карибском море. Однажды мальчик увидел японца в кимоно, потом горбоносого индейца с длинной трубкой — это были люди как люди, внешне необычные, но полные достоинства, занятые своим делом. Потом Роберт встретил людей с белой кожей и впервые почувствовал их презрение.

В американском городе Детройте — огромные серые корпуса завода Форда. Здесь собирают лучшие в мире машины, здесь работают мастера техники. Белые люди спокойно управлялись с раскаленным железом, но выходили из себя, когда им попадался на глаза негр-подросток. Каких только оскорблений не наслышался Роберт, который приехал в поисках заработка в Америку и поступил на завод Форда. Роберт не смел отвечать на реплики: ведь белый человек мог избить, мог даже убить презренного негра. Роберту говорили, что он самый последний, самый ничтожный, хотя он работал на станке не хуже других.

Первый в ее жизни станок. Так обучались мастерству девушки из деревни.

Однажды Роберта Робинсона вызвали в главную контору, и он решил, что его увольняют. Но ему неожиданно предложили поехать на Волгу, на стройку тракторного. Роберт согласился. Что ж, если он единственный негр у Форда в Детройте, он может быть единственным и у «мистера Иванова» на Волге. Он даже не поинтересовался, кто этот «мистер Иванов», не узнал, что директор в недавнем прошлом такой же рабочий, как и он. У Робинсона был свой счет с миром.

На Волге, на Тракторострое, Робинсон встретил своих соотечественников. Специалисты, которые приехали строить завод-гигант, жили не в палатках и бараках, как все строители, а в новых домах. Они отказались быть под одной крышей с негром.

Наутро американский мастер поставил Робинсона к станку, дал плохой резец и бракованные детали. Робинсон спокойно сказал, что эти детали не годятся. «Где ты обучался таким тонкостям?» — подозрительно спросил мастер. Роберт объяснил, где он работал раньше и почему не годятся эти детали, и мастер понял, что фордовского негра не так-то просто сбить с толку. Тогда Робинсону дали настоящие детали и предупредили: «Эй, ты! Если только испортишь хоть одну — это будет твой конец здесь».

Советские инженеры заметили, как некоторые специалисты стараются подвести негра, и поручили ему новую работу. Робинсону, мастеру-шлифовщику, дали в обучение двух молодых рабочих, а чуть позже еще и ученицу Олю. Он увидел новых людей, но не сразу понял их. Приветливость, дружелюбие, теплые слова — зачем все это негру?

Что это — вежливость к заокеанскому «мистеру» или просто лицемерие? Роберт не спал ночами, пытался осмыслить, разобраться: что же на самом деле думают эти люди о нем?

Застенчивая Оля не отходила от мастера. Сначала она ничего не умела — ведь в глухой деревеньке, откуда она приехала, не увидишь станка. Оля ничего не говорила учителю — лишь смотрела из-под низко повязанного плат-

ка, как движутся темные руки, кивала, выслушав объяснения Робинсона. Через несколько недель запустила станок и обогнала двух парней. А потом и самого учителя.

Робинсон сначала не поверил. Он внимательно сосчитал свои и Олины детали, измерил инструментом. Ее деталей было больше, и все — безукоризненно точные! «Вы настоящий талант, Оля!» — сказал мастер. Только потом он вспомнил, что улыбался. И понял, почему Оля называла его «товарищ Робинсон».

Робинсон остался жить в СССР.

— Мне трудно выразить словами то чувство, которое я впервые испытал: что я действительно человек.— Робинсон наконец-то сказал всему миру то, что он думал.— Я снова захотел жить, полюбил жизнь.

В те дни, когда Робинсон обучал молодых рабочих на тракторном заводе точить детали, западный мир заговорил о семье Филипповых.

Филиппов — рядовой рабочий московского завода «Красный пролетарий», и семья у него обычная, рабочая. На семейных фотографиях — самые простые сцены: Филипповы на заводе, Филипповы на прогулке, Филипповы дома, Филипповы в школе. Но именно эти бесхитростные фотографии, которые сделал корреспондент советского журнала, путешествовали с передвижной фотовыставкой по столицам Западной Европы и взволновали тысячи людей. И понятно почему: после гражданской войны в России, как и повсюду в Европе, были безработные. В 1929 году в капиталистическом мире насчитывалось 25 миллионов безработных, годом позже их стало уже 37 миллионов. Посетители фотовыставки видели, что в отсталой когда-то России пятилетка повернула жизнь простого человека: у всех есть работа, все отдыхают, все учатся, как Филипповы. Простые фотографии явились для многих людей настоящим открытием: в СССР, в единственной стране мира, после первой пятилетки не стало безработных!

Рабочий Филиппов вечерами отвечал на сотни писем с заграничным штемпелем; ему помогала вся семья. Осенью к ним на квартиру зачастили делегации из-за границы: рабочие разных стран поручили им проверить, так ли живут Филипповы, как было показано на фотографиях. Двери Филипповых гостеприимно открыты — пожалуйста, смотрите, фотографируйте, спрашивайте: секрет рабочего счастья очень прост.

— Я горд,— сказал глава семьи,— что живу и тружусь в СССР. Здесь я свободный человек.

Негр Робинсон и белый Филиппов никогда не видели друг друга. Разные у них были судьбы. Но рабочий из Детройта и рабочий из Москвы сказали почти одни и те же слова о самом главном в своей жизни.

Большинство иностранцев, побывавших в те годы в СССР, были честными людьми. В Советской стране они встретились с новыми обычаями, с новыми законами жизни и одобрили их. Приезжали люди и злобные, ценившие один лишь бумажный доллар,— они так ничему и не научились. Немало лжи было в заграничной печати.

Когда враждебные газеты писали, что в Советской России человека заставляют работать насильно, сорок семь американских рабочих, строивших автозавод в Горьком, заявили:

«Лучшим ответом на ложь о принудительном труде с нашей стороны является то, что многие из нас подали заявление Советскому правительству с просьбой разрешить навсегда остаться в нашем пролетарском Отечестве».

«Успех пятилетки,— сказал английский писатель Бернард Шоу,— это единственная надежда мира».

Американская печать признавалась: «Путеводными точками советских равнин не являются большие кресты и купола церквей, а зерновые элеваторы и силосные башни».

«Каждое новое предприятие, построенное в СССР,— писала газета французских коммунистов «Юманите»,— новая крепость, новая линия окопов, занятая социализмом».

Мир вглядывался в СССР.

Друзья радовались нашим успехам. Враги вынуждены были их признавать.

Когда Шестнадцатый съезд партии обсуждал выполнение заданий первой пятилетки, Валериан Владимирович Куйбышев процитировал с трибуны признание одного из зарубежных противников пятилетки капиталиста Лесли Уркварта, опубликованное в американском журнале: «Мы все убеждены, что если Советское правительство справится с пятилетним планом восстановления промышленности, то это даст в его руки такую силу, которая разрушит или, во всяком случае, нанесет самый тяжелый удар всей нашей цивилизации».

— Нам нечем утешить господина Уркварта,— сказал Куйбышев.— Советское государство весьма успешно справляется с пятилетним планом...

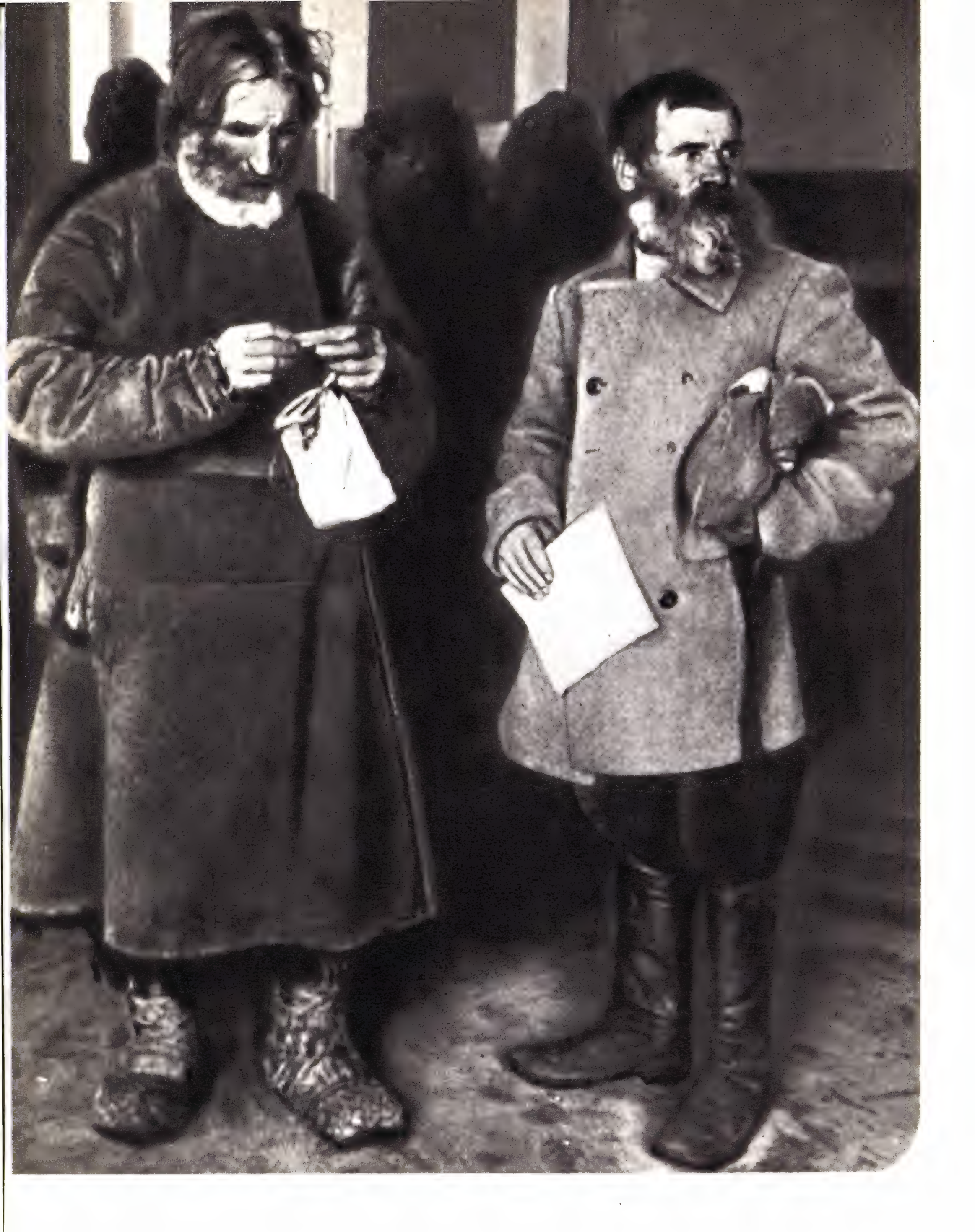
Шестнадцатый съезд партии вошел в историю как съезд развернутого наступления социализма по всему фронту.

„Я ЗА КОММУНИЮ"

РАССКАЗ О МИЛЛИОНАХ, ГОЛОСОВАВШИХ ЗА КОММУНИЮ, О БЕССМЕННОМ ПРЕДСЕДАТЕЛЕ КОЛХОЗА „БОЛЬШЕВИК", О БОСОНОГОЙ КОРЗИНЩИЦЕ, КОТОРАЯ СТАЛА КОРОЛЕВОЙ, О ЧЕТЫРЕХ ПОКОЛЕНИЯХ СИБИРСКИХ БОЙЦОВ И КОММУНАРОВ

СОЮЗ СЕРПА И МОЛОТА

Рассказ о том, как крестьянин сказал: „Я за коммунию“

Отгремели бои гражданской войны, и от моря до моря, от края до края двинулась крестьянская Россия в трудный поход — строить новую жизнь в деревне.

Совсем недавно проносились по дорогам красные конники, пересохшими губами шептали: «Навечно, навсегда будет земля наша...»

После пожаров, после взрывов лежит земля израненная, выжженная, заброшенная, вытоптанная копытами. Земля бедняцкая, изрезанная на клочки, как лоскутное одеяло. И рядом — бывшая помещичья, бывшая царская, бывшая монастырская — 150 миллионов гектаров, навечно переданных беднякам декретом Советской власти.

Что же, снова ковырять ее деревянной сохой, убирать урожай косой да серпом каждому на своей делянке? Что делать крестьянину с этой громадной землей, когда нет машин, скота, лишнего мешка зерна? Снова идти к сельскому буржую-кулаку батрачить, просить у него лошадь поле вспахать, семена одалживать для посева?

«Лампочка Ильича».

Мелким хозяйством из нужды не выйти.

Ленин разработал кооперативный план, по которому должно было развиваться новое коллективное хозяйство. В этом плане говорилось: нужна коллективная, товарищеская обработка земли — кооперация. Кооперация выгодна и для самого крестьянина и для государства. На общем поле можно технику применять, хозяйство вести по-научному. На помощь крестьянину придет электричество, возникнут крупные хозяйства. Произойдет это не сразу, не вдруг. Не привыкли еще крестьяне работать коллективно. Машин в стране мало; до сих пор были они у помещиков и кулаков — привозные, из Америки. Деревянная соха — вот бедняцкое орудие. По данным переписи 1910 года в стране было около 8 миллионов сох. «На сохе далеко не уедешь»,— говорили крестьяне на своих собраниях.

«Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами... то средний крестьянин сказал бы: «Я за коммунию» (т. е. за коммунизм)», — мечтал Владимир Ильич Ленин.

Для того чтобы завтра дать крестьянину машины, надо было уже сегодня строить свои заводы сельскохозяйственных машин. Первый помощник и союзник крестьянина — рабочий класс. На Урале, в Сибири, на Волге поднимутся заводские корпуса, просалютуют вскоре союзу Серпа и Молота гудки паровозов, развозя новенькие тракторы, сеялки, комбайны...

А пока в разных уголках страны возникают коммуны и артели. Всей деревней идут смотреть, как распахиваются межи, как сливаются в одно просторное поле узкие полоски земли. И светлеют лица людей, словно не межи стираются, а ломаются невидимые стенки, отгораживающие одного человека от другого, роднятся люди особым родством, которое крепче кровного. Крестьяне понимают: теперь это поле — общее, не Ивана Спиридонова и не Петра Никифорова, вместе им трудиться на нем и по труду, по справедливости делить заработанный хлеб. Сколько лет повторяли они правило старой жизни, где хозяином был помещик и капиталист: «Человек человеку — волк». А пришли из Питера большевики, убедили: «Хватит каждому на своей делянке мучиться, объединяйтесь в товарищество!» И рушились межи, алыми маками расцветали банты на груди коммунаров.

Назывались первые артели празднично, светло: «Заря свободы», «Заря счастья», «Свободный труд». Да они и вправду были зарей новой жизни, ее ростками. Первые, самые первые, как заря, обещающая ясный, наполненный день.

От села к селу летело, будоражило людей только что рожденное слово — «колхоз». Сколько надежд рождало оно у бедняков, у тех, кого еще вчера называли презрительно «лапотники», «хамово племя», «нищие». Сколько угроз таило коллективное хозяйство для кулацких семей,

притихших, готовых задавить «голодранцев», вступивших в колхоз.

А «голодранцы» вспахивали бывшую помещичью землю, ездили на агрономические пункты советоваться, как лучше вести хозяйство, встречали тракторные колонны, сдавали в город зерно. Артелям выделялись самые плодородные земли. Все больше осторожных, колеблющихся крестьян оглядывались на колхозы, задумывались о своем житье-бытье. Их называли середняками: в отличие от бедняков они имели скот, свое хозяйство, но не были такими зажиточными, как кулаки. Середняков было в деревнях большинство. Казалось бы, они могли жить самостоятельно, без колхоза. И все же: «Куда идти?» Раньше местный богатей был для них несокрушимой силой, даже примером для подражания: у кулаков в закромах зерно отборное, скот образцовый, дом — крепость. Куда там голытьбе! А теперь бывшая голытьба побеждает. Все видят, что урожаи самые высокие — в артели, артельщики-колхозники поддержку имеют от государства, даже засуха и та их не разоряет.

Волновалась, спорила до глубокой ночи деревня. Середняки видели наглядно силу колхоза. Кулачье злобилось. Поползли разные слухи про колхозные порядки — один хуже другого. Какие-то люди ходили по деревням, пророчили: «Конец придет коммунистам-антихристам, скоро сами увидите...» Темной ночью из-за угла нападали бандиты на колхозных вожаков, убивали активистов. Пылали скирды с хлебом, подожженные вражьей рукой, горели сараи с только что привезенными сеялками, молотилками, колхозным добром.

В бывшем имении пана Собаньского коммунары готовились к первой пахоте, когда обрушились на них беды: кто-то ночью открыл щиты плотины, вывел из строя мельницу, перерезал жилы у артельских коней. Мельницу наладить можно, а какая пахота без коней... Артельщики обратились к создателю своей коммуны, герою гражданской войны комбригу Котовскому. Котовский, узнав о несчастье, спешно выехал в Одессу и отправил оттуда три

трактора для коммуны. Эти тракторы и вспахали поля... Когда комбриг погиб в стычке с бандитами, провожать его в последний путь вместе с однополчанами приехали коммунары. Они шли рядом с конниками, держа колосья хлеба...

Устраивая пожары, выводя из строя машины, убивая активистов, надеялись кулаки: испугаются, отступятся, разбегутся коммунары. Но по всей стране крестьяне семьями, деревнями, а то и районами вступали в колхозные артели. Крестьяне понимали: жить, работать, бороться с кулачьем надо коллективно.

«Пришло время держать курс на всеобщую коллективизацию»,— говорили делегаты, собравшиеся в декабре 1927 года на Пятнадцатый партийный съезд.

В то время старейший в Ленинграде Путиловский завод увеличил выпуск тракторов. Строились Сталинградский, Харьковский, Челябинский заводы. Машинно-тракторные станции появились в селах. Металлисты Ульяновска организовали «Добровольное общество культурного шефства над деревней», ездили по селам, читали вслух газеты, открывали избы-читальни. Все заводы страны были за тесный союз, за смычку, за дружбу города и деревни. 180 тысяч рабочих приехали в районы помогать коммунарам агитировать за кооперацию. На постоянную работу в деревню послала партия 25 тысяч передовых рабочих-коммунистов. Двадцатипятитысячники убеждали крестьян смелее начинать новую жизнь.

У кулаков свои агитаторы, нашептывают середняку: «Ты в колхоз запишись, а скотину свою порежь, не веди в общий сарай, твоя она, кровная. Никому пусть не достается, зато сам мяса поешь вдоволь!» Поддавались уговорам слабые духом, растерянные: все новое ведь пугает. «Колхоз,— рассуждали они,— чужой, может, завтра и развалится». Много порезали скота несознательные. Большой урон понесло молодое советское хозяйство от кулацкой вражды.

«Пора кончать с кулаком»,— решила Советская власть.

Злостных врагов судили, высылали в отдаленные

Строительство Большого Ферганского канала.

районы, перевоспитывали. Все силы были направлены на коллективизацию.

К концу первой пятилетки было создано более 200 тысяч колхозов. Коммунисты говорили тогда: «Вопрос «кто — кого» решен в пользу социализма: победил колхозный строй, победил ленинский план кооперации».

Не сразу, не в один год родились колхозы в республиках и на окраинах страны.

В РСФСР почти всюду были уже колхозы, а в степях Казахстана, Киргизии двигались, как перекати-поле, кочевали с места на место больше полумиллиона скотоводов.

В аулах, кишлаках Средней Азии заправляли еще кулаки — баи, им принадлежали лучшие земли и арыки, а простые люди жили в бедности, нищете, неграмотности.

Могут ли отсталые народы встать на путь строительства социализма, минуя обычное для всех стран

Живая вода цветущей Ферганы.

капиталистическое развитие? Без фабрик и заводов, без развитого сельского хозяйства, без всеобщей культуры...

Партия знала, что есть великая сила, которая за короткое время преобразит жизнь отсталых народов, сделает их равными во всем с другими народами страны. Эта сила — Советская власть. Она приведет народы Средней Азии к социализму. Дело непростое, не надо торопиться, пусть люди убедятся сами, что дает им новая жизнь.

«Кто владеет водой — тот владеет жизнью» — гласит среднеазиатская пословица. Дать засушливым районам воду — значило перевернуть жизнь народа. На следующий же год после победы революции Владимир Ильич Ленин подписал Декрет об орошении земель Туркестана. 50 миллионов рублей выделялось на строительство оросительной системы в Учкурганской степи и долинах Зеравшана и Чу. Уезжая в далекую Голодную степь, посыльные Ленина вспоминали, как Владимир Ильич говорил им о важности орошения пустынных земель, о том, что орошение освободит батраков от байской зависимости. Когда ленинские посланцы, приехав на место, оглядывали мертвую засоленную землю, они и представить себе не могли, что когда-нибудь каналы с живительной влагой протянутся на сто тысяч километров, расцветет Голодная степь, покроется садами, виноградниками, хлопковыми полями. Начало этим переменам дал ленинский декрет.

Новая жизнь отсталых раньше народов — не только принадлежащая им земля и каналы, но и новый быт. Бывшие кочевники строили дома. В колхозных селах открывались школы, красные уголки, больницы. Уходили в прошлое суд богачей, угнетение женщины, детская смертность. Посланцы партии — двадцатипятитысячники — приехавшие из России агрономы, трактористы, учителя, врачи помогали узбекам, таджикам, киргизам, туркменам, казахам и другим народам.

Коллективный труд выводил эти народы на путь социализма.

...Напрягая силы, страна строит, пашет, учится — азарт работы захватывает целиком. Проходят годы, и люди

Крестьяне записываются в колхоз.

говорят: «Идея стала жизнью». В тридцатые годы в газетах и журналах писали: «Ленинский кооперативный план стал жизнью миллионов».

Жизнь миллионов... Это годы борьбы с нищетой, отсталостью, разрухой, с боязнью нового, с равнодушной поговоркой: «Моя хата с краю — я ничего не знаю». Это утверждение привычки мыслить и говорить: «наш колхоз», «наш урожай», «наше государство».

Жизнь миллионов колхозников Советской страны день за днем была примером единства труда рабочих и крестьян,— потому и соединены Молот и Серп в знаменитой скульптуре Мухиной на московском проспекте Мира.

Новая жизнь — это «лампочка Ильича», ликбез, комсомольская ячейка, первые тракторы в поле, пионерский отряд на уборке урожая, красный автообоз с флагами,

торжественное открытие клуба, проводы парней в свою, родную Красную Армию.

Труд ежечасный, непрерывный, нелегкий и радостный, похожий на штурм, когда само время отступает и люди диктуют ему особые, советские сроки...

Деревянную соху сегодня разглядывают в музее с таким же любопытством, как и бивень мамонта.

За короткий срок — меньше жизни одного поколения — люди перестраивали, делали более совершенными не только орудия труда — они переделывали, перестраивали прежде всего себя, свое отношение к миру, отношение друг к другу.

Жизнь первых организаторов колхозов, коммунистов-двадцатипятитысячников, первых сельских комсомольцев и коммунаров — это история коллективизации нашей страны.

Каждое государство, будь оно великим или малым, изображает на своем гербе главные знаки, отличающие его от всех остальных.

На гербах старых, родовитых государств, как и столетия назад — на знаменах средневековых рыцарей, гордо выставлены короны, мечи, львы, орлы и другие символы повелителей слабых.

Кто из богачей и завоевателей мог допустить, чтобы на гербе появились самые простые, но самые важные для человека орудия труда?..

В центре советского герба — Молот и Серп.

Первый в мире государственный знак победивших рабочих и крестьян.

И — надписи на языках народов союзных республик: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

БОЛЬШЕВИК

Рассказ о мечтах в шалаше, о новой деревне,
о бессменном председателе колхоза „Большевик“

Двухэтажный шалаш в самой глубине Мещерской низменности построили крестьяне из деревни Нармуч. В Нармуче земля-неродиха. Вот и перебрались они поближе к лугам.

— Окромя коммуны, пути дальше нет,— сказал, как отрезал, всезнающий Яков Смирнов.— Коммуной будем жить. Председателем — Акима Горшкова. Он партийный, пусть руководит.

И стали они жить в высоком, как настоящий дом, двухэтажном шалаше, сплетенном из ветвей мастерами. Наверху женщины и дети, внизу мужчины.

Землю у дремучей лесной глуши, как из пасти волка, выдирали. До кровавых мозолей натирали лопатами руки. Но никто не ушел из коммуны, одна только собака Тюльпан сбежала в Нармуч.

Горшков сказал:

— Выход один, ребята: болота сушить.

Вечером, навоевавшись с комарами, мужики попыхивали цигарками, гадали: какая она будет дальше, их коммунарская жизнь? В раскрытую дверь шалаша смотрели крупные августовские звезды, и, может быть, поэтому хотелось чего-то необыкновенного, красивого.

— Эхма! Отгрохать бы клуб, братцы! Да такой, чтобы с лампочками, с музыкой! — размечтался Яков Смирнов.

Все засмеялись:

— Ишь чего захотел! Чем ты лампочки-то будешь зажигать, лаптем?

— А что? — неожиданно отозвался из глубины шалаша молодой председатель.— Дело стоящее. С клуба и начнем. И лампочки будут. Электростанцию построим. Государство ссуду даст. Советская власть за нас горой.

Клуб заложили прямо за шалашом. На закладку приходили посмотреть люди из разных деревень, словно

Одно из лучших хозяйств Нечерноземья — колхоз «Большевик», где много лет председательствует А. В. Горшков.

коммунары не дом строили, а запускали дирижабль. На памяти у старожилов этого заброшенного края не было такого случая, чтобы строили клуб. На всю округу была одна церковноприходская школа, учили в ней четырем правилам арифметики, умению писать и считать, закону божьему. Во втором классе за партами оставались пустые места: не в чем было ребятишкам ходить в школу. На триста пятьдесят верст округи была одна библиотека, в ней триста книжек, все больше про попов и царей.

Только клуб заложили, опять у коммунаров новость. На государственную ссуду купили они в Полтаве десять прекрасных лошадей, коров приобрели. Шефы с завода прислали им плуги, топоры, лопаты. Осенью 1928 года засеяла коммуна первые четыре гектара. А уж на следующий год сняли такой урожай, что и себе и на продажу зерна хватило.

Из шалаша в общежитие перебрались. Стали думать о тракторе, привезли из города чудовище старой американской марки. Взялись строить электростанцию с расчетом осветить и соседнюю станцию Нечаевскую.

Нечаевская — как остров в океане. Кругом болота, глушь. В лесах кулачье скрывается, нападают бандиты на пассажиров — опасная станция.

В тридцать третьем прислали сюда парторга ЦК Стрельцова Василия восстанавливать железную дорогу, чтобы бесперебойно работала. Вместе со Стрельцовым, с железнодорожными рабочими и строили коммунары электростанцию.

В день открытия станции в колхозе было большое торжество. Договорились, что Аким Горшков включит рубильник, а Стрельцов будет на станции. Вот-вот наступит долгожданная минута... И вдруг телефонный звонок. Слышит Стрельцов срывающийся голос Горшкова: «Василий, бандиты!» Вовремя позвонил председатель: Стрельцов с рабочими успели схватить главаря банды. Тут как раз загорелся свет. Заперли в комнате налетчика, а обыскать забыли. Стучит он в дверь: «Откройте, я покажу остальных...» Открыл Стрельцов дверь и упал, сраженный выстрелом в висок. Воспользовавшись суматохой, бандит скрылся.

Через полтора года в селе Туме схватили убийцу, он похвалялся в чайной, что «хлопнул парторга Стрельцова».

Кулаки не раз нападали и на коммунаров. Осенью зарезали они несколько коров, сожгли лошадей — облили их серной кислотой.

Но назло врагам рос и набирал силу колхоз «Большевик».

С каждым годом все больше отвоевывала артель земли у Мещеры. В работе помогала механизация. На первом же скотном дворе провели подвесную дорогу, у колодцев поставили насосы, по трубам пошла вода на колхозные фермы.

Прошли десятилетия после организации колхоза.

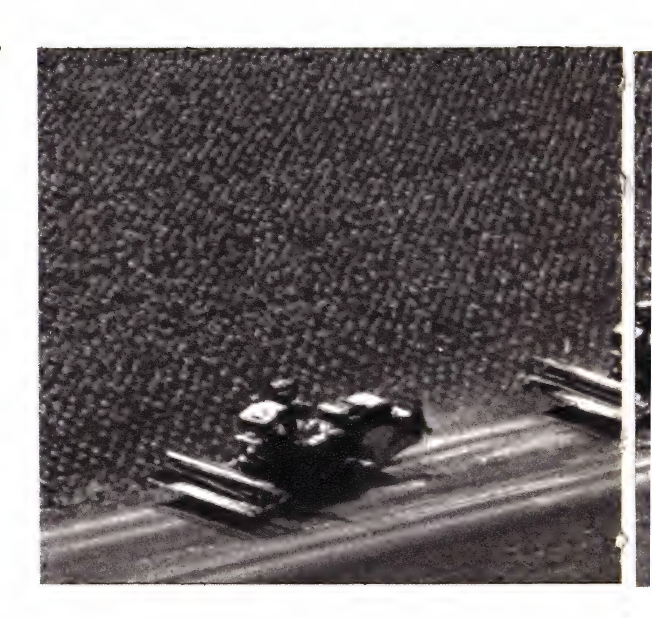
«Большевик» знаменит на всю страну. Его председатель — дважды Герой Социалистического Труда.

У «Большевика» тысячи гектаров земельной площади. В гаражах — машины всех марок и систем, грузовые и легковые автомобили, десятки тракторов, разгрузчики, погрузчики. В животноводческом городке постройки на каменных фундаментах, в них крупный рогатый и мелкий скот. На каждом скотном дворе электрическая вентиляция, водопровод, автопоилки, коров доят аппараты. По железнодорожной ветке доставляют в колхоз торф. Тут же, на месте, его перерабатывают на удобрение и развозят на поля.

Крепкое, налаженное хозяйство у Акима Горшкова, а он все недоволен. Толкует сельчанам: «Техника — это хорошо. Только без настоящей культуры мы и на тракторах в коммунизм не въедем». Потому и идут в колхозном детском саду уроки музыки, агролаборатория преподает подросткам уроки плодородия. Допоздна светятся окна колхозного клуба — работает кинопередвижка, библиотекарь выдает книги.

...«Беспокойный человек наш председатель,— говорят колхозники.— Дела идут хорошо. А вот поди-ка, расстроился из-за какой-то малости».

Современное село — это прежде всего техника.

«Малость» эта заключалась в том, что кто-то нажаловался председателю, будто школьники со старшими перестали здороваться.

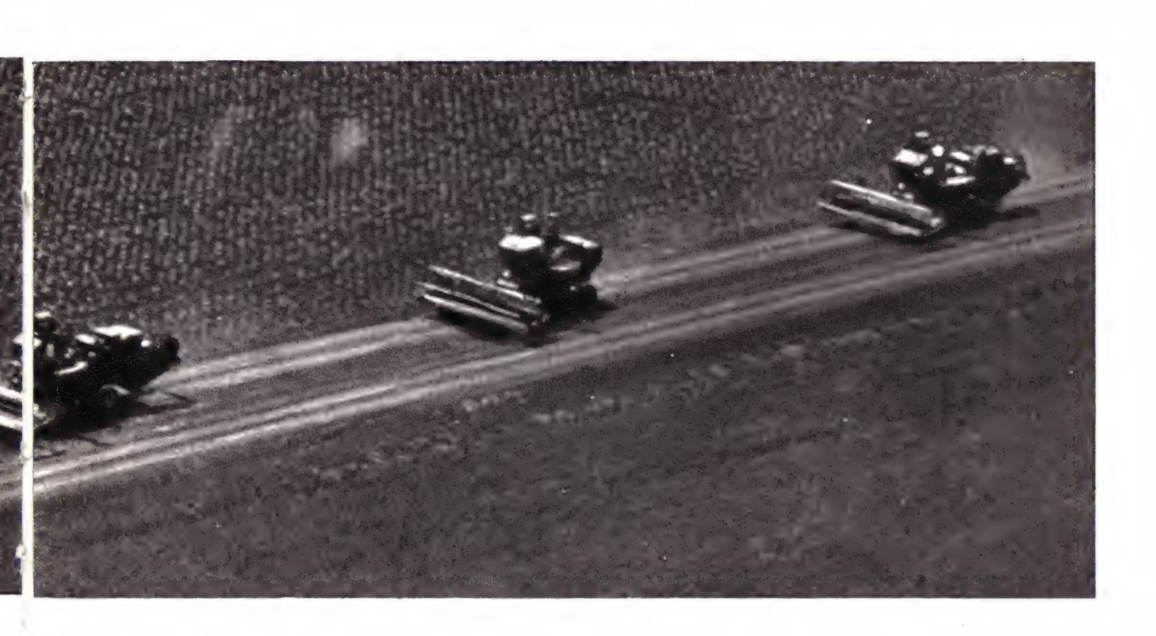
— Это что же получается? — разошелся Горшков.— Коров научились выращивать, а детей нет, выходит?

Вышел из правления, встал на дороге, наблюдает за мальчишками и девчонками, которые из школы возвращаются.

Бежит вприпрыжку первоклассник, портфелем размахивает. Увидел председателя — пошел спокойнее, поздоровался:

— Здравствуйте, Аким Васильевич!

Идет дальше коротышка, а навстречу ему шофер — косая сажень в плечах. И ему «здравствуйте» мальчуган сказал. Шофер — ни слова, будто не мальчишка мимо прошел, а невидимка. Горшков хотел было остановить шофера, но тут как раз на дороге Славка Смирнов показался, внук того самого Якова Смирнова, который в шалаше мечтал о клубе.

— Здравствуйте! — сказал ничего не подозревавший Славка.

Еще с полчаса постоял Горшков на дороге и убедился: не в ребятах дело, взрослые люди ответить на приветствие ленятся. Вернулся в правление, говорит:

— Безобразие, сами уроки пренебрежения детям даем. Ведь эти Мишки, Вальки и Петьки, которые сейчас в школу бегут,— наши будущие шоферы, доярки, зоотехники. Как они с людьми будут потом разговаривать? Срочно собираем собрание.

— А какой вопрос на повестке?

— Наиважнейший.

Долго потом обсуждало собрание хорошее слово «здравствуйте».

...Давно сменил Аким Васильевич гимнастерку на городской пиджак, темные кудри словно морозом обожгло, а все такой же напористый, горячий.

Не успел войти в правление, сразу же принялся за дела:

— Отчеты до сих пор не сдали...

И вдруг улыбнулся радостно:

— Здравствуйте!

И все поняли: не хочет председатель сердиться. Еще бы: человек только что с Кубы вернулся.

— Аким Васильевич, заждались.

— Аким Васильевич, как там, жарко?

— А про наш колхоз кубинцы спрашивали?

— Интересовались. Все как есть выложил: и про доходы, и про отпуска, и про больничные листы. О пенсиях упомянул. «У нас в «Большевике» все колхозники, как рабочие на заводе, за труд деньги получают»,— сказал. «Мы у вас учиться будем!» — говорят. Я, конечно, отвечаю: «Пожалуйста». А сам думаю: все ли дома в порядке?

На столе председателя накопилась гора писем: из Гусь-Хрустального, из Мурома, из Коврова — и все с одной и той же просьбой: примите в колхоз.

Такие колосья вплетены в герб нашей Родины.

Чтение писем прервал телефонный звонок.

— Да-да. Это мы заказывали витамин «А» и хвойную муку. Сейчас пришлем машину.

Снова звонит телефон.

— Горшков слушает. Как не берете? Десять тысяч яиц не берете? — Брови председателя поползли вверх.— Вы что? Да вы не заготконтора, а контора бездельников! — Аким Васильевич бросил трубку.— Нет, вы только подумайте,— развел он возмущенно руками,— государство хлопочет о том, чтобы в магазинах молоко и яйца не

переводились, а тут первосортную продукцию не принимают! Я этих волокитчиков в покое не оставлю. Я в обком партии позвоню... Алло, телефонистка, дайте мне обком...

В председательском кабинете как в штабе: люди заходят, говорят коротко и уходят выполнять задания. Вечером — совещание с агрономами области, разговор серьезный, о планах.

— Вы говорите: мечты, планы,— улыбается в ответ на вопросы Горшков.— Мечты — это не розовые облачка. Их сегодня же, сейчас осуществлять надо.

Он встает, расхаживает по кабинету.

— Очень хочется,— продолжает он взволнованно,— чтобы люди видели: не за горами, за долами счастье, а вот оно — рядом.

Главная улица села прямая, как струна. По обеим сторонам ее дома-особняки тянутся прямо к лесу. И продолжают улицу колонны ослепительно белых берез. Если бы дома не стояли на высоких фундаментах, никогда бы и в голову не пришло, что выстроилась улица на бывшем болоте. Все постройки добротные, под железными крышами. Нигде бревна потемневшего не увидишь, ни сараюшки-развалюшки, ни колодца с журавлем — городская улица, да и только! Из самой Москвы привез Аким Васильевич Горшков архитекторов в колхоз, наказал:

— Мы от старой деревни сбежали. Так вы, товарищи архитекторы, нам новую деревню спланируйте. А уж наши строительные бригады постараются!

И стоят дома, подставляя бока солнцу. Журчит в кранах вода, на кухне — газовые плиты. Хочешь — испеки пироги в печи, хочешь — в газовой духовке...

Есть на главной улице место, на которое обращают внимание все приезжие. Это кустарник. Вырвался он к дороге и вроде бы нарушает всю геометрию. Среди зарослей — обелиск с надписью о том, что на этом месте в 1928 году был поставлен коммунарами первый шалаш, с которого и пошло хозяйство артели «Большевик».

ИЗ САМОГО ЗНАТНОГО РОДА

Рассказ о босоногой корзинщице, которая стала королевой

Гости ехали к королеве.

Машина мчалась по заснеженной равнине, сливающейся с низким небом, сизым, как голубиное крыло.

— Это все ее владения,— сказал шофер.

Вот и постройки — крепкие, ладные дома, фермы, школа. Машина остановилась у красивого белого здания.

Сейчас все увидят королеву, ее лицо, увековеченное в бронзе скульптором Кербелем: прямые волосы зачесаны назад, нос с курносинкой. Она — государственный деятель. Ее встречали с почестями в Берлине, Праге, Варшаве, Софии и Будапеште. «Современная королева»,— рассматривая скульптурный портрет, сказал известный художник.

...Королева сидела в зале за столом рядом с бархатным знаменем. Голова и плечи ее были закутаны в пуховый платок. Внимательный, смелый взгляд серых глаз.

— Вы знаете,— поздоровавшись, сказал корреспондент,— что вас зовут королевой?

Королева от души рассмеялась:

— Когда мне было двенадцать лет, меня назвали принцессой.

Тогда она бегала босиком, продавала на базаре сплетенные из прутьев корзины и соломенные туфли. Вырученные деньги мать откладывала на покупку лошади. Однажды девочка утаила одну монету. Дело в том, что она любила читать. Робко вошла в книжный магазин. Заметив оборванную девочку, продавщица сказала:

— Милостыню здесь не просят!

— Я не милостыню, я книжку прошу.

Молодой барин, наблюдавший эту сцену, потребовал немедленно показать книги. Он выбрал две: Толстого «Князь Серебряный» и Лажечникова «Ледяной дом».

— Вот тебе, принцесса, подарок...

«Барин, видно, посмеялся надо мной,— думала она,

прижимая к груди книги.— Какая я принцесса? Разве принцессы нянчат детей и плетут корзины? Вон сколько я их наделала, скоро уж лошадь купить можно!»

В деревне хвалили: лошадь в дом привела!

Была она такой ловкой и жадной в работе, что казалось, дай ей волю, она перевернет всю деревню Саметь, всем хлеба напечет, всех наделит ситцем, детворе книжки накупит, соберет всех под лампочкой и станет им читать. В электрическую лампочку она сразу поверила — с того самого дня, как бабка Наталья из соседнего дома на лампочку дула, дула, а погасить не смогла. И в трактор поверила и полюбила его, как живое существо. На всю жизнь запомнила она тот день, когда появился трактор в их артели. Шел он по пашне, ровно, как пава, и ломоть к ломтю отвороченную землю прикладывал. Ребятня бежала за ним, расспрашивала: «Из чего же он сделан? Какая сила его толкает?» Это был как раз один из малосильных «фордзонов-путиловцев», которые делали в двадцатые годы по американскому образцу на ленинградском заводе «Красный путиловец»...

Не каждая королева умеет доить коров, лечить телят, строить фермы. А Прасковья Андреевна Малинина все делала сама. Она дважды Герой Социалистического Труда, обладательница шести орденов Ленина, лауреат Государственной премии, председатель колхоза «12-й Октябрь» в Костромской области.

Колхоз этот вывел знаменитую костромскую породу коров. Выводить новую породу скота — сложное и долгое дело. Тут иногда и целой жизни не хватает. И случилось так, что самое большое торжество свое, свою победу отмечала Малинина в горестные дни войны.

Как трудно жили. Работали день и ночь. Мужчины на фронте. Техники почти никакой. Женщины и пахали и сеяли на быках. Рыли силосные ямы, заготавливали корм.

Фронт и тыл надо кормить, коров отборных надо выхаживать.

Председатель колхоза «12-й Октябрь» П. А. Малинина.

В 1944 году пришло в Саметь сообщение: едет в колхоз государственная комиссия, академик Ефим Федотович Лискун хочет удостовериться, действительно ли выведена новая порода в Самети.

Комиссию вышли встречать всей деревней. Вывели скот, уздечки с колокольчиками коровам надели.

Ефим Федотович осмотрел коров внимательно:

— Есть порода, есть. Можете радоваться.

И пошли все на ферму. Доярки приступили к дойке. Лискун то к одной, то к другой подойдет, спрашивает про удои, про трудодень, про семью. Оказалось, что у большинства доярок мужья погибли на фронте.

— Какие мужественные люди работают у вас! — сказал Лискун.— В доме сироты, а они духом не падают.

— Теряться нам нельзя,— говорит Малинина.— Мы свою ответственность понимаем.

Этот разговор вспомнился Прасковье Андреевне много лет спустя, когда она как председатель областного Комитета защиты мира приехала с делегацией в Париж.

На встречу с Малининой пришли разные люди, в том числе и ученые.

— Вижу, у некоторых вид важный, презрительный — неохота им простую бабу слушать,— вспоминает Малинина.— Меня предупредили: «Не сбивайся». Я, конечно, не королева, а свое достоинство имею. «Господа, говорю, я простая колхозница, практик и расскажу вам о делах практических». А начала с войны. Вспомнила поля наши сожженные, кровью политые. «Землю мы выходили, говорю, а вот раны, нанесенные людям, не забываются. Была я у вас в местечке, где похоронены сто молодых французов, гитлеровцами расстрелянных. До сих пор родители их в скорби. Поняли мы друг друга прекрасно. И с вами мы друг друга должны понять». Два часа говорила. Вижу: слушают, записывают. А под конец вопросами засыпали. Один вопрос с подковырочкой: «Что вы все про хорошее говорите, у вас что, плохого нет?» — «Почему нет,— отвечаю.— В работе все случается. Плохое и у вас есть. Только зачем нам плохим меняться? Я ведь приехала хорошие хозяйства смотреть. Так и вам, думаю, от меня хорошее хочется услышать». Заулыбались...

Возили меня по стране. В одном французском поселке собралась тысяча человек. Выступала капелла. Кончили петь, подходят ко мне девушки, спрашивают с сомнением: «А вы петь умеете?» — «Ах вы, пташки мои, сомневаются! Да наш колхозный хор-то лауреат, а поем мы на четыре голоса». Это я про себя. Им же говорю: «Скажите оркестру, пусть сыграет «Подмосковные вечера». И запела. Потом танцы начались. Подлетает ко мне паренек — приглашает танцевать. «Что ж, станцуем в паре русскую!» Пошла я отплясывать. Партнер мой пощады просит, а я не сдаюсь: вот вам, смотрите, как на Волге пляшут!

На крестьянском конгрессе в Германской Демократической Республике встречалась она с доярками, зоотехниками, осматривала фермы. Коровы красивые, а в помещениях грязновато. И скот редко кормят.

Вечером пригласил советскую делегацию к себе секретарь ЦК партии по сельскому хозяйству, просит:

— Выступите, товарищ Малинина, на завтрашнем совещании, покритикуйте наших людей.

Прасковья Андреевна всплеснула руками: «Вот так так! Обижать товарок не хочется».

— Лежу в гостинице ночью, кручусь, не сплю. К утру надумала...— В глазах Малининой загорелась хитринка.— Собрались все в зале. Объявляют меня. Сначала коротко рассказала, как мы работаем в Самети. Потом к немецким фермам перешла. «Должна, говорю, я вам, товарищи, свой сон рассказать. Снилось мне, будто купила я у вас для своего колхоза десять коров и одного быка. Скот у вас прекрасный. Погрузили его в вагоны. Только гляжу: стоят коровы невеселые, а бык и вовсе голову повесил. Или они ехать ко мне не хотят? Я и говорю коровам: «Не горюйте, мы вас не два раза, а четыре кормить будем. Холить будем». Поняли крестьяне мой сон-сказочку, поняли...

Через день снова гостью на фермы приглашают. А уж тут чистота, перешли на трехразовое кормление.

Вечером на встрече с правительством к Малининой подошел секретарь Центрального Комитета.

— Молодец! Дипломат! Какую волну соревнования за чистоту ферм по всей стране подняла!

В пять утра просыпается королева, а в шесть подъезжают к правлению машины: избиратели из окрестных сел и поселков едут к своему депутату с просьбами. Двадцать тысяч заявлений рассмотрела Малинина за многие годы, хлопотала в министерствах, совещалась с юристами, жизнь человеческую устраивала. Какое надо сердце иметь, чтобы вот так каждый день теплом и лаской оно не скудело!

Только уехал последний избиратель — явились заготовители. Подписала Малинина документы на отправку картофеля в Ленинград. Теперь пора заглянуть на молокозавод. Здесь все механизировано. Доярки на ферме к молоку

не прикасаются: идет оно в охладитель; тут его машина в пакеты расфасовывает. За машиной следит инженер.

И техника в колхозе богатая, и живут люди весело. В Доме культуры кружки музыкальные, оркестры, библиотека. Детский сад на полном обеспечении колхоза. Школу новую выстроили. Шестнадцать Героев Социалистического Труда в колхозе, из них двенадцать женщин.

— А как школьники к земле относятся?

— Ребята-то? Землю любят. И как ее не любить, когда все живое от нее. Заботиться о земле и ее хозяине всем нам Владимир Ильич наказывал. Не был он землепашцем, а о судьбе крестьянской лучше него никто не сказал. Я когда на совещание в Ленинград ездила, побывала в Смольном, в том зале, где проходил Второй Всероссийский съезд Советов и зачитывали Декрет о земле. Гляжу на все с волнением и вдруг слышу Ленина голос — это пластинка звучит. Говорил Ленин о земле — что, если за землей ухаживать, она сторицею отплатит; что плохо без хлеба рабочему классу; на вас, мол, крестьяне, надеется Советская власть и верит — надежды вы ее оправдаете...

...Любовь к земле,— продолжает Прасковья Андреевна,— надо прививать, когда человек под стол пешком ходит. У нас в детском саду няньки карапузов обучают: «Вот морковь, а вот трава, морковь не тронь, траву выдери». Школьники на фермы приходят, телят обхаживают. И я, и зоотехник, и полеводы в школе бываем, обо всем с ними советуемся. Куда ребята после школы пойдут? Да к нам, конечно, в колхоз. Чем их доля не завидная? У нас одних героев труда знаете сколько!.. Народ наш красивый, как песня русская.

Прасковья Андреевна подперла голову рукой, тихо запела: «Скажи, скажи, березонька...»

И словно окно распахнулось, раздвинулось необозримым экраном. Промчались сани под заснеженными ветками берез. Воробьями запрыгали на дороге мальчишки... Алая полоса зари полыхнула над Волгой. Прекрасна была в эти вечерние часы Саметь, деревня, где живет королева из самого знатного рабоче-крестьянского рода.

ДИНАСТИЯ ПИВОВАРОВЫХ

Рассказ о четырех поколениях сибирских бойцов и коммунаров

...Шел четвертый день штурма Мамаева кургана, на котором засели гитлеровцы. Противник встречал атакующих шквальным огнем. Казалось, ливень свинца непреодолим, но снова и снова карабкались по крутым скатам защитники Сталинграда.

Сгибаясь под тяжестью бронебоек и автоматов, поднимались на курган и истребители танков. Впереди шел немолодой коренастый солдат. Он попеременно стрелял то из бронебойки, то из автомата. И даже после того, как осколком мины его ранило в руку, он не отстал. В мокрой от крови гимнастерке вместе со всеми взял высоту.

— Вот так дерется старая гвардия! — сказал в минуту передышки замполит и показал на солдата с бородкой.— Товарищ Пивоваров защищал Царицын.

Молодые бойцы просили:

— Иван Афанасьевич, расскажите о гражданской!

Но как-то все не получалось: попал в госпиталь, потом начались бои в горящих цехах тракторного завода. Ни днем, ни ночью не было у солдат передышки. Не успел Иван Афанасьевич рассказать о себе.

Много лет спустя стала известной история его семьи.

...Отец заслуженного солдата, Афанасий Пивоваров, в юности батрачил. Терпел от хозяев, пока терпелось. А кончилось терпение — взбунтовался. По царскому указу сослали его в Сибирь. С детишками, с женой прибыл в глухую тайгу «политически неблагонадежный» Афанасий Пивоваров. С такими же, как он, бунтовщиками на берегу речки Поперечной вырыл землянку. Сыновья Иван и Митрофан допытывались:

— А дом-то будет когда? В землянке пропадем!

— Почему ж ему не быть? Рук, что ль, у нас нет? Леса во-он сколько!

Леса действительно было много. Он подступал со всех

сторон. Корчевали пни, выжигали поляны, отвоевывали у тайги землю для посевов. Построили дом. И тут грянула первая мировая война. Сыновей Пивоварова забрали в солдаты, за царя отправили воевать.

Революция все изменила. Отец в Питере оказался — штурмовал Зимний. По мраморным лестницам дворца шагал батрак Афанасий. Сыновья попали на Дон. В степях на тачанке носились с пулеметом. Боялись беляки лихой тачанки. Горячая кровь бурлила в Пивоваровых!

Царицын. Перекоп. У Перекопа навек остался лежать Митрофан. Иван был ранен. Пришлось ему ехать домой. Дома тоже не тихо: недобитые банды беляков рыщут. Разогнали банды. Отец и сын Пивоваровы вернулись к земле. Походные мешки снесли в чулан. А гимнастерки словно приросли к плечам: и сеять, и пахать — все в них. Вечерами у Пивоваровых полно соседей, только и слышно: коммуна, Ленин...

— Весь мир перевернулся. По-старому нам не жить,— сказал Иван.— Пойдем в коммуну...

По слову Пивоваровых бедняки объединились в коммуну; позже коммуна выросла в большой колхоз.

«Дед Афанасий работал в колхозе до глубокой старости. Отец же наш, Иван Афанасьевич, помогал создавать новые колхозы, а потом вместе с другом по гражданской Харлампием Ляхом организовал в 1930 году на землях кулаков Черепановский зерносовхоз. Харлампий стал его директором, отец — бухгалтером». (Из письма сына Пивоварова Николая.)

Сибирь... Родная земля... В начале лета, когда свой розовый цвет осыпает шиповник и поспевают травы, в рубашке-распояске всегда впереди артельских косцов шел широкоплечий, коренастый Иван Пивоваров. Трава ложилась зеленым веером у ног косцов. И во взмахе и во взгляде Ивана была та же лихость, какую замечали бойцы.

Как далеко-далеко унеслась тачанка! Осталась винтовка в Н-ской части. На складе доживает свой век пулемет «максим». Младшие ребятишки подрастают, пристают:

— Папаня, расскажи, как воевал с беляками.

...Весть о нападении фашистской Германии на Советскую страну дошла до сибирского села в полдень. На главной совхозной улице собрался народ на митинг. Выступал Иван Пивоваров. Говорил кратко:

— Дело мужчин — защищать Родину. Женщины, дети и старики останутся убирать урожай. Мы как пальцы на одной руке. Будем вместе — победим!

На другой день из райвоенкомата Иван приехал хмурый, пожаловался:

— Не взяли меня, броню выдали... Ваша первейшая обязанность коммуниста, говорят, быть тут — снабжать армию хлебом.

С первого дня войны в доме Пивоваровых появилась карта. На ней Иван Афанасьевич отмечал линию фронта. Она двигалась на восток. Пивоваров снова поехал в район, в военкомат. Вернулся веселый: уговорил, взяли!

Провожали его всем селом. Пивоваров шутил, смеялся, словно не на войну шел. И только слова соседки озадачили его:

— И куда тебя, Афанасьевич, понесло, ведь седой ты!

— Волосы у меня, мать, белые оттого, что я под черемухой спал,— отшутился Пивоваров.

В дорогу снарядился, как солдат в поход: зеленые солдатские штаны, кирзовые сапоги, на плече — вещмешок, тот самый, с которым уходил на гражданскую. Поклонился народу, отцу, сгреб в охапку детей и жену, сказал:

— Вы уж тут потрудитесь, не посрамите фамилии нашей.

И ушел. Навсегда.

«...Осталась мама одна с малыми детишками. Трудно ей было, очень трудно. Но мы помнили наказ отца: работали и учились на совесть. Все мы, дети Пивоварова, коммунисты, а внуки Ивана Афанасьевича — комсомольцы и пионеры». (Из письма дочери Пивоварова Екатерины.)

В старом комоде хранятся два письма-треугольника.

Это от отца. В первом он писал:

«Идут тяжелые бои. Только что форсировали Дон. Фрицы бомбили непрерывно. Перевернуло наш плот. Я чудом спасся и спас партийный билет...»

Письмо второе, последнее, от 6 октября 1942 года. «Тут у нас жарко: атаки одна за другой. Ни для меня, ни для моих товарищей за Волгой земли нет. Стоять будем насмерть. А вам наказываю: духом не падать, работать и учиться по-пивоваровски. Ты, Николай, старший, вступай в комсомол. Марии пора в пионеры. Всем вам завещаю стать коммунистами. Берите пример с деда Афанасия. Он по углам не прятался, ни труда, ни пули не боялся.

Ухожу сегодня на трудное задание.

С тем остаюсь ваш отец Иван Пивоваров».

И еще в комоде хранится выписка: «Иван Афанасьевич Пивоваров в убитых и живых не значится».

...Партия, создавая колхозы и совхозы, рассчитывала на их силу.

В военное лихолетье сказалась способность коллективных хозяйств быстро и организованно снабжать армию хлебом.

Фамилия Пивоваровых на первый взгляд не такая громкая, как шахтер Стаханов или трактористка Ангелина, о которых писали в газетах тех лет. Но Пивоваровы, как и тысячи других тружеников, были героями первых пятилеток. Они упорно трудились на полях, а когда пришла беда, встали на защиту своей Родины.

...Пулеметчик Пивоваров защищал Сталинград. Ночью накануне последнего боя, в котором участвовал Иван Афанасьевич, командир обходил позиции.

Тихий голос позвал его:

— Подойди, лейтенант, потолкуем.

Привалившись спиной к «максиму», Пивоваров скрутил козью ножку. Растер стебелек полыни, задымил.

— Разные мысли у меня в голове. Как все будет лет через двадцать?

— Хорошо будет, Пивоварыч.

— Знаю, хорошо, а посмотреть хочется.

Лейтенант не успел ответить.

— Внимание, внимание! — раздался над кручей голос из репродуктора.— Русские солдаты и офицеры! Кто хочет остаться живым и получить железный крест великой Германии, пусть выйдет из укрытия. Стрелять не будем!

— Вот черти! — возмутился командир.— Ты слышал? Подлецов ищут.

В окопах с минуту стояла тишина. И вдруг грянул хор голосов.

— Вы-ходи-те, фрицы! — кричал хор.— Получите деревянный крест!

— Здорово поговорили! — засмеялся Пивоварыч.— Ты иди людей подготовь, лейтенант. Утром гады выкинут штучку.

Чуть забрезжил рассвет, показались танки. Все подходы были заминированы, но танки упорно двигались вперед, изрыгая пламя. Это были тральщики — им не страшны минные поля.

Окопы стали пустеть. Прижимая к груди пилотку, упал Пивоваров. Убит. Ручки «максима» были еще теплые, когда подбежал лейтенант. Он дал по фрицам очередь...

После войны имя Пивоварова появится в списке погибших в сражениях на волжской круче.

Имя героя живет в многочисленной династии его семьи, семьи коммунаров, бойцов, коммунистов. Дети Ивана Афанасьевича — агроном, ученый, учительница, военнослужащий — не забывают наказ отца беречь и защищать родную землю, быть ее трудолюбивыми хозяевами.

Подрастают и внуки Ивана Афанасьевича. Им продолжать династию Пивоваровых.

Всмотрись, читатель, в герб нашей Родины. Золотые колосья вплели в него пионеры коллективизации, такие

Хлеб Востока — Сибири, Алтая, Казахстана — богатство нашей страны.

люди, как Аким Горшков, Прасковья Малинина, Пивоваровы. Как и труженики заводов, они отмеряли время пятилетками, выводили деревню на путь новой жизни.

Учись у них любви к земле, преумножай ее богатства. Ты получаешь в наследство необозримые поля, современную машинную технику. Помни: земля не любит недоучек, лентяев, лежебок. Приди к ней мастером урожая, селекционером, командиром сложных машин, другом. И тогда люди с уважением скажут о тебе: «Это настоящий сын своего Отечества, сын своей земли».

ЗДРАВСТВУЙ, СТРАНА ГЕРОЕВ

РАССКАЗ О ТЕХ, КТО СОСТАВЛЯЛ ПЕРВЫЕ ПЛАНЫ, О САМОМ СИЛЬНОМ ЧЕЛОВЕКЕ И ЕГО ЗНАМЕНИТОЙ РОДНЕ, О БЫСТРОМ МОЛОТЕ, СМЕЛОЙ ТРАКТОРИСТКЕ И РЕКОРДНОЙ ПЛАВКЕ СТАЛЕВАРА

РАДОСТЬ ЖИЗНИ, РАДОСТЬ БИТВЫ

Рассказ о тех, кто составлял первые планы: о председателе ВСНХ Ф. Э. Дзержинском и председателе Госплана В. В. Куйбышеве

Шел четвертый год первой пятилетки. В Москве Всесоюзная партийная конференция обсуждала основы второй пятилетки. Докладывал председатель Госплана СССР Валериан Владимирович Куйбышев.

Государственная комиссия по планированию (Госплан СССР) была создана при жизни Ленина. Она разрабатывала план ГОЭЛРО, потом — первую пятилетку. План ГОЭЛРО составляли двести специалистов. У товарища Куйбышева на пятилетку работали коллективы уже двухсот научных институтов. Советчики — известные на весь мир ученые, академики, с которыми знаком председатель: физик А. Иоффе, минералог А. Ферсман, биохимик А. Бах, нефтяник И. Губкин, энергетики А. Винтер, Г. Графтио.

— Перед второй пятилеткой,— говорит на партийной конференции Куйбышев,— мы ставим... очень большую задачу — создать полную экономическую независимость социалистического хозяйства от капиталистического мира.

Уверенность докладчика воодушевляет зал. «Полная независимость»! Это значит, что мы не будем больше покупать за границей автомобили, тракторы, комбайны, турбины, станки. Многие из них мы научились делать сами, другие будем делать в ближайшие годы. Советские заводы способны обеспечить хозяйство всем необходимым.

До глубокой ночи трудится Госплан, планирует новые русла рек, дороги через пустыню, города в заснеженной тундре и глухой тайге. «Пятилетчики» — называет своих помощников, дерзких мечтателей и деятельных исполнителей, Куйбышев. Сам о себе он сказал однажды в автобиографии: «Немного поэт». Писал когда-то в юности, в царской ссылке, в глухом Нарымском крае, такие строки:

Буря, буря наступает,
С нею радость мчится к нам,
Радость жизни, радость битвы...

Поздно вечером «пятилетчики» перебирались из здания Госплана на квартиру Валериана Владимировича. Работали всю ночь. Пили кипяток из огромного чайника. Время от времени Куйбышев отрывался от бумаг, подходил к окну.

— Вот выполним эту пятилетку, потом следующую...— Глаза его теплели, голос звучал уверенно. Товарищи слушали своего председателя.— Встанут гиганты заводы на Волге... Родятся новые моря... Хлынут воды по Волго-Донскому каналу... Забурлит жизнь на пустынных пространствах, прорезаемых Обью, Иртышом, Ангарой, Енисеем. А ведь через две-три пятилетки обязательно доберемся до этих далеких мест!.. Когда я в старости поеду по местам своей юности, верно, не узнаю их...

И снова — споры о каждой цифре. А время идет... Надо экономно, деловито тратить ночные рабочие минуты...

На партийной конференции те же самые места называет председатель Госплана делегатам — Волга, Дон, Урал, Сибирь. Масштабы у Госплана гигантские: тысячи новых

Валериан Владимирович Куйбышев.

строек. Куйбышев объясняет основную задачу второй пятилетки:

— Мы подведем под все отрасли народного хозяйства новую техническую базу. Эта новая техника будет основана на дальнейшем развитии собственной тяжелой промышленности, в особенности машиностроения... Эта техника будет базироваться на быстром росте научных и технических кадров, выдвигаемых культурно растущим рабочим классом и крестьянством.

Делегатам ясно: речь идет не только о строительстве новых заводов, как в первой пятилетке, но и о полном освоении их; гигантам индустрии требуются гиганты труда — передовые рабочие, техники, инженеры, самоотверженно работающие на социализм.

За один только год первой пятилетки страна получила продукции больше, чем царская Россия производила за десятилетие. Но этого мало. Надо утроить усилия, чтоб вся промышленность крепко встала на ноги, чтоб нам не страшны были никакие угрозы капитализма.

Куйбышев хорошо знает промышленность. Он объехал

Феликс Эдмундович Дзержинский.

страну от Волхова и Ленинграда до южных городов — Мариуполя[1] и Николаева, чтобы, как сказал он рабочим, увидеть нужды каждого завода, своими наблюдениями исправить возможные ошибки в будущих планах. Куйбышев составлял задания первой пятилетки, поддержал луганцев в их почине выполнить план в четыре года. Он закладывал первые камни в фундаменты Днепрогэса, Магнитки, Горьковского автозавода. Напутствовал руководителей строек: «Счастливых вам успехов».

Валериан Владимирович Куйбышев, профессиональный революционер, командир Красной Армии, руководит народным хозяйством Советской страны. Руководит с августа 1926 года — после внезапной смерти Дзержинского.

...Феликс Эдмундович Дзержинский был большим другом Куйбышева. У него, у самого дорогого человека, верного ленинца и старшего товарища — у товарища Феликса, учился Валериан Владимирович хозяйствовать по-

---

[1] Ныне город Жданов.

большевистски: честно, настойчиво, смело, видя все дело целиком, вникая в каждую мелочь. Учился отдавать новой трудной работе все силы, весь талант.

Мир знал Дзержинского как неустрашимого борца революции, руководителя Чрезвычайной Комиссии. Имя Дзержинского, прославленного, бесстрашного чекиста, наводило трепет на врагов. Рабочие любили товарища Феликса за особую правдивость.

После смерти Ленина Дзержинскому поручили руководить промышленностью: он был назначен председателем Высшего Совета Народного Хозяйства — ВСНХ СССР. Было трудное время, Дзержинский осознавал всю меру ответственности. «Сейчас у нас хозяйственный фронт,— говорил Феликс Эдмундович,— более тяжелый, чем внешний». Партия надеялась на опыт, на кипучую энергию пламенного большевика. Ведь даже Владимир Ильич в затруднительных случаях, когда не получалось какое-то дело, говорил: «Ну, надо, значит, поручить Дзержинскому — он сделает».

В просторном кабинете председателя ВСНХ — портрет Ленина, читающего «Правду». Большой шкаф с книгами. Мебель деловая. Здесь Дзержинский работает до позднего вечера, пока не разойдутся по домам работники совета. А потом гаснет настольная лампа наркома, Феликс Эдмундович едет на другую свою работу — руководить чекистами.

Бывало и так, что ответственных работников совета будили телефонные звонки.

— С вами говорит Дзержинский. Прошу извинить за беспокойство, но вы немедленно нужны.

Это знакомо инженерам и экономистам — в их учреждении на всех этажах висят плакаты: «Дорога каждая минута».

Специалистов Главметалла в ту памятную ночь ждал строгий и справедливый выговор. В докладе, который они оставили на подпись наркому, были ошибки в таблицах. Феликс Эдмундович, прежде чем подписать доклад, проверил с помощником все расчеты. Такой доклад о состо-

янии металлургии нельзя предлагать правительству. И дело не только в найденных ошибках, важно, чтобы неправильные цифры больше не появлялись в документах, не вводили никого в заблуждение...

После гражданской войны Советской стране для выполнения ленинского плана нужен был прежде всего металл. Вместе с Куйбышевым и другими товарищами Дзержинский возглавляет правительственную комиссию по металлопромышленности. «Рабоче-крестьянская Россия,— говорил Феликс Эдмундович,— разве она может быть другой, как не металлической...» И вот в апреле двадцать четвертого после больших восстановительных работ пущена первая домна на Днепровском заводе. Рабочие избирают председателя ВСНХ почетным горновым этой домны — за постоянную помощь заводу. Вслед за первой, докладывает Дзержинский партии, будет еще тринадцать печей на заводах Юга и Урала...

Не случайно Днепровский металлургический носит имя Дзержинского. Именем председателя ВСНХ назовут и первую эскадрилью боевых самолетов — по рекомендации Дзержинского зарождалась советская авиация, строились новые заводы. Его имя присвоят тракторному заводу на Волге, который подарил стране первый трактор: Дзержинский предлагал построить этот завод.

Электростанции в разных районах, новые ленинградские суда-лесовозы, добытая для чеканки монет медь, первая экспедиция в Норильск, посевы хлопка в Средней Азии, налаживание торговли в стране — все это бесконечный список дел наркома за два года его труда на хозяйственном фронте.

И вместе с этим у Дзержинского другая, не менее важная работа. Чекисты ловят главного организатора контрреволюционных мятежей, опасного преступника Савинкова. Арестовывают крупного английского шпиона Сиднея Рейли. Ликвидируют вражеский заговор в Грузии — изобличают террористов, прибывших в СССР под видом немецких ученых, готовивших покушение на многих людей, в том числе и на самого Дзержинского.

Дзержинский-нарком возглавляет промышленность.

Дзержинский — руководитель чекистов борется с бандитами и спекулянтами, диверсантами и шпионами, хулиганами и валютчиками.

За год до смерти он приехал посмотреть, как строится Волховская электростанция, первенец ленинской электрификации. Разглядывал чертежи, говорил с инженерами, обошел всю стройку.

После переходов по крутым лестницам остановился, улыбнулся:

— Врачи запретили мне даже на третий этаж подыматься, а здесь столько исходил — и ничего.

Феликс Эдмундович сказал в тот день рабочим:

— Надо учиться монтировать турбины. Не зазнавайтесь, учитесь! Не забывайте завета Владимира Ильича!

Дзержинский умер на своем рабочем посту.

Куйбышев начал свое знакомство с промышленными стройками с Волхова. Вместе с боевым фронтовым другом С. М. Кировым прибыл он на открытие электростанции. Герои революции и гражданской войны открывали первый советский гигант! Сергей Миронович Киров, любимец рабочих, пламенный большевик, представлял коммунистов Ленинграда — боевую партийную организацию, которую он возглавлял.

На митинге Куйбышев сказал, что Волховстрой, так же как и Октябрьская революция,— детище Ильича: задуманные вождем, они осуществлены ленинградским пролетариатом. Вовремя родился Волховстрой: его электроэнергию ждут десятки предприятий. По всей стране кипит такая же боевая и творческая работа, как здесь, на станции. Своим выступлением Куйбышев как бы продолжал сказанные в Волхове слова Дзержинского.

Как и Дзержинский, Куйбышев внимательно изучал каждое новое дело, знал его не хуже специалистов, поддерживал все полезное, талантливое, откровенно говорил о недостатках, работал дни и ночи напролет. Он видел не только страну новых фабрик и городов, он видел страну

Торжественная встреча челюскинцев.

героев труда и часто говорил, что герои способны творить чудеса.

Когда в Северном Ледовитом океане погиб пароход «Челюскин» и сто три человека спустились на льдину вдали от Большой земли, партия назначила Куйбышева председателем правительственной комиссии по спасению челюскинцев. Тысячи советских людей волновались за судьбу полярников, предлагали использовать байдарки, аэросани, дирижабли, собак. Куйбышев, взвесив все предложения, послал на помощь авиацию. Льдина, двигаясь среди ледяных полей, трескалась, раскалывалась. Но советские летчики точно сажали свои самолеты на маленьком ледовом аэродроме и вывозили людей. Были спасены все.

Торжественно встречала Москва челюскинцев. В этой ледовой эпопее, за которой следил мир, победили смелость, товарищество, взаимовыручка. Машины с героями увиты цветами. Каждого ожидали родные и близкие. Только летчика Леваневского никто не встречал, и было ему грустно, что среди ликующих людей нет его матери. И вдруг огромный человек в пальто и кепке бросился к летчику, обнял его... Куйбышев! Он на аэродроме услышал, что к летчику никто не приехал, и поторопился к нему...

Семь летчиков, спасших челюскинцев, впервые в истории нашей страны стали Героями Советского Союза: Водопьянов, Доронин, Каманин, Леваневский, Ляпидевский, Молоков, Слепнев.

...На Семнадцатом съезде партии Куйбышев докладывал о пятилетнем плане. Съезд утвердил вторую пятилетку.

Город Самара, где Валериан Владимирович вел революционную работу против царизма, воевал с белогвардейцами, возглавил Советскую власть, после его смерти переименован в город Куйбышев. Рядом с городом — Волжская ГЭС имени В. И. Ленина. О такой станции мечтал Куйбышев.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ СЛОВА

Рассказ о самом сильном человеке и его знаменитой родне

В старину в забойщики отбирали самых сильных. Тяжеленным молотом — кайлом крушил забойщик в шахте хрустящий уголь. Часов двенадцать вкалывал, не меньше. Выходил измочаленный, злой, а пожаловаться и некому.

Только слово промолвишь, расчетом грозят,
Походи, погляди по сторонкам.
Никуда ведь шахтеру податься нельзя.
Всюду церковь, тюрьма да казенка.

Вся дореволюционная шахтерская биография в старой песне. Хорошо поет ее Алексей Стаханов, с чувством. Парень он статный, широкоплечий — забойщик. На свое счастье, стал шахтером в советское время.

Международный юношеский день 1935 года на шахте «Центральная — Ирмино» решили отметить рекордом. Кто из ребят нарубает как можно больше уголька — не кайлом, конечно, а отбойным молотком? Парторг шахты Костя Петров наметил Стаханова: добросовестен, технику освоил.

К вечеру пришел Петров на улицу Новый быт, усаженную акациями, постучал в дверь шахтерского домика. Алексей выслушал парторга и согласился. Но легко сказать — рекорд. А как его сделать? Отбойный молоток рубит тонн восемь угля за смену, может дать и больше. Но забойщик, добыв уголь, обычно бросает молоток, берет топор, ставит за собой деревяшки креплений, чтоб не посыпался грунт, не придавил в угольной яме. А что, если разделить этот труд? Скажем, так: забойщик себе рубает, а крепильщик за ним крепит штрек?.. Простая мысль родилась в разговоре, а Алексей и Константин были рады.

Вышли на крыльцо. Огненный закат повис над степью. Трещали цикады. Падали с веток спелые яблоки. Алексей и Костя скрепили договор крепким рукопожатием. Усло-

Шахтер Алексей Стаханов.

вились: никому ни слова, пока не свершится.

В ночь на 31 августа спустилась в шахту смена. Стаханов шагает по штреку. Гулко отдаются в пустом коридоре шаги. До рабочего места — два километра. От штрека отходят узкие лазы, заваленные землей,— забытые людьми выработки, из которых давно уже взят уголь. Сколько жизней погублено в старых шахтах...

Стаханов вспоминает Васятку. Страшным был рассказ старика шахтера Демина о прежних временах, о сыне своем Васятке. Запомнился на всю жизнь.

«Обмотали мово Васятку брезентовым поясом, пропустили меж ног тяжелую цепь, закрепили за огромное, неуклюжее корыто, нагрузили в корыто угля пудиков двадцать с хвостиком, подковали мальчонку бузулуками, чтоб не скользил... «Но, Васятка, вези!» И Васятка мой вез. Обдирал до крови колени, руки и прочие места, тащил корыто-санки за собою. По двенадцать часов в день тащил... И вот как-то, на грех, смена недодала угля. На Васятку мово и поднажали: «Скорей!..» Ну он, значит, рванул, ну и... Помер мой Васятка... С надрыву помер...»

Четырнадцать было Васятке, шахтеру-саночнику.

...Крутой пласт угля высотой в метр носит имя «Никанор». В «Никанора» и врезáлся в ту ночь Стаханов. Два крепильщика едва поспевали за забойщиком. Ему стало жарко — скинул на ходу куртку. Парторг Костя Петров светил яркой лампой. Редактор шахтерской газеты Павел следил за часовой стрелкой.

Шесть часов работы — амба, смена кончена.

Прикинули уголек — сто тонн, не меньше. Крикнули «ура», пожали Алексею руку и по традиции — в баню.

В бане герой отмылся добела. Но прежде шахтеры мелом подсчитали на полу рекорд — сто две тонны!

Через час Костя Петров объявил утренней смене:

— Четырнадцать норм вырубил Алексей Стаханов!..

Костю окружили забойщики:

— И нас возьми на заметку, парторг. Будем соревноваться со Стахановым. Давай записывай в стахановцы.

Парторг быстро пишет фамилии: Дюканов, Концедалов, Ярупин, Безродный... Записалось пятьдесят человек.

Так в Донбассе родилось новое слово — стахановец.

На крыльях славы летело оно над страной. Вслед за Донбассом вызвались быть стахановцами шахтеры Кузбасса и Подмосковья. Потом — доменщики, сталевары, машиностроители, железнодорожники. Все — стахановцы.

Когда Алексея Стаханова спросили венские историки, с кем он в родстве из выдающихся личностей, он ответил: «Родство богатое — рабочий класс СССР».

Когда англичане спросили у Гагарина, не родственник ли он князей, он сказал, что его родня более знатная, чем княжеская: рабочий класс и колхозное крестьянство.

Четверть века между этими ответами, как и между днями рождения двух слов — стахановец и космонавт.

Юрий Гагарин, родившийся годом раньше рекорда Стаханова, стал первым космонавтом планеты.

ГИГАНТЫ ТРУДА

Рассказ о молоте, стучавшем, как стих, о селе, которое просило прощения у трактористок, и о миллионах богатырей, ценивших свой труд выше золота

Гигантам индустрии требовались гиганты труда. Стахановцы, богатыри — их было миллионы. Миллионы доказали: свободный человек талантлив в любом деле. Когда человек работает не на фабриканта, не на капиталиста, работает на себя, на свой родной завод, когда знает, что новые школы, больницы, заводы — все это для него самого, для его детей, для его товарищей, для дела социализма, человек свершает чудеса. Стахановское движение — новая страница в летописи раскрепощенного труда. Социалистическое соревнование, как и предвидел Ленин, выдвинуло в десятки раз больше талантов, чем было их в трудные первые послеоктябрьские годы.

Не всем было понятно новое открытие Советской власти. Когда сталевар Макар Мазай задумал дать на своей печи рекордную плавку стали, один старый инженер не хотел признавать его предложений: «Стахановец — что за мода времени? Разве может опровергнуть какой-то стахановец законы физики и химии?» В кругу друзей, обсуждая плавки Мазая, инженер схватил карандаш и написал на белой манжете рубашки формулы. «Где в этих точных формулах стахановец?» — иронизировал инженер.

А стахановцы, к удивлению таких недалеких людей, ставили мировые рекорды, опровергали старые мерки труда, учили других. И учились сами вечерами — читали книги, писали диктанты, штурмовали формулы, догоняли опытных специалистов.

В городе Горьком на автомобильном заводе стучит в кузнице молот. Кует молот детали для машин, отсчитывает минуты, а бригадир в такт ударам декламирует:

Как ныне сбирается вещий Олег
Отмстить неразумным хозарам...

Переглядываются рабочие: «Никак, наш Харитоныч заговаривается? Про святых вроде бормочет». Невдомек им, что бригадир всю ночь сочинения Пушкина читал. Впервые для себя силу стиха открыл.

Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам...

Десять ударов — и деталь. Снова десять — опять деталь.

Несколько лет назад приехал Александр Бусыгин из деревни. Вошел в кузнечный, в угол жмется, глядит, как молотом управляют. Пригляделся, освоился — и вот уже он не просто Саша, а лучший рабочий и бригадир Александр Харитонович. Люди в бригаде Бусыгина толковые, работящие.

— Чего стараешься? — спрашивает Харитоныч однажды старого кузнеца.— Ради заработка?

— До социализма дойти надо,— отвечает кузнец.

И бригадир тоже думает: как лучше, как быстрее дойти?

Харитоныч придумал новое правило. В его бригаде каждый рабочий делает не что придется, а только свою операцию. Казалось бы, что тут революционного в бригадном труде? Молот стучит, как и прежде, но удар теперь только в цель: каждый рабочий знает свое дело, деталь куется быстрее. Вот и другие бригадиры присматриваются к Бусыгину. На двери его кузницы висит плакат: «Бригада Бусыгина установила рекорд». Бригада знаменитая, стахановская. У нее учится уже весь завод, вся страна: как разделить между рабочими обязанности, чтоб каждый стал мастером, чтоб экономить минуты... Молодой прославленный бригадир тоже учится. По ночам читает учебники. И на весь цех звенит радостный пушкинский стих...

Нет, не заговаривается Харитоныч! Он кричит:

— Ребята, я сделал открытие! Александр Сергеевич

Пушкин знал работу нашего брата кузнеца. Учите Пушкина! Слушайте!

И снова в такт ударам молота звучат бессмертные строки.

Десять ударов — и деталь.

Стучит бусыгинский молот, как стих.

В весенней степи, едва взошло солнце, затарахтели моторы тракторов. Машины дрогнули, вышли колонной на дорогу восемь тракторов. Восемь тракторов — восемь трактористок: четыре Веры, Люба, Наталья, Маруся, Паша. Веселые девчата, всю дорогу песни поют.

Навстречу тракторам — толпа женщин. Размахивают руками, кричат:

— Поворачивай оглобли!

— Не допустим на поле машины!

— Тащите Пашку! Проучить бы ее!

Но Пашу Ангелину, сильную, широкоплечую бригадиршу трактористов, не так-то легко «проучить». Однажды ночью увидела она на колхозной ферме двух бандитов с ножами — хотели они колхозный скот перерезать. Одного, здоровенного и рыжего, сбила кулаком с ног, а второго столкнула в люк, заперла...

Словно от злых криков смолкли моторы тракторов. Смутились трактористки, крутят рукоятками под смешки: «Видите — не бабы командуют машинами, а машины ими. Куда им поле наше пахать!..»

Но вот снова застучали моторы, развернулись тракторы в поле.

Час, другой, третий стоит толпа, не расходится...

А наутро прибежали к трактористкам ребятишки, принесли хлеб, молоко, масло. И еще — новости: «К вам в гости все село собирается. Прощения просить будут»...

Через девять лет у первой трактористки Паши Ангелиной было двести тысяч подруг во всех концах страны. Работали в полях тракторы смелых женщин, звенела

Первая женщина-тракторист Прасковья Ангелина.

песня: «А ну-ка, девушки, а ну, красавицы, пускай поет о нас страна...»

...Призыв второй пятилетки гласил: люди, овладевшие техникой, решают успех строительства социализма.

В Кремле на Всесоюзном совещании стахановцев Алексей Стаханов сказал, что дело совсем не в том, что десяток-другой, а то и сотня забойщиков даст рекорды, а чтоб так же ударно трудились все шахтеры страны.

Его товарища, Мирона Дюканова, забойщика и партгрупорга шахты «Никанор — Восток», спросили, могут ли шахтеры работать, как Стаханов. Мирон задумался, наклонил коротко остриженную голову. Может быть, вспомнил, как впервые опускался в шахту: когда клеть ринулась вниз, ему, бойцу гражданской, испытавшему пытки белых, бежавшему из плена, в глубине, под землей, показалось сперва страшновато.

— Уверенно, ответственно говорю,— отвечал Дюканов наркому,— двойную добычу угля можно дать...

И Дюканов пояснил: секрет успеха Алексея Стаханова в том, что разделили работу забойщика и крепильщика. Теперь надо наладить вывозку угля. Для этого в шахтах есть электровозы. Сам он, Дюканов, записался первым в стахановцы в тот памятный августовский день, когда Костя Петров размахивал своим блокнотом, и вскоре обогнал самого Стаханова — сто пятнадцать тонн за смену. Но об этом Мирон Дюканов не сказал на совещании — здесь все были стахановцы.

А на трибуне уже вичугская ткачиха Дуся Виноградова. Она вместе с подругой Марией Виноградовой сосчитала шаги между ткацкими станками: успеют ли они вдвоем за всеми машинами уследить? Виноградовы заменили сразу несколько ткачих. Ни одного лишнего шага, лишнего движения! Многие даже думали, что Мария и Дуся сестры, а не просто однофамильцы — так слаженно они трудились.

— В чем вы видите главное в своей работе?

— В чем главное? — переспросила Дуся.— Любить свою работу, дружить со своей сменщицей...

И тут ткачиха Одинцова заявила с трибуны, что хочет обогнать Виноградовых.

Обе Виноградовы — Маруся и Дуся — встали разом с места:

— Сколько станков вы берете?

— Сто пятьдесят шесть, — ответила Одинцова.

Подруги переглянулись и в один голос звонко проговорили:

— Ну, а мы — двести восемь!

Этот рабочий разговор, новый трудовой почин узнала страна.

Тысячи людей стали трудиться, как ткачихи Виноградовы.

В книгах о социалистическом соревновании появились новые страницы.

...Четыре тысячи пятьсот заводов, фабрик, электростанций построила страна во второй пятилетке — в три раза больше, чем в первой. Если добавить к ним три тысячи заводов, которые мы успели возвести за два года третьей пятилетки, перед самой войной, и полторы тысячи первой пятилетки, получится девять тысяч новых «крепостей социализма». Вот итог трех пятилеток.

Это была та промышленная сила, которая выдвинула Советский Союз на первое место в Европе, позволила победить фашизм.

Победили индустриализация, коллективизация, тесный союз рабочих и крестьян.

Промышленность давала теперь главные богатства народному хозяйству — это успех индустриализации. Сельское хозяйство стало колхозным, машинным — это тоже заслуга индустриализации. База социализма была создана.

Девять тысяч победных крепостей!

За каждой цифрой — не только первый в стране станок, первый металл, первый трактор; за каждой цифрой — герои.

Помните, как подвели горьковчан инженеры Форда? Эти инженеры предложили строить дорогой автомобильный завод, горьковчане отказались, а другой промышленник, Крейслер, восклицал: «Где вы возьмете людей для вашего гиганта?» Такие люди нашлись. Такие, как веселый кузнец, бригадир стахановцев Бусыгин, который декламировал Пушкина под удары молота.

К Александру Бусыгину, знаменитому стахановцу-орденоносцу, когда он отдыхал на берегу Черного моря, приехал посланец от американского магната Форда.

— Я имею к вам, мистер Бусыгин, поручение от Форда пригласить вас работать на его завод в Детройте. Вам там будут созданы самые лучшие условия. Мы вас забросаем золотом.

Кузнец усмехнулся:

— Передайте Форду, что советский рабочий себя за золото не продает.

НАРКОМ И СТАЛЕВАР

Рассказ о рекордной плавке

Сталевара Мазая попросили к директору.

Разгоряченный, чубатый, в прожженной спецовке — только что выпустил сталь из печи — шагнул Макар в кабинет, услышал: вызывает Москва. Взял трубку в жаркую ладонь, а там треск, гудки и очень далекий голос:

— Это товарищ Мазай? Комсомолец?

И больше ничего не разберешь.

— Кто звонит? — спросил Мазай директора.

— Сейчас узнаешь.

Треск прекратился, глуховатый голос четко произнес:

— Говорит Орджоникидзе. Вы Мазай? Комсомолец? Как работаете?

Макар растерялся: мысль о том, что с ним говорит сам нарком товарищ Серго, обожгла его. Сгоряча сказал, что комсомолец, потом поправился: недавно принят в кандидаты партии. А нарком так же азартно, без передышки спрашивал:

— Как соревнование? Как ваша бригада? Как плавка сегодня, товарищ Мазай?

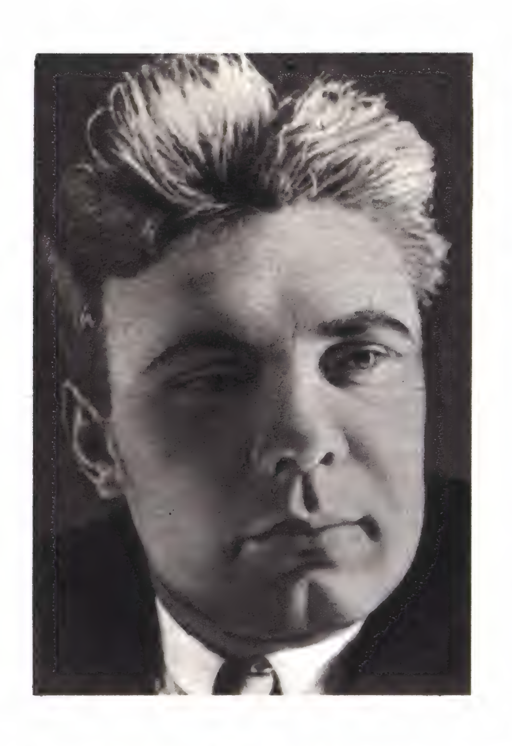
Как будто был рядом, видел чуть опаленное лицо сталевара, радовался, что и сегодня высокая плавка.

— Спасибо, товарищ! — Голос наркома потеплел.

Серго стал расспрашивать, как живет, как отдыхает Макар, как попал он в сталевары. Макар — коротко: жил в деревне, работал на кулака; двадцати лет от роду приехал по комсомольской путевке на завод, встал здесь, у мартена.

Нарком ясно представил своего собеседника: вот он сосредоточенно смотрит на огонь, наблюдает за старыми мастерами, упорно думает, как переделать печь, чтоб больше давала стали. Когда придумал, вызвал на соревнование лучшего заводского мастера Шашкина.

Дальше нарком знал судьбу Мазая не хуже, чем он сам. Стране нужен был металл, и нарком дал задание заводам:

Сталевар Макар Мазай.

побить старые рекорды, показывать крепость характера и ударную силу каждодневно. Сталевар Мазай, переделав печь, обогнав мастера Шашкина, вызвал соревноваться всех сталеваров страны. Его письмо в газете «Правда» заканчивалось так: «С нетерпением ждем, дорогие товарищи сталевары, вашего телефонного ответа по адресу: Мариуполь, завод имени Ильича. Сталевару Мазаю и его товарищам».

В руках у Макара пачка телеграмм. Он называет наркому адреса тех, кто принял вызов: Макеевка, Днепропетровск, Ногинск, Москва, Магнитка, Кузнецк. И прежде всего — его товарищи по заводу Ильича. Вся страна соревнуется с Мазаем!.. Договорились: сталевар будет сообщать наркому о каждой плавке бригады.

Как жаль, что нарком не видел Мазая и его товарищей у мартена! Дышит печь жаром, гудит, варит белый металл, и человек в кепочке, поглядывая сквозь синюю стекляшку в ее раскаленное нутро, думает, как подстегнуть огонь, выиграть лишние минуты, вовремя выпустить готовую сталь. Печь для него живая, домашняя, своя,— совсем как печь его детства, в которой пекла хлеб мама.

Григорий Константинович Орджоникидзе.

Сталевар кивает кепочкой, и проворный Лука Пархоменко, первый подручный, мчится исполнять молчаливый приказ. Сталь сварилась!

Когда плавка кончилась, к Макару подошел степенный человек. Иван Шашкин, мастер из мастеров, наблюдал поодаль за ударной бригадой.

— С Лукой у тебя условный разговор, что ли? Ты на него взглянешь, а он уже бежит куда надо.

— Иначе и нельзя. В бригаде все должны работать так, как будто у всех один мозг...

— По части организации ты меня обскакал,— признался мастер.— Да и хлопцы у тебя в бригаде орлы.

Утром заводская газета напечатала письмо Шашкина: «Я не отстану от Мазая». Принял вызов мастер.

...Наркома радовали дела огненного сталевара. Он придирчиво расспрашивал: «А сколько сегодня? А ваши товарищи по заводу?» И повторял веселым гортанным голосом: «Орлы, орлы!» Сегодня орлы перекрыли три нормы, назавтра — четыре, послезавтра...

Послезавтра рано утром в дверь Мазая барабанит посыльный: «Серго зовет к телефону».

Макар бежит на завод.

— Почему не звонил? — спрашивает нарком.— Мы здесь начали беспокоиться...

Второй раз в жизни смутился Макар. Увидел: тихий утренний кабинет в далекой Москве, усталый товарищ Серго у аппарата. До глубокой ночи говорил нарком с директорами, инженерами, рабочими. Челябинск, сколько сегодня тракторов? Горький, сколько грузовиков? Москва, как со станками, самолетами?.. Командарм тяжелой промышленности, продолживший дело Дзержинского и Куйбышева, должен знать, какие победы принес еще один день битвы за социализм! Нужен металл, много металла. И мариупольская сталь в том числе... Ну как объяснишь командарму, товарищу Орджоникидзе, что плавка закончилась на рассвете и он, сталевар, не хотел беспокоить, будить...

А нарком, человек бывалый — привык еще на царской

каторге и в ссылках недосыпать ради дела, привык жить огненно, в полную силу,— смеется в трубку:

— А вышло наоборот. Я ждал твоего звонка, а потому и не ложился спать.

Выслушал короткое донесение, поздравил с твердым рекордом и — серьезно:

— Ты только своих секретов не хорони, передавай свой опыт другим сталеварам, учи, как надо работать...

В то осеннее утро 1936 года Макар чувствовал себя особенно радостным. Алело зарево над домнами. Полынный, горьковатый ветер летел из степей. В море распустили паруса рыбачьи шхуны. Белой перламутровой раковиной светился приморский город Мариуполь. Родина великого художника Куинджи, отважного полярника Седова, родина сталеваров.

Макар шел по городу, вдыхал запах степей, моря, кипящей стали... Он расскажет, как и обещал наркому, о Шашкине, об ильичевцах, обо всех товарищах, которые научили его не бояться огня...

После войны, когда вновь заклокотали металлом мариупольские печи, в земле откопали спрятанную кем-то книгу. «Все, что произошло в моей жизни после поступления на завод, бывает почти с каждым рабочим» — так неторопливо рассказывал о себе автор — Макар Мазай. Эта небольшая книга вышла в предвоенный год. В ней нет последних страниц героической жизни сталевара.

Осенью сорок первого фашисты захватили Мариуполь. Макар Мазай варил сталь для фронта; он не успел уйти из вражеского окружения. Знаменитый мастер стоял перед ухмыляющимися гестаповцами. Тот самый сталевар, который еще недавно заявил на весь мир с трибуны съезда Советов: «Если фашисты нападут на нашу страну, металлурги зальют им глотки кипящей сталью...»

Враги как будто забыли эти слова. Самодовольные, они обещали мастеру жизнь, почести, солидную должность в фирме Круппа. Того самого господина Круппа, который

поставлял сталь для пушек первой и второй мировых войн. Макар знал фамилию международного убийцы. Знал: всей стали Круппа не хватит, чтобы завоевать свободную Россию.

Жизнь. Если он наденет свою старенькую спецовку, подойдет к своей печи, глянет привычно в синее стеклышко, кивнет подручному...

Враги ждут, что он ответит.

Ох, как нужна им азовская сталь!

Он повторил свои знаменитые слова. По-рабочему честно ответил врагам:

— Зальем вам глотки...

Фашисты убили сталевара.

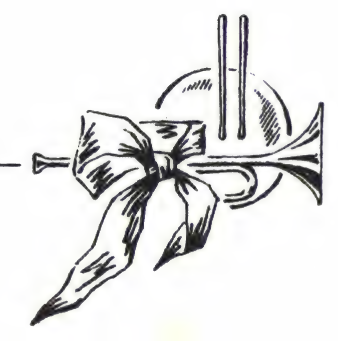
Мертвой стояла его печь.

Ни одной тонны металла не смогли получить враги на заводе, где работали Макар Мазай и его товарищи.

ВЫ С НАМИ В КОЛОННАХ

РАССКАЗ О ВЕРНОСТИ КРАСНОМУ ГАЛСТУКУ, О НЕРУШИМОМ СОЮЗЕ НАРОДОВ, О ПРОЛЕТАРСКОМ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМ БРАТСТВЕ

МЫ, ПИОНЕРЫ, ДЕТИ РАБОЧИХ...

Рассказ о верности красному галстуку

— Новенькая пришла, новенькая пришла! — неслось по всему дому.

Новенькая — Нюрка Ладошина, сероглазая худая девчонка лет четырнадцати в выгоревшем ситцевом платье, болтавшемся на ней, как на вешалке,— озиралась по сторонам, не смея ступить на мраморную лестницу. Девочке казалось, что она попала во дворец.

Вожатый, веселоглазый парень с красным галстуком на сатиновой рубахе, взял ее за руку и повел по дому, объясняя:

— Вот спальня, столовая. А тут мы будем столярничать и переплетать книги.

Небольшой купеческий особняк в Москве, где осенью 1924 года по инициативе Крупской открылась первая пионерская коммуна. Черные дубовые двери, узорчатый паркетный пол, камин в спальне. На голых, не покрытых скатертью столах — железные миски и ложки.

От старой жизни остались в доме собака Рекс и маленький белый попугай с розовым хохолком. Каждый раз, когда коммунары собирались за столом, он садился на

плечо поварихе Норберте, бывшей кухарке купца, и просил хриплым голосом: «Норберта, попка хочет есть». Вечером, заслышав бой старинных часов, попугай начинал бормотать молитвы. Оказалось, птица жила раньше в молельне. Пришлось вести с попугаем «антирелигиозную пропаганду».

В зимнюю стужу, когда в камине догорали последние поленья, коммунары собирались в комнате, где было тепло, начинали петь: «Мы наш, мы новый мир построим...»

Старая Норберта покачивала головой, вздыхала и не знала, верить или не верить пламенным словам, которые с такой страстью произносили вчерашние чумазые и оборванные беспризорники, сыновья погибших в гражданскую. Вон сидит Нюрка Ладошина. «Ишь как распелась! А еще месяц назад гнула спину на нэпмана».

Потрескивают поленья. Уверенные голоса поющих убеждают Норберту: «Кто был ничем, тот станет всем...» Но не видит, не может видеть еще Норберта, что сидит перед ней не Нюрка Ладошина, а будущий директор детского дома и член Комитета защиты мира Анна Васильевна Ладошина и что рядом с ней парень задумчивый не просто Сашка Филатов, бывший беспризорник и бродяга, а настоящий поэт. И не догадаться Норберте, что приятель Сашки — будущий сотрудник Министерства иностранных дел и что объедет он все моря, все страны...

До позднего часа идут разговоры. О Ленине: был бы жив — обязательно приехал бы в коммуну. О совете коммуны — в детском доме самоуправление. О шефах с «Серпа и молота» и фабрики «Москвошвей»: надо показать им новые сценки «Синей блузы».

«Синяя блуза» — живая газета. Саша Филатов и еще несколько ребят стихи, частушки сочиняют, разыгрывают сценки разные, например: «О пользе ясель», «О борьбе с пьянством», «О вреде религии» и даже «О правильном кормлении детей».

Молодая республика только-только начинала выходить из разрухи и голода, и каждый толковый агитатор за новый быт был на учете. Ребят с красными галстуками

можно было увидеть на фабриках и заводах: они вели борьбу за чистоту, высмеивали в плакатах прогульщиков и лодырей, были активными членами ликбезов — комитетов по ликвидации безграмотности. С делами всей страны связана жизнь звонкоголосых жителей старого особняка в Товарищеском переулке.

Собирали средства на восстановление пионерского Артека после землетрясения в Крыму. Выручали «интернациональной копейкой» немецкий детский журнал «Барабан». Мальчики помогали рабочим на «Серпе», девочки — на фабрике «Москвошвей»: в те часы, когда работницы уходили кормить маленьких детей, их заменяли у машин расторопные детдомовцы. Весь цех ликовал, когда Нюра Ладошина сшила на машинке первую рубашку. Эту рубашку, как знамя, пронесли по всему цеху.

У коммуны было много друзей. Здесь гостили французские ребята, приехавшие на пионерский слет в Москву. Величественный, убеленный сединами поэт Индии Рабиндранат Тагор. Алексей Максимович Горький.

...Лето 1928 года. Самые первые его дни. В палисаднике буйно цвела сирень. Горький шел сквозь сиреневые облака по той же мраморной лестнице, по которой несколько лет назад поднималась Нюра Ладошина. Над лестницей висел плакат: «Наш пионерский привет дорогому Алексею Максимовичу!» Растроганный до слез Горький говорил обступившим его коммунарам:

— Черти вы мои, хорошие...

А «черти» в красных галстуках не давали ему опомниться: показывали Ленинский уголок, библиотеку, интернациональный уголок. Потом в столовой пили чай. Алексей Максимович говорил:

— Не такое, как у вас, было у меня детство. Вы, юные строители, право, молодцы! Славные вы ребята, славные!..

Провожали Горького до машины всем детским домом. В вечернем сумраке алели галстуки. Самый яркий — у Алексея Максимовича, почетного пионера коммуны.

Горький не раз вспоминал коммунаров. В 1931 году, беседуя с молодыми литераторами в Доме актера, рассказывал о пионерах: «Сегодня их ко мне пришло четверо... Начали разговаривать, а ведь это уже совершенно взрослые люди, которые работают, например, плотину выстроили в каком-то колхозе и государству сэкономили несколько тысяч рублей».

Среди четверых, пришедших к Горькому, был Саша Филатов. Он-то и рассказал писателю про плотину. Построили ее юные коммунары в селе Ахтырка, Загорского района. Туго им пришлось: ни гвоздей, ни лошадей для перевозки леса. Стали убеждать колхозников, что затея незряшная... А когда плотина была готова, со всех окрестных сел съехался народ на митинг. Полыхало знамя на ветру, у коммунаров освещенные счастьем лица... Долго потом жила в округе поговорка, придуманная пионерами: «Была речка Воря, а теперь — Ахтырское море!»

Если сейчас спросить бывших воспитанников коммуны, что же самое главное было в их жизни, они ответят: дружба, чувство товарищества, верность пионерскому галстуку, которую они пронесли через всю жизнь.

...Началась Великая Отечественная война, и директор детского дома Анна Васильевна Ладошина повезла своих питомцев на Урал. Долго плыли на пароходе сначала по Москве-реке, потом по Волге и, наконец, по Каме. Не успели причалить к пристани, как явился председатель колхоза, попросил отпустить старших ребят на уборку: «Все на фронте, рук не хватает». Три месяца работали воспитанники детдома в колхозе, заработали продуктов на весь год.

Возродились выпуски живой газеты. Ребята выступали с концертами в госпиталях. Саша Филатов, один из первых редакторов газеты, надел солдатскую шинель, уехал на фронт.

Серебряные паутинки вплелись в волосы Анны Васильевны. Один за другим в пламя войны уходили ее дети —

дети строителей первых пятилеток, строителей Магнитки и Кузнецкстроя. Анна Васильевна гладила их стриженые родные головы, просила: «Пишите. Помните, здесь ваш дом...» Пришло первое извещение о гибели бойца-детдомовца, потом второе... А плакать нельзя. Кругом дети. Смотрят доверчивыми глазами: верят в твою силу, ждут твоего слова. И она говорит им:

— Родина всегда была добра к вам, дети. Надо очень любить Родину.

Они всё понимали, ее питомцы. Кончится война, и они уйдут строить города, вспахивать целину, перекрывать реки. Их судьба неотделима от судьбы всей страны.

В первых пионерских коммунах, в первых пионерских отрядах рождалась великая армия — пионерия. Через полвека эта армия насчитывала 25 миллионов ребят.

Красный галстук был для многих путевкой в жизнь. Его носили известные сегодня, заслуженные люди: знаменитый рабочий и ученый, потомственный хлебороб и легендарный маршал, учитель и космонавт. Все они были пионерами, пели задорные песни у костра, ели пахнущую дымком картошку, трудились вместе с коммунистами, комсомольцами. Вся история советской пионерии была подтверждением слов Владимира Ильича Ленина о том, что организация детей — это лучший путь воспитать коммунаров.

Детское коммунистическое движение установило главное правило своей жизни — участвовать во всех делах страны наравне со взрослыми. Первые пионеры помогали восстанавливать разрушенные заводы, обучали неграмотных, агитировали за коллективизацию. Во время Великой Отечественной войны пионеры были разведчиками и солдатами, работали на военных заводах и колхозных полях, ухаживали в госпиталях за ранеными. Тысячи пионеров награждены в войну орденами и медалями. В разных портах мира встретишь корабли с именами юных героев: «Леня Голиков», «Марат Казей», «Гриша Акопян».

Советской пионерии 50 лет. Знамя несет космонавт А. Леонов. Красная площадь. 1972 год.

СЛАВА

В советском флоте тридцать шесть таких пионерских кораблей.

Пионерскими называют колонны тракторов, электровозы, сады и леса — в них труд миллионов детей.

Из пионерского металлолома построена железная дорога Абакан — Тайшет и трубы нефтепровода «Дружба», которые тянутся от волжских берегов к городам социалистических стран.

Пионерские подарки — библиотечки, парты, столы, мастерские — в целинных поселках и у ребят героического Вьетнама.

На Чукотке вырос светлый, теплый, просторный дворец — дар чукотским детям от пионерии страны.

В повседневном труде, рядом с коммунистами и комсомольцами мужают ребята, уходят в большую жизнь.

Им на смену приходит новое дружное племя.

Через всю жизнь пронесут они верность красному галстуку.

Много лет спустя собрались в Товарищеском переулке бывшие воспитанники коммуны. Они встретили там новых коммунаров — ребят, приехавших в СССР из капиталистических стран. Им, детям коммунистов-подпольщиков, борцов за независимость и свободу, посвятил свои стихи один из первых выпускников коммуны Александр Филатов:

Мы рождены в дыму боев горячих,
В Октябрьском штурме много лет назад.
Ваш мир — в водовороте новых стачек
И в отсветах недавних баррикад.
И мы — врачи, шахтеры,
адмиралы, —
Гордясь родством и дружбой
сыновей,
Повязываем первый галстук алый —
Крылатый парус юности своей.

СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ

Рассказ о братской семье советских народов

Союз республик называют ленинским.

Через неделю после Великой Октябрьской социалистической революции Советское правительство во главе с Лениным приняло «Декларацию прав народов России». Этот закон отменял национальный гнет, давал право всем народам быть равными и самостоятельными. Так образовались советские республики. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, Украина, Белоруссия и республики Закавказья вместе громили интервентов в гражданской войне, вели международные переговоры, помогали друг другу в хозяйственном строительстве. Но они не были еще единым государством, не могли каждая в отдельности противостоять капиталистическому окружению. Владимир Ильич Ленин предложил создать равноправное объединение, государство-федерацию — Союз Советских Социалистических Республик.

30 декабря 1922 года Первый Всесоюзный съезд Советов образовал этот Союз из Российской, Украинской, Белорусской республик и Закавказской Федерации (Грузия, Армения, Азербайджан).

В холодном, неотапливаемом, полуосвещенном зале Большого театра собрались делегаты республик. Они привезли наказы тысяч сельских сходов, рабочих собраний, республиканских съездов. Желание было общее — объединиться.

«Товарищи, братцы,— говорили между собой делегаты Всесоюзного съезда.— Мы создаем сегодня такой мощный, такой крепкий союз народов, что никто и никогда его не осилит!»

Съезд открыл Михаил Иванович Калинин. Главы делегаций Украины, Белоруссии, Закавказья говорили о революционной России, о русском народе, его мужественном характере, самоотверженности, интернационализме. Российская Федерация была примером для всех, она вхо-

дила в Союз на равных правах с другими республиками. Съезд единодушно принял Декларацию об образовании СССР.

Позднее народы Средней Азии и Казахстана объединились в советские республики, вошли в состав СССР. Только в такой великой свободной стране многие отсталые ранее народы Узбекистана, Туркмении, Таджикистана, Киргизии, Казахстана смогли строить социализм, минуя капиталистический путь развития. Из феодального строя бывших царских колоний совершали они переход в социализм.

Нелегко было начинать новую жизнь. Промышленность была примитивная, кустарная. В Ташкенте царский губернатор запретил строить текстильную фабрику, усмотрев в ней «подрыв промышленности в Центральной России». На весь Закаспий приходилось 64 плуга да несколько десятков хлопковых сеялок.

Кетмени — примитивные орудия крестьян, которыми рыхлили землю, и те привозили до революции из стран Скандинавии.

Народы Средней Азии выбрали путь социализма. Советская власть строила здесь фабрики, электростанции, жилые дома, театры, привела на поля тракторы и комбайны, открывала школы. Рабочие Москвы и Ленинграда взяли шефство над крупными стройками, горняки Донбасса учили карагандинских шахтеров, нефтяники Баку и Грозного разведывали в пустыне нефть, заводы Свердловска и Харькова посылали станки, рабочие-двадцатипятитысячники приехали в аулы и села. Пятилетние планы давали возможность развить в новых республиках более высокие темпы строительства, чем в целом по стране. Через полвека в десятки и сотни раз вырос объем промышленной продукции этих республик.

Все советские республики помогали народам Средней Азии преодолеть отсталость, стать равноправными. Рождалось новое правило жизни единого советского народа: каждая республика работала на всю страну, вся страна работала на республику.

Развитию республик мешала всеобщая неграмотность. В 1906 году научно-популярный российский журнал «Вестник воспитания» подсчитал, что для ликвидации неграмотности народам Средней Азии потребуется три-четыре тысячи лет.

Октябрьская революция внесла в эти расчеты решительные поправки: не десятки столетий, а всего два-три десятилетия!

В третьей пятилетке СССР в основном завершил культурную революцию.

Если раньше среднеазиатский крестьянин несколько дней ехал на верблюде, чтобы отыскать грамотного человека и написать письмо, приглашение на свадьбу или жалобу в суд, то теперь надо было забираться в какой-нибудь отдаленный аил, чтобы увидеть неграмотного.

Были записаны народные сказания и эпосы, веками передававшиеся из уст в уста. Прекрасные якутские сказки олонхо, карельские руны «Калевала», страницы киргизского эпоса «Манас» были спасены для мировой культуры.

В школах теперь шли занятия на родном и русском языках.

Русский язык открыл для миллионов людей великие сокровища литературы и искусства. И как бы в ответ на эти открытия родились стихи, повести, кинофильмы на десятках языков народов СССР.

Ленин говорил в 1918 году, что молодое Советское государство создает новую, невиданную культуру, которая будет служить не «верхним десяти тысячам», а миллионам трудящихся. Такая культура была создана: социалистическая по содержанию, многообразная по своим национальным формам и интернациональная по своему духу, она впитала в себя все цвета и краски культур народов СССР. На десятках разных языков звучат в стране стихи, песни, издаются книги, главный герой в них — наш советский человек, творец и хозяин всего прекрасного. На языке Ленина, на языке старшего брата, русского народа, говорят киргизы и казахи, туркмены и таджики, башкиры и узбеки,— русский язык сближает все наши народы.

Юные граждане Союза Советских Социалистических Республик — строители будущих пятилеток.

...50-летие образования СССР в 1972 году заводы, стройки, колхозы, все советские республики встречали ударным трудом.

Как и в тридцатые годы, Алексей Стаханов обратился к шахтерам. «Вас,— писал Стаханов горнякам Украины и Казахстана,— всегда отличали высокое чувство интернационального долга, взаимная выручка, умение показать образцы в работе».

Донбасский шахтер, Герой Социалистического Труда, написал это письмо в год пятидесятилетнего юбилея СССР. И первыми в Казахстане отозвались на призыв горняки карагандинской шахты «Стахановская». «Стахановская» отвечала Стаханову: будем соревноваться! Эта шахта получила свое знаменитое имя в годы первых пятилеток, а в суровое военное время, когда враги захватили Донбасс, здесь работал сам Стаханов. И за «Стахановской» пошли другие шахты...

Рядом с шахтерами, как всегда, укротители огня. Сталевары «Запорожстали» ведут рекордные плавки в Темиртау, а сталевары «Казахстанской Магнитки» (так называют Темиртау) показывают свое мастерство на старейшем украинском заводе, и все вместе учатся друг у друга.

Рядом со сталеварами — энергостроители: всесоюзная стройка Нурекской ГЭС вызвала соревноваться заводы, которые давали ей оборудование. В Таджикистан, в адрес стройки, стали приходить телеграммы из Харькова, Запорожья, Темиртау, Свердловска: «Поддерживаем вас, нурекчане!..» После этих дружеских, боевых телеграмм строители решили: пустим первые турбины досрочно, на год раньше плана. И сдержали слово.

Родилось соревнование миллионов. Миллионы решили строить свою жизнь по коммунистическому принципу — быть лучшими в работе, учебе, отдыхе, во всем передовыми. Каждый город, каждый завод вносил свой вклад в соревнование. Ивановские, московские, калининские ткачи заключили «Договор тысяч», к ткачам присоединились рабочие Украины, Белоруссии, Узбекистана. Ленинградцы решили выполнять задание каждых пяти рабочих дней

в четыре дня, москвичи — сделать столицу страны образцовым, коммунистическим городом. В разных концах страны шло соревнование под девизом «15 республик — 15 ударных вахт».

К рабочим Казахстана приехали ленинградцы, радовались общим победам, вспоминали славное прошлое. В первые пятилетки, когда республики Средней Азии, преодолев за короткий срок отсталость, решили вместе со всей страной строить социализм, им особенно помогали рабочие города революции — Ленинграда: посылали динамо-машины, станки, тракторы, приборы. В годы войны до осажденного Ленинграда долетели строки Джамбула: «Ленинградцы, дети мои...» Вся страна знала, любила Джамбула — старейшего поэта Казахстана, до революции неграмотного человека, а позже — народного, читаемого на языках всех республик СССР акына. Стихотворное обращение к ленинградцам, отцовский наказ сыновьям-героям, было вывешено вместе с самыми срочными объявлениями и приказами на улицах осажденного города. «Ленинградцы, дети мои...» Теплые строки Джамбула были в те дни для них таким же жизненным подспорьем, как и скудные блокадные пайки, считанные патроны и снаряды боезапаса.

Рабочим Казахстана было что показать своим ленинградским братьям: за одну восьмую пятилетку было построено около пятисот предприятий и цехов, в республике родилось пятнадцать городов. А за полвека промышленная продукция Казахстана выросла в шестьсот раз!

Силу интернационального братства и бескорыстной помощи хорошо знает и узбекский народ. 26 апреля 1966 года страшное землетрясение обрушилось на столицу Узбекистана. Удары продолжались, разрушая дома, фабрики, театры. Ташкенту требовалась помощь.

Уже 27 апреля из Харькова в Ташкент выехал строительный отряд. Поезда с оборудованием, с добровольцами шли из Москвы, Ленинграда, Свердловска, Алма-Аты, Таллина, Еревана, Тбилиси. Быть может, в этих городах медленнее строили, не так быстро получали очередники новые квартиры. Люди понимали: Ташкент — важнее.

Новый Ташкент — современный город с институтами, театрами, стадионами, бульварами. В городе есть кварталы, названные в честь строителей: Московский, Ленинградский, Украинский, Казахский, Грузинский... В названиях улиц Ташкента представлен весь дружный Советский Союз.

История Ташкента — один из примеров дружбы народов нашей страны. И сегодня зарубежные гости, которые бывают в республиках Средней Азии, задают, как и много лет назад, тот же вопрос: каким образом отсталым окраинам царской России удалось за несколько десятилетий подняться к вершинам социализма? Гостям отвечают, что все победы — результат труда пятнадцати республик, единой семьи из ста с лишним наций и народностей.

Торжественным был праздник 50-летия Союза Советских Социалистических Республик. Партия подвела итоги полувековой истории СССР, поставила задачи на будущее. Зарубежные делегаты говорили о великом примере СССР. Сотни миллионов телезрителей были как бы участниками торжественного заседания в Кремлевском Дворце съездов.

Весь мир видел: ветер века, ветер истории своим могучим дыханием наполняет паруса корабля социализма, и корабль наш неудержимо идет все дальше, вперед.

«Дело в том,— сказал Леонид Ильич Брежнев в докладе о пятидесятилетии СССР,— что мы, коммунисты,— народ беспокойный. Мы хотим сделать как можно больше для улучшения жизни народа, для его счастья — и сделать по возможности скорее...

Советский Союз идет навстречу коммунизму.

Мы знаем: путь к нему не будет легким. Потребуется напряжение сил и энергии каждого из народов нашей страны и всех их вместе. Мы знаем: потребуется большой и вдохновенный труд, организованность, высокая политическая сознательность. Мы знаем также и то, что советские люди обладают всеми этими качествами, сумеют их проявить, сумеют добиться поставленных перед собой прекрасных целей».

ПОЕЗДКА В СССР

Рассказ о верной дружбе, о нерушимом союзе народов

Всю эту поездку Юлиус Фучик был в хорошем настроении — шутил, смеялся, пел. Его потрясали цифры: как много строят в СССР!.. Он мог часами читать объявления: сколько в стране работы для мастеров своего дела! После каждой беседы восхищенно говорил: «Какие прекрасные люди. О каждом можно написать роман...»

Редактор газеты «Руде право» приехал в 1935 году из Чехословакии в Советский Союз, чтобы рассказать своим читателям, как трудящиеся свободной страны строят социализм. За эти статьи буржуазное правительство угрожало Фучику тюрьмой. А он, возбужденный и радостный, бродил по улицам Москвы, беседовал азартно с людьми, писал по ночам в газету.

Пришло время отпуска, и Юлиус объявил друзьям: никакого Черного моря, лучший отдых — это дальняя поездка, новые впечатления. Куда ехать? Фучик не сомневался: конечно, в Среднюю Азию. Древняя земля, памятники старины, верблюжьи тропы, ароматные дыни, спелые гранаты, хлопковые поля. И... кто знает, сколько книг он напишет о тех, кто переделывает эту древнюю землю. О людях 1935 года, строителях первых пятилеток.

В поездке Фучик познакомился с инженерами, ехавшими на Чирчикстрой, и решил побывать на знаменитой узбекской стройке. В Чирчике смотрел, как зарождается канал, электростанция, будущий город. Извинялся, что расспросами отрывает от работы занятых людей, в обеденный перерыв его угощали восточным пловом и зеленым чаем, а он рассказывал землекопам о безработных в Чехословакии. Речь его была увлекательна. Серые глаза Фучика светились, когда он произносил слово «товарищи».

А какие замечательные товарищи встречались ему в этой поездке! Вот Таджихон Шадиева, тоненькая, стройная — ну прямо школьница, с косичками из-под тюбетейки.

До революции родители продали девочку в рабство богачу — такое нередко случалось в бедных семьях. Бывшая рабыня посмела первой в Узбекистане снять с лица паранджу — черное покрывало, которое носили все женщины Востока. Произошло это в Москве, на комсомольском съезде, на трибуне, с которой Таджихон рассказывала о своем горьком детстве, и сотни делегатов аплодировали смелой узбечке, одним движением руки разрушившей феодальные запреты. Враги стреляли в Таджихон, устраивали засады, но они были бессильны в своей злобе: примеру Таджихон последовали тысячи женщин республики. «Смотрите,— говорили они,— какая судьба у нашей подруги: она уже командует самой большой стройкой в Ферганской долине».

Об этой женщине Фучик написал большую статью для читателей «Руде право».

А земля, где жили такие люди, как Таджихон! Сама земля казалась гостю великим примером гостеприимства для пролетариев всех стран. Фучик встречал в Средней Азии русских, узбеков, украинцев, киргизов, таджиков, чехов, словаков. Да, да, и своих земляков — словаков и чехов, которые жили и трудились коммуной.

Родилась эта дружная коммуна так. В середине двадцатых годов безработные в Чехословакии решили уехать в Советскую Россию, чтоб помогать строить социализм. Они послали самого делового и расторопного товарища, по имени Янек, со сложным поручением — найти красивое место у подножия гор, примерно такое же, как то, где они жили. И чтобы там могли пригодиться работящие руки слесаря, деревообделочника, крестьянина... По дороге в Москву Янек понял, что Россия — не Чехословакия, которую можно «просмотреть» из вагона за несколько дней.

В Москве озабоченный Янек обратился за советом к самому знающему человеку — Михаилу Ивановичу Калинину. Глава Советского государства тепло побеседовал с чехословацким рабочим, назвал ему несколько адресов: стройки на Волге и Днепре, Кавказ, Сибирь. В Сибири, говорил Калинин, пожалуй, будет холодновато, а вот в

Средней Азии — и земли хорошие, и дел по горло, и горы высокие, красивые. Все так, как и было наказано Янеку.

Через год несколько сот коммунаров с семьями приехали в Советскую страну, в Среднюю Азию.

Юлиус Фучик с удовольствием осмотрел живописный поселок у самых гор, сады с обильными плодами, три завода, клуб. И решил про себя: вот он — его заветный, самый настоящий роман — история новой жизни его земляков, поселившихся на свободной земле рядом с другими братскими народами... Но уже кончилась его командировка, пришла пора возвращаться в Прагу.

...Фучик ходил по первомайской Москве, прощаясь со знакомыми праздничными улицами, последний раз вглядываясь в лица москвичей. Он не знал, что через несколько лет разразится мировая война и фашисты захватят Чехословакию, не знал, какая судьба ждет его. Опыт подсказывал ему, что впереди немало классовых битв, немало испытаний. В борьбе за свободу рабочему классу Чехословакии поможет опыт Советской страны.

Фучик уезжал с песней. Боевую революционную песню немецкого пролетариата он пел по-русски:

Товарищи в тюрьмах,
В застенках холодных,
Вы с нами, вы с нами,
Хоть нет вас в колоннах.

...Много настоящих друзей, таких, как Юлиус Фучик, приезжало в Советский Союз, чтоб изучать строительство социализма. Жаль, что не видел Юлиус Фучик рождение Большого Ферганского канала.

Газетные страницы сохранили картину стройки 1939 года в Ферганской долине. Двести тысяч колхозников из кишлаков и городов, празднично одетых, с музыкой и песнями шли на трассу будущего канала, по которому должна была хлынуть на хлопковые поля вода Амударьи. Двигалась в колоннах техника. Арбы везли продовольствие, одежду.

Сорок пять дней копали люди канал. Колхозники, инженеры, врачи, учителя — все были землекопами, соревновались друг с другом. Только древние старики сидели неподвижно на жарком солнце. Старики думали о том, какой великий будет праздник, когда вода пойдет по каналу.

«Если каждый колхоз выставит по два самовара,— прикидывали старики,— будет шесть тысяч больших самоваров, чая хватит на всех... Три-четыре барана для колхоза — пустяки, а из десяти тысяч баранов три тысячи поваров приготовят отменный плов для пирующих. И трех тысяч арб с дынями, арбузами, виноградом хватит всем...»

Одного не могли решить мудрецы: где устроить праздник для такой большой семьи? Старики перебирали все уголки Ферганской долины и не находили подходящего места для трудового веселья. Чтоб все работники уселись рядом, чтоб в самое небо протрубили длинные трубы, чтоб поскакали на потеху зрителям молодые джигиты, отнимая друг у друга черного козла... Пожалуй, усадить двести тысяч можно было только на берегу нового канала...

В год строительства Большого Ферганского канала фашистская Германия оккупировала Чехословакию. О судьбе Юлиуса Фучика стало известно после войны.

...1943 год. В камере фашистской тюрьмы лежит на полу окровавленный человек. Окончился очередной допрос. Узник знает, что его ждет расстрел. Собрав остатки сил, он пишет завещание тем, кто на воле, кто борется с врагом.

Он понимает, что никогда уже не допишет роман о поездке в Среднюю Азию, другие задуманные книги... Торопится завершить последнюю...

Фашисты расстреляли чешского коммуниста Юлиуса Фучика. Его тюремный дневник — «Репортаж с петлей на шее» — дошел до нас, стал бессмертной книгой. Среди страниц, написанных на чешском языке, есть в рукописи строки на русском: «Товарищи в тюрьмах, в застенках холодных, вы с нами, вы с нами, хоть нет вас в колоннах...»

ВСЁ ВЫШЕ!

Рассказ о пролетарской верности

Энрико Листер, прославленный командир Пятого полка республиканской Испании, сражавшейся с фашистскими бандами Франко, вспоминал:

— Никогда не забуду Мадрид 7 ноября 1936 года. Именно в этот дорогой для всех трудящихся день фашисты хотели раздавить республику. Улицы оцепенели в ожидании боя. В полной тишине двигалась наша двухтысячная колонна по улицам. Жители не знали, кто мы: вдруг это враг прорвался? Неожиданно над колонной взметнулся «Интернационал». Он звучал на русском, испанском, французском, немецком, венгерском языках! Люди выбежали на улицы, матери поднимали на руках детей: «Интербригада! Интербригада пришла!..» В небе показались самолеты, завыли сирены: неужели фашистские «юнкерсы»? Самолеты не стреляли, на их крыльях можно было различить цвета нашей республики. «Чатос, чатос!» — закричали все... Да, это были «чатос» — «курносые», как ласково называли у нас советские истребители...

На всю жизнь запомнил командир революционного полка помощь советского народа. Она пришла в самый трудный момент для республики. Испанцы, встретившиеся первыми с международным фашизмом, узнали, что значит солидарность рабочих. На всех языках мира звучали тогда гордые слова: «Барселона», «Гвадалахара». Пионеры носили шапки «испанки». В испанские порты шли советские корабли «Зырянин», «Нева», «Турксиб» с одеждой, продовольствием, лекарствами.

Над израненным, изрытым противотанковыми рвами Мадридом «чатос» атаковали германские «юнкерсы», привыкшие безнаказанно расстреливать с воздуха стариков и детей...

Как и для интербригадовцев, сражавшихся в полку Листера, так и для рабочих многих стран мира встречи с советскими летчиками были в те годы незабываемыми.

Интербригадовцы.

Толпы народа заполняли аэродромы Парижа, Нью-Йорка, Ванкувера, ожидая прилета русских авиаторов. К звездокрылым машинам тянулись в приветственном жесте тысячи трудовых рук. Буржуазные газеты по-прежнему твердили: «Советы — отсталая страна...» А краснозвездные птицы несли на своих крыльях правду о Стране Советов. Рабочие видели, что СССР могуч и сумеет их защитить.

Весь мир говорил о мужестве советских летчиков. Водопьянов сел на дрейфующую льдину в районе Северного полюса, доставив на нее четверку отважных исследователей: Папанина, Кренкеля, Федорова, Ширшова. Экипаж Громова установил мировой рекорд дальности. Чкалов, Беляков, Байдуков перелетели из Москвы в Америку. Советские летчицы Гризодубова, Осипенко, Раскова пролетели без посадки на самолете «Родина» почти шесть тысяч километров. Все они стали Героями Советского Союза.

На баррикадах Мадрида.

— Советская авиация — лучшая в мире. На советских заводах из советских материалов, руками советских людей создаются могучие стальные птицы, которые по качеству оставляют далеко позади лучшие мировые самолеты,— так сказал бесстрашный летчик Валерий Чкалов, который испытал более семидесяти типов самолетов.

...В грозном фронтовом небе Испании советские самолеты впервые сражались с фашистскими «юнкерсами» и «мессершмиттами». Наши машины по своим боевым качествам не только не уступали немецким, но и кое в чем превосходили их.

Фашистская Германия полным ходом готовилась к войне. Все понимали, что надвигающаяся война станет войной моторов. И испытанием силы воли людей. Наши конструкторы, летчики, испытатели стремились встретить ее во всеоружии. Вторая мировая война подтвердила зре-

Герои перелета Москва — Америка: Байдуков, Чкалов, Беляков.

лость и дальновидность советской научно-технической мысли.

В предвоенные годы было немало торжественных дней, когда страна встречала возвратившиеся из полета экипажи героев. Шли по улицам машины, увитые цветами. В воздухе — снежные вихри листовок. Толпа кричала «ура». Мальчишки пробирались в первые ряды, чтобы взглянуть на летчиков. «Все выше, и выше, и выше...» — трубили оркестры в безоблачное счастливое небо. Эти праздники наполняли людей чувством гордости, вселяли веру в могучие крылья Страны Советов, в наши силы.

Макс Рейман, профессиональный революционер, почетный председатель Германской коммунистической партии, вспоминал, как во время первой мировой войны, когда он был солдатом Западного фронта, услышал впервые об

Октябрьской революции, о Ленине. В тот день вчерашние противники — немецкие и русские солдаты — вышли из окопов с белыми флагами на штыках, кричали «ура», обнимались, делились пайком: Советская власть объявила мир всем воюющим странам.

— Имя Ленина,— вспоминал Рейман,— соединилось тогда в моем сознании с требованием мира и хлеба для рабочих моей страны.

В 1919 году солдата немецкой пехотной дивизии Реймана судил военный трибунал за участие в революционном движении. Кенигсбергская крепость «Форт Штейн» — первая его тюрьма. Потом были другие тюрьмы. Всю жизнь верный коммунист боролся за права рабочих, за победу революции в Германии, боролся с фашизмом.

Самые яркие его воспоминания связаны с первой страной социализма.

Рейман навсегда запомнил свой приезд в СССР. Это было в феврале 1935 года, перед праздником Красной Армии. Известного революционера-антифашиста пригласили посетить красноармейскую дивизию имени немецкого пролетариата. Прославленная дивизия была названа так в честь рабочих Германии, боровшихся с фашистами. В ней хранилось красное знамя, подаренное немецкими коммунистами.

— Я не знал русского языка,— рассказывал товарищ Рейман,— и полчаса учил фразу: «Да здравствует Красная Армия, да здравствует товарищ Ворошилов!» И я сказал ее перед парадным строем, только неправильно расставил ударения. Но красноармейцы меня хорошо поняли. Потом я вышел к трибуне и за спиной услышал звук шагов... Я обернулся, увидел трех красноармейцев, которые несли памятное знамя нашей партии. Оркестр заиграл «Интернационал», все запели. А я петь не мог, стоял на трибуне — и все... Только к третьему куплету поборол волнение...

Советской Армии особенно был благодарен немецкий коммунист. Во время второй мировой войны, когда фашисты господствовали в Европе, Рейман работал в подполье у себя на родине. Он был схвачен гестапо, брошен в лагерь

Заксенхаузен. Об этих тюремных годах он вспоминает коротко: «Самое тяжелое время моей жизни... Главное было — остаться человеком...»

В 1945 году советские бойцы, вошедшие в Германию, освободили узника фашистского концлагеря Заксенхаузен...

Макс Рейман с первого дня был в партии немецких коммунистов, и вывод его долгой жизни такой:

— Никто не рождается коммунистом. Только в борьбе можно стать настоящим защитником рабочих. Верность партии Ленина, делу социализма была и будет главным для любого коммуниста.

Имя узника португальской крепости Пениши, совершившего дерзкий побег,— Альваро Куньял. Его друзья говорят: «У него железная воля». Иначе как бы он выдержал страшные пытки, когда его били в застенках толстой плетью. Не будь у него железной воли, не вынес бы он и пыток одиночеством в камерах.

Крепость Пениши, построенная в XVI веке, считалась надежной тюрьмой. Поэтому и привезли сюда десять видных деятелей Португальской компартии.

Их было десять, и в общей сложности они провели в тюрьме семьдесят семь лет. Тюремщики довели бы счет до ста и больше лет, если бы не январская ночь 1960 года.

Побег должен был начаться с площадки третьего этажа, где на сторону узников перешел часовой. Все было готово: разорваны и связаны в канат простыни, продуман каждый шаг... Ползком, сохраняя интервалы, узники передвигались под прикрытием тени.

Не замеченные часовыми, перелезли через высокую стену, потом по канату спустились с крепостной башни в ров... Снова на стену и — оказались на улице.

...Альваро Куньял, руководитель португальских коммунистов, часто вспоминает о детях Португалии, о маленьких борцах за свободу. Когда рассказывает о них, то предупреждает, что не назовет ни одного имени: его знакомые живут и работают в подполье. Многие из юных

подпольщиков родились в тюрьме. Свою революционную деятельность маленькие коммунисты начинали обычно в подпольной типографии. Потом им поручали более ответственное задание: перевозку нелегальной печати. Дети подпольщиков — особенные дети. Всегда серьезны и внимательны, остерегаются шпиков, думают о старших товарищах — им некогда играть со своими сверстниками.

— Я знаю одну девушку,— вспоминает Альваро Куньял.— Когда ей исполнилось пятнадцать лет, она приехала в СССР. Друзья спросили ее: «Какой подарок ты хотела бы получить?» — «Куклу»,— попросила девушка. «Неужели ты все еще играешь в куклы?» — «Играю? Да я никогда не держала куклу в руках...»

Дети португальских бедняков зимой и летом бегали босиком. Они не ели досыта. Фашисты отняли у них все: игрушки, ботинки, школы. Разве так могло продолжаться бесконечно?

— Успехи советского народа разбивали стену молчания, которой фашисты пытались отделить португальцев от мира социализма,— говорил товарищ Куньял.— Они вселяли радость и веру в арестованных, в революционеров-подпольщиков, во всех патриотов... Вы, советские люди, иногда даже не представляете, что каждая ваша победа укрепляет в революционерах героическое чувство жизни. Будущее принадлежит нам, коммунистам.

...В 1974 году Португалия освободилась от фашизма. Португальская коммунистическая партия вышла из подполья, продолжила борьбу за демократическую и революционную Португалию. Сколько раз экран телевизора показывал Куньяла в гуще событий! Среди крестьян, впервые получивших в свое владение землю, среди рабочих, взявших под свой контроль предприятия...

На Двадцать пятом съезде КПСС председательствующий объявил: «Слово предоставляется Генеральному секретарю Португальской коммунистической партии товарищу Альваро Куньялу».

Зал взорвался аплодисментами. Все встали, а он подошел к трибуне и, вскинув белую от седины голову,

сказал глухим от волнения голосом: «Дорогие товарищи!..»

Это был он — человек из легенды. Совсем рядом с нами...

И снова Куньял на родине, Куньял действует. Гневом пылает его лицо, поднята вверх и сжата в кулак рука — это Куньял дает бой реакции, призывает всех честных португальцев сплотиться, чтобы дать отпор правым силам. Бой продолжается...

Можно изучить сотни биографий знаменитых борцов международного коммунистического движения, и почти в каждой встретится важный эпизод, связанный с успехами Советской страны. Событиями, повлиявшими на жизнь этих людей, были Октябрьская революция, работы Ленина, героизм наших воинов, свершения советских пятилеток, неустанная, творческая работа КПСС.

Когда в Москве собираются представители коммунистических и рабочих партий разных стран, чтобы обсудить задачи совместной борьбы, они говорят о верности учению Ленина, о пролетарской солидарности, о силе единых действий, рассказывают, как успехи СССР помогают им в борьбе за свободу, в строительстве новой жизни.

Многие страны на земле идут по пути социализма, объединяют свои силы с СССР. Пролетарский интернационализм сплачивает трудящихся всех стран.

ЧЕЛОВЕК ГОВОРИТ С ВОЛГОЙ

РАССКАЗ О НЕПОБЕДИМОСТИ, О ВЕЛИКОЙ БИТВЕ НА ВОЛГЕ, О СЧАСТЬЕ И ЧЕРНОМ ХЛЕБЕ, О КРЫЛАТОМ ЧЕЛОВЕКЕ — КАПИТАНЕ „РАКЕТЫ"

Не забыть 22 июня 1941 года, солнечное спокойное воскресенье. Радио объявило: фашистская Германия внезапно напала на Советский Союз. В то утро тысячи самолетов с черными крестами сбросили бомбы на мирные наши города, аэродромы, железнодорожные станции, танки и мотоколонны врага вторглись на советскую землю.

В один из первых дней войны написана суровая маршевая песня: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...» Пока ее разучивали оркестры, первые эшелоны с добровольцами ушли на фронт.

Наша школьная юность совпала с войной. Осенью 1941 года в классах по-прежнему начались занятия. И в расписании стояли все те же физика, математика, история, но это были уже суровые уроки войны. Радио передавало военные сводки: враг занял Ростов, Киев, подошел к Ленинграду...

Шла Великая Отечественная война.

...Был январь 1942 года. Окна железнодорожной школы на уральской станции Кунгур залеплены крутым снежным каракулем. Стены охают и скрипят под натиском мороза. Нас, эвакуированных москвичей, не отличишь от кунгурцев: так же заправлены лыжные брюки в голенища сапог, те же грубошерстные свитера, на плечах у девочек пуховые платки. Только мы все по-московски «акаем», а они заметно «окают».

Входит учитель. Разглядывает нас, вставших для приветствия, словно видит впервые. Кивком головы разрешает сесть. Протягивает «Правду»: «Прочтите статью журналиста Лидова». На фотографии — запрокинутое, застывшее юное лицо, тонкую шею сжимает веревка. Кто это? Подросток, девушка? Смелый излом бровей, по-мальчишески выдающиеся скулы, короткая стрижка — лицо, освещенное гордым достоинством. Таким его будут лепить скульпторы. Таким останется оно навеки. «Таня»,— читает вслух заголовок наша одноклассница.

В классе напряженная тишина. Для нас уже нет ни газетных страниц, ни школьных парт, ни учительского стола. Есть только беспощадность врага, тень виселицы на

снегу. Нам казалось, что это мы, школьники, идем на казнь, босые, раздетые, и впереди нас ступает обмороженными ногами девочка, похожая на мальчишку. Каждый в те минуты прошел тот страшный путь. Напряжение росло и разорвало тишину возгласом партизанки: «Мне не страшно умирать, товарищи. Это счастье — умереть за свой народ!»

Запомнились лица одноклассников — хмурые, сосредоточенные, решительные, грустные. Пройдет несколько месяцев, и многие из старших товарищей уйдут на фронт: наш знаменитый лыжник-виртуоз Витя Вавилов, стеснительная, тихая Нина Мальгина и душа общества хохотушка Ада Акимова. Тогда мы уже будем знать настоящее имя девушки, погибшей в Петрищеве, назвавшейся фашистам Таней,— Зоя Космодемьянская. Оно войдет в наши будни и праздники, встанет рядом с именами 28 героев-панфиловцев, рядом с именем комсомольского комиссара Лизы Чайкиной.

Потом историки подробно расскажут о битвах под Москвой, на Курской дуге и на Волге. Расскажут о мужестве ленинградцев, 900 дней сражавшихся в осажденном городе. Как священную реликвию, будут рассматривать люди в музее крохотный, ссохшийся кусок черного хлеба — 125-граммовый паек блокадного Ленинграда. И все будут с уважением говорить, что, несмотря на голод, холод и тягчайшие лишения, ленинградцы не отдали фашистам колыбель Революции. Они выстояли потому, что принадлежали к революционному племени питерских рабочих.

День за днем будут описывать историки ход Великой Отечественной войны, чтобы навеки запечатлеть подвиг нашего народа. И День Победы — 9 мая — станет красным, праздничным днем в наших календарях.

В школьных учебниках появятся имена молодогвардейцев, Матросова, Гастелло, Зои и Шуры Космодемьянских, имена других героев. И скупо, точно прозвучат слова «массовый героизм», вобрав в себя, как в формулу, главную силу, которая позволила Советской стране победить

фашистских завоевателей. Поэты напишут стихи. Пионеры пойдут по маршрутам боевой славы. И будет Братск, целина, Академгородок под Новосибирском, девочки в юбчонках мини, смешные передачи по телевизору, песенка для малышей «Спят усталые игрушки». Будут космические корабли, ковровая дорожка у трапа самолета и на ней наш русский парень Юрий Гагарин с улыбкой, которая, казалось, может согреть весь мир. Придет время, когда именем Зои назовут школы, пионерские отряды, новую, только что открытую планету.

Теперь мы знаем: этого ничего бы не было, если бы далеко от нас, на передовой, не стояли бы насмерть тысячи защитников Родины.

От Баренцева моря до Черного шел бой.

...А мы, школьники, сражались со снегом. Почти каждый день приходилось расчищать железнодорожные пути: на запад шли и шли эшелоны. В эшелонах сибиряки-крепыши в новеньких полушубках и валенках. Они выскакивали из вагонов, бежали, громыхая котелками, за кипятком, курили махорку, делили пайки.

Школьники дарили им маленькие вышитые кисеты, варежки, угощали теплыми пирогами с картошкой — шаньгами, смеялись от радости: «Вот теперь-то фрицам капут!»

Все еще прибывали эшелоны с эвакуированным оборудованием заводов. Ребята вставали в цепочку, чтобы передавать друг другу тяжелые, прокаленные стужей литые части станков. Вечером шагали в соседний офицерский госпиталь и там, в палатах, пропитанных йодом и хлороформом, пели: «Ты помнишь, товарищ, как вместе сражались?..» И товарищи, большие, взрослые дяди, прикрывали глаза ладонями, чтобы мы не видели их слез.

Подростки военных лет, как и все взрослые, горели желанием защищать Отечество, защищать все, что имели. А имели мы ни с чем не сравнимое богатство: новые человеческие отношения, новые заводы — первенцы пятилеток, новые школы, новые песни. Мы участвовали в сотворении совершенно особенного мира. И это делало нас

безмерно счастливыми. Бок о бок с нами жили и работали, заражая нас своей верой и энтузиазмом, бойцы революции и гражданской войны, стахановцы, двадцатипятитысячники. Мы жали руки первым героям-летчикам. Строили снежные крепости с героями книг Гайдара. В книги Гайдара были влюблены все ребята Советской страны. На одной из встреч, тогда еще школьница, Зоя Космодемьянская читала писателю любимые стихи:

Уж враг отступает пред нашим полком.
Какое блаженство быть храбрым бойцом!

Теперь мы спешили стать бойцами. На уроках военного дела ползали по-пластунски, надевали противогазы и, впрягшись в санки, тянули «раненых», зная точно: завтра многие из нас уйдут на фронт.

Приходили первые похоронные. Мы узнали: наш Саша, первый пионервожатый, читавший у костра письма Дзержинского, разбился вместе со своим самолетом. Погибали лучшие, смелые, беззаветно преданные старшие товарищи... Тогда мы не могли еще осмыслить, как много их не вернется с фронта — беда была всеобщей. И сегодня «похоронки» — скупые фронтовые письма со строками «пал смертью храбрых» — хранятся во многих домах. В этих семьях выросли уже новые прекрасные люди, и хотя прошли десятилетия, там все еще ждут победителей, которые не вернулись в сорок пятом. Нет в нашей стране такой семьи, которая не потеряла бы в войну близких.

...У каждого времени свои герои. И неразрывна цепочка событий, рождающих этих героев. Когда корабль с первой женщиной на борту поднялся в космос, мы услышали позывные: «Я — «Чайка». Валентина Терешкова выбрала этот пароль в память о Лизе Чайкиной.

Каждый день наша страна как бы поднимается на все бо́льшую высоту. Революция, торжество пятилеток, победа сорок пятого года, могущество Советской Родины принадлежат и десятиклассникам, ушедшим на фронт, и сегодняшним подросткам, бегущим по утрам в школу.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ТЕХНИКА

Рассказ о непобедимости

Шла Великая Отечественная война.

Вся страна поднялась на защиту родной земли. С первых же дней войны промышленность перестраивается на военный лад. Тракторные заводы превращаются в танковые, часовые выпускают взрыватели, мотоциклетные — стрелковое оружие. Был разработан специальный план роста военной промышленности на Востоке страны. Чтобы выполнить его, необходимо было перевести на Восток тысячи заводов из прифронтовой полосы. Алюминиевые заводы, Криворожский и Донецкий бассейны захвачены гитлеровцами. Гитлер рассчитывал, что, взяв важные промышленные районы, он лишит Красную Армию вооружения, техники, сырья. Но врагу достались пустые коробки зданий. Все было вывезено — приборы, станки, моторы.

Люди, пережившие те годы, помнят, как нескончаемым потоком шли эшелоны с Запада на Восток: в Поволжье, на Урал, в Сибирь, Казахстан. На платформах — прикрытые брезентом станки, конструкции, детали, и рядом в теплушках ехали те, кому предстояло в глубоком тылу, за тысячи

По врагу — огонь!

километров от дома, снова собрать, монтировать завод, заставить работать станки. Тысячи заводов встали «на колеса». Повсюду звучало военное, мобилизующее слово «эвакуация».

На четвертый день войны эвакуировался Ленинградский машиностроительный завод. Это был новый, недавно вступивший в строй завод — гордость и любовь Ленинграда. Буквально за неделю после прибытия эшелона на Урал ленинградцы смонтировали механические цеха, запустили турбины заводской электростанции. Завод начал свою вторую жизнь, выдал продукцию фронту. Фрезеровщик Дмитрий Босый установил невиданный рекорд — он выполнил норму на 1480 процентов! Отсюда, с ленинградского машиностроительного, пошло движение «тысячников».

Из Керчи, Харькова, Воронежа, Москвы и Сталинграда приезжали на новые места рабочие коллективы. Сразу же, выйдя из вагонов, часто под открытым небом, начинали размещать привезенные станки и оборудование. Работали круглосуточно. Над строительными площадками вывешивали плакаты: «Всё для фронта! Всё для победы!»

Непривычные к холоду южане работали на стройке в тридцатиградусный мороз, женщины учились варить сталь, вставали к станкам четырнадцатилетние подростки — выпускники школ трудовых резервов. Тысячи подростков взяли на себя рабочую заботу отцов, ушедших на фронт. Их обучали опытные пожилые мастера, матери подкладывали им, «рабочим мужикам», куски хлеба побольше. Хлеб был великой ценностью, его выдавали по карточкам.

Хлеб войны — тяжелый, сырой, утолявший голод, — запомнился на всю жизнь. Резали его аккуратно, тонкими ломтиками.

«Всё для фронта»... Тыл был тоже фронтом, героическим и суровым. Своими могучими плечами тыл поддерживал фронт.

В начале войны один из главарей фашизма — Геббельс —

Герой Советского Союза
ученица 10-го класса
московской школы
Зоя Космодемьянская.

«Таня» — так назвала себя
бесстрашная партизанка.
При выполнении боевого задания
З. Космодемьянская была
схвачена и повешена фашистами
в деревне Петрищево
под Москвой.

утверждал, что вся промышленность СССР уничтожена.

Но когда в 1943 году в битве под Сталинградом была разгромлена и сдалась в плен многотысячная армия Паулюса, правду нельзя было скрыть. Одна из гитлеровских газет даже опубликовала статью, в которой называла появление на фронтах нашего оружия чудом: «Нам кажется чудом, что из необъятных советских степей встают все новые массы людей и техники, как будто какой-то великий волшебник лепит из уральской глины в любом количестве большевистских людей и технику».

Нет, не «волшебники», а живые люди: москвичи, ленинградцы, харьковчане, уральцы и сибиряки, мужчины, женщины и подростки — вот кто был творцом техники, которая все с большей силой обрушивалась на врага.

Партия рассчитала правильно, создавая в предвоенные пятилетки промышленную базу на Востоке страны. В строй уральских и сибирских заводов вливались цеха и заводы, приехавшие с Запада нашей страны.

В первый период Великой Отечественной войны на Урале было построено и пущено 10 крупных домен, 27 мартеновских печей, завершено строительство Челябинского завода.

Доменная печь, пущенная на Магнитогорском металлургическом комбинате в начале декабря 1942 года, была сооружена в невиданно короткий срок — за семь месяцев.

Урал ковал сталь победы.

Большевистская техника...

Это понятие не техническое. Мы громили врага всей мощью наших пятилеток, братским союзом рабочих и крестьян, нерушимым единством советского народа.

Ведь враги вторглись не в старую Россию — «страну помещиков и лапотников», какой она была в представлении чужеземцев,— фашисты напали на Союз Советских Социалистических Республик. В этом Союзе объединились миллионы людей разных национальностей, чтобы построить

Парад на Красной площади 7 ноября 1941 года.

справедливое и прекрасное общество. И разве могли хозяева первого социалистического государства не сражаться за него до полной победы!

Фашисты получили первый удар под Москвой.

Тревожные дни переживала в 1941 году наша столица. 77 вражеских дивизий наступали на Москву. «Москву не сдавать!» — решил советский народ.

120 тысяч москвичей вступили в народное ополчение. Москвичи сражались с самолетами и танками, строили оборонительные сооружения, напряженно работали. Подходили новые дивизии, тыл оснащал их боевой техникой. 7 Ноября 1941 года на Красной площади состоялся военный парад. С парада войска уходили прямо на фронт.

На всю страну прозвучали слова политрука панфилов-

цев Клочкова: «Велика Россия, а отступать некуда, позади Москва!»

В этом бою 28 героев дивизии генерала Панфилова приняли удар пятидесяти танков.

В начале декабря 1941 года советские войска перешли под Москвой в наступление и нанесли врагу удар.

Второй удар фашисты получили под Сталинградом. К осени 1942 года на город наступало свыше миллиона вражеских солдат, одна треть танковых немецких дивизий. «Ни шагу назад!» — призвала партия защитников Сталинграда. И защитники ответили: «За Волгой для нас земли нет!» Более двух месяцев шли бои на подступах к Сталинграду. Потом — за каждую улицу, каждый дом...

За Родину!

ЗДРАВСТВУЙ!

Рассказ о тех, кто вернулся на места бывших боев

...Человек стоит у самой кромки кручи над Волгой.

— Здравствуй,— говорит он негромко.

И река отвечает тихим шуршанием, волны раскачивают ледяную шугу у застывшего берега.

— Помнишь товарищей? — спрашивает человек.

«Помниш-ш-шь...» — повторяет река.

— А меня?

Шорох стихает, словно река замерла.

— Мы стояли вот тут.

Человек опустился на землю. И как только он прикоснулся к ее прохладе, время стремительно покатилось назад.

...Горело все — земля, небо, вода — от разрывов снарядов, бомб, гранат, пулеметных очередей. Картой сражения стал план города, где учитывался каждый метр улицы, переулка, дома. Шла многомесячная оборона Сталинграда.

Более пятидесяти дней удерживал каменную крепость в центре города сержант Яков Павлов со своими бойцами. Бомбы, мины, снаряды не смогли сломить героический гарнизон. Дом защищали русские, украинцы, грузины, узбек, абхазец, таджик, татарин, и в этом многонациональном братстве была особая сила небольшого воинского гарнизона, который уничтожил вражеских солдат больше, чем гитлеровцы потеряли при взятии Парижа. Яков Павлов — Герой Советского Союза.

И сегодня в городе на Волге среди новых кварталов стоит кирпичный четырехэтажный дом. В нем живут семьи волжан. Этот дом знает вся страна как «Дом Павлова».

«За Волгой для нас земли нет!» — эти слова первым сказал снайпер Василий Зайцев, вступая в те дни в партию. Зайцев — знаменитый снайпер, о нем не раз писала армейская газета. Человек он спокойный, внимательный. Тщательно замаскировавшись, снайпер выслеживал цель и стрелял без промаха. Из Берлина прислали специального стрелка. В поединке фашист был уничтожен.

«Мы штурмуем Сталинград и возьмем его,— заявил хвастливо Гитлер в Берлине.— Если мы что-то заняли, оттуда нас не сдвинут».

А вот что написал матери немецкий ефрейтор Вальтер из Сталинграда: «Сталинград — это ад на земле. Мы атакуем ежедневно. Если нам удается утром занять двадцать метров, вечером русские отбрасывают нас обратно».

В один из ноябрьских дней на участке от «Дома Павлова» до Тракторного завода позиции советских войск атаковали пять вражеских дивизий. Гитлеровская авиация произвела 1270 самолето-вылетов. Сталинградцы выстояли, отшвырнули врага, завоевали несколько кварталов.

Было все: бои в заводских цехах, пылающие танки, небо, темное от «юнкерсов» и «мессершмиттов». Беззаветно сражались стрелки, артиллеристы, конники, морская пехота. Оборонялись и шли в контратаку, сковав более пятидесяти дивизий врага. Писали перед боем заявление о приеме в партию. За ними, совсем рядом, был трудовой город. Город жил, давал танки, орудия, мины, посылал на передовую медсестер и связистов.

Никто не мог предвидеть тогда, что спустя годы на израненном Мамаевом кургане встанет величественная скульптура матери-Родины, но все верили в победу. На одном из комсомольских собраний, во время двенадцатой за день атаки гитлеровцев, командир роты сказал молодым бойцам: «Родина требует от нас победы, а не смерти... Герой тот, кто храбро умер, приблизив час победы. Но дважды герой тот, кто сумел победить врага и остался жив!»

Все, кто сумел победить смерть, помнят то раннее ноябрьское утро, когда мощно заговорила артиллерия.

19 ноября 1942 года Красная Армия перешла под Сталинградом в наступление и окружила 22 дивизии.

Коммунистическая партия поставила задачу добиться коренного перелома в ходе войны. К этому времени наша военная промышленность выпускала вдвое больше продукции, чем в 1941 году. За год фронт получил 25 тысяч самолетов, почти столько же танков, большое количество орудий, минометов, знаменитых «катюш».

Сталинград. 1942 год.

Город на Волге тридцать лет спустя: на месте бывших руин.

Под Сталинградом у нас было превосходство в живой силе и технике.

Гитлер приказал своим дивизиям не сдаваться, бросил на помощь соединения с Северного Кавказа. Их остановили и разгромили советские войска. В начале февраля 1943 года битва на Волге закончилась блистательной победой: были разгромлены 22 отборные фашистские дивизии, 90 тысяч солдат и офицеров во главе с командующим сдались в плен.

Свыше 700 тысяч героев битвы на Волге были награждены орденами и медалями, 112 участников удостоены звания Героя Советского Союза.

После победы под Сталинградом началось наступление советских войск, большевистской техники на всех фронтах!

Город был разрушен до основания. Огромные груды кирпичей, пустые, без крыш, дверей, стекол каменные коробки, одинокие стены. Между камней зазеленела весенняя трава. Вышли из землянок тракторозаводцы — те, кто уцелел в жестоких боях. И уже в мае сорок третьего отправился на фронт эшелон с отремонтированными танками, на которых рабочие написали: «Ответ города-воина». А вскоре завод выпустил гусеничный трактор — такой же торжественный, как тот первый, который вышел из этих ворот ровно четырнадцать лет назад и всю войну работал недалеко от сражавшегося города на колхозных полях.

Центральный Комитет комсомола позвал молодежь восстанавливать город-герой: «Товарищ! На пути твоем много трудностей... Но как бы ни было тебе трудно, помни, что тем, которые незадолго до тебя отстояли место, где ты работаешь, было гораздо труднее... Ты не должен знать отдыха, не должен покидать строительных лесов и площадок, пока наш город не станет красивым и цветущим».

И снова тысячи парней и девушек будут жить в палатках среди развалин, возьмутся за лопату и кирку, поднимутся на леса новостроек. Встанет над Волгой город прекрасный, светлый, огромный, город-богатырь, достойный своих защитников и строителей.

Знамя Победы над рейхстагом.

О СЧАСТЬЕ И ЧЕРНОМ ХЛЕБЕ

Рассказ о послевоенном времени

9 мая 1945 года кончилась война.

Вернулись с фронта победители. Приехали они на Родину, в места, где воевали, где родились, на пепелища, где надо было начинать жизнь сначала. Тысячи городов и сел разрушили фашисты, затопили шахты, взорвали каждые два из трех захваченных заводов. Двадцать миллионов жизней унесла война. Двадцать миллионов смелых, полных сил строителей первых пятилеток. За всю мировую историю ни одна страна не имела таких потерь.

Тяжело жили люди в послевоенные годы — в землянках, в холодных домах, впроголодь. Советский народ не испугался трудностей. Заводы и фабрики поднимались из руин. Строились новые дома. Колхозники трудились на полях. В школах по расписанию шли занятия.

Адрес 333-й ленинградской школы: Невский район, рабочий поселок Рыбацкий. В младших классах преподает Анастасия Калганова — бывшая медсестра Ленинградского, Волховского, Третьего Балтийского фронтов. Медицинская сестричка, как звали ее тяжелораненые, окончила войну на Тихом океане — на далеком острове Сахалине.

Первые уроки Настя провела еще до войны. Она снова в своей ленинградской школе.

Окна в классе забиты фанерой. Дети сидят в полушубках и варежках. Чернила замерзли.

— На Неве бревна во льду у самого берега, вот бы их вырубить! — подсказывают девочки. И рассуждают хозяйственно: — Мы, Анастасия Афанасьевна, мигом печку растопим. Еще и чайку вскипятим.

Укутанные до бровей, шагают школьники к белой Неве. Вот и бревна — в ледяной постели. Вырубили изо льда бревна, запела пила. За топор взялась учительница. Дров нарубила, воды набрала.

В натопленном классе сразу стало уютнее. Урок продолжается, первый послевоенный урок.

— Слушайте, дети, я расскажу вам про поле, про золотистую рожь. Из зерен ржи получают муку, из нее выпекают черный душистый хлеб...

Учительница вспоминает, как девчонкой в деревне услышала она от стариков, что «счастье крестьянское из земли растет». В детстве ложилась она на землю, разглядывала беззвучно растущий мир трав, ждала: вот-вот проклюнется счастье. Но вместо счастья из земли появлялся тонкий, слабый росток. Набравшись сил, он выбрасывал зеленый флажок — первый лист, сообщая миру о своем рождении. «Может быть, это и есть счастье?»

Наверное, потому, что вокруг нее были люди, всю жизнь нянчившие землю, она решила стать ботаником. Три старшие сестры учительствовали. И Настя окончила институт.

Казалось, вот оно, счастье,— рукой подать: тихий класс, солнце в окошке, и она, торжественная, строгая, объясняет: «Слово «ботаника» происходит от греческого «ботане», что означает: трава, растение». И вдруг оборвались уроки. На плечах учительницы — гимнастерка, на ногах — сапоги. Война!..

Учительница задумалась. Тихо в классе. С парты тянется худенькая рука:

— Скажите, а всегда будет хлеб по карточкам?

— Нет. Будут счастливые времена. В магазинах увидите горы хлеба: будет черный, с хрустящей корочкой, будет белый-белый. Только сначала пшеницу и рожь надо вырастить. А мы с вами посадим сад, вырастут яблоки.

Нелегкое дело — сажать яблони там, где землю изгрызли снаряды. Сад посадили. Он вырос красивый и щедрый. Когда разросся сад, школа построила свой питомник. Стали раздавать деревца детским садам, украсили скверы, на проспекте Рыбацком встали молодые липы. И учительница, глядя на эти деревья, на новых своих учеников, думала: наступило время, обещанное ею ребятам,— появился в булочных черный и белый хлеб без карточек.

...Шла четвертая пятилетка Советской страны. Послевоенная мирная жизнь казалась людям прекрасной: хлеба вдоволь, лотки с мороженым, вечерние, без воя сирены, киносеансы, новый воскресный костюм... Каждый день просыпались с радостным чувством: война кончилась!

Страна призвала строить, и с энтузиазмом советские люди взялись выполнять пятилетний план. Четвертая пятилетка — послевоенное восстановление народного хозяйства. Государство вкладывало в одну только промышленность средств больше, чем за все три довоенные пятилетки.

На родине Стаханова, в Донбассе, шахтеры выкачали из шахт, затопленных гитлеровцами, море воды, очистили заваленные горные выработки, равные туннелю от Москвы до Парижа. Донбасс давал стране уголь.

На родине Макара Мазая, в Мариуполе, огромную доменную печь, взорванную фашистами, приподняли, выправили, поставили на место. Вспыхнул огонь, пошла сталь.

На родине строителей Днепрогэса в воды Днепра у поврежденной плотины спустились водолазы. Турбины возрожденной станции дали электроэнергию.

Рабочие и инженеры со всех концов страны ехали в Прибалтику, чтобы помочь молодым советским республикам наладить хозяйство. Эстония, Латвия, Литва уже к концу пятилетки стали сильными, промышленными.

Каждый день в стране вступало в строй три завода.

Сельское хозяйство получило тракторов и комбайнов больше, чем до войны. Машины помогали колхозам. И все же сельское хозяйство отставало. Как помочь колхозам и совхозам? Партия намечала: надо укрупнить колхозы, передать им технику, осваивать целинные земли...

Четвертую пятилетку советский народ выполнил. Восстановил все разрушенное, построил много нового. Еще раз доказал силу социализма. Шесть тысяч крупных предприятий за одну послевоенную пятилетку — почти столько же, сколько было построено в первую и вторую пятилетки!

После войны примеру СССР следовали многие освобожденные страны, решив строить у себя социалистическое общество. Образовалась мировая система социализма.

КРЫЛАТЫЙ КАПИТАН

Рассказ о капитане первой „Ракеты“,
о великой реке Волге

Великая Волга начинается с маленького родничка возле деревушки Волга. Здесь, глубоко из земли, из мха, из зарослей кукушкиного льна, течет тихий ручей. Он не иссякает по пути, а набирает силу, превращается в могучий поток и, становясь рекой, несет на себе баржи, плоты, теплоходы. Родник, родина, народ — близость этих родных всем нам слов особенно понятна на волжских берегах. И человек, который живет здесь — волжанин, волгарь, и гость Волги на ее берегах видят не только удивительный восход солнца, свет которого четко отражают спокойные воды реки, он в эти минуты строит свои жизненные планы, наблюдает великие перемены на старой реке и еще острее, чем прежде, чувствует себя гражданином русской земли — своей Родины, своего Отечества. Еще на Волге обязательно вспоминаются знаменитые картины прошлого, живописные репинские бурлаки, некрасовские строки. Поэт, описавший народные горести, народные праздники, предвидел:

В случайной жизни берегов
Моей реки любимой —
Освобожденный от оков
Народ неутомимый

Созреет, густо заселит
Прибрежные пустыни;
Наука воды углубит.
По гладкой их равнине

Суда-гиганты побегут
Несчетною толпою,
И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою.

На Волге широкой: корабль на подводных крыльях.

Мост в городе Горьком.

Грузовой порт.

Когда-то плыли по Волге ладьи, струги, насады, ушкуи, расшивы — старые торговые суда. Плыли важные, медлительные пароходы. Их сменили ходкие теплоходы. И вот появилась на Волге «Ракета» — судно с подводными крыльями, способное мчаться со скоростью пассажирского поезда.

...Волга, широкая, сильная возле Горьковской пристани, хмурилась в ожидании осеннего ледостава. Обжигающе дул ветер. Уходили, мигнув на прощание, суда.

«Ракета» подошла как-то сразу, словно вынырнула из воды. Засунув руки в карманы легкого плаща, капитан следил за разгрузкой. Лицо у него простое, чуть скуластое, глаза карие, с прищуром. Человек как человек, самый обыкновенный, а ведь о нем ходят легенды, говорят, что он вырвался почти из ада и еще спас других.

Имя капитана первой «Ракеты» — Михаил Петрович Девятаев.

История его жизни необычна.

В войну Девятаев был летчиком в соединении знаменитого Покрышкина. Три с половиной года преследовал и уничтожал ненавистные самолеты с черной свастикой. Так продолжалось до тех пор, пока его не подбили в воздушном бою в районе Львова. И сейчас еще снится ему этот бой, насмерть раненный, пылающий истребитель, снова душит едкий дым, он вновь и вновь слышит последний приказ командира, прозвучавший в наушниках: «Прыгай!»

Летчик не вернулся на аэродром.

...Он лежал распластанный на земле. Ныли обгоревшие руки, левая вывихнутая нога распухла, как бревно. Все кончено. Враги поймали его.

Сначала Девятаева отправили в Варшаву, из Варшавы — в лагерь военнопленных в Лодзи, потом в Клейнкенигсберг. И всюду его преследовала одна и та же мысль: «Убежать, вернуться на Родину».

В Клейнкенигсберге он договорился с несколькими за-

ключенными начать подкоп. Вырезав в бараке под кроватью доски, заговорщики спустились в подполье. С каким остервенением рыли они чужую, холодную землю, как торопились вырваться на свободу! В самый разгар работ лопнула канализационная труба — сточные воды хлынули в туннель. Никто не захотел лезть в зловонную жижу, а Девятаев не отступил. Ну что же! Он будет копать один. И копал, копал... Его упрямство сломило нерешительность остальных.

В день, когда подкоп достиг проволочных заграждений, их предали. С тревогой смотрели пленники, как длинноногий эсэсовец ходил по двору и тыкал железным прутом в землю. Начались допросы. Михаила бросили в одиночку; не давали ни хлеба, ни воды, зато усиленно топили чугунку, чтобы больше мучила жажда. Ночами водили на допросы. «Вежливый» следователь медленно пил из стакана, в его горле, переливаясь, булькала вода. Как хотелось сжать пальцы на этом горле!

На девятый день Девятаева вывели из горячей камеры, дали номер 3234 и в наручниках отправили вместе с несколькими участниками подкопа в центральный концлагерь Заксенхаузен, что под Берлином.

Высокая каменная стена Заксенхаузена с проволокой под током высокого напряжения держала в своих тисках сто тысяч пленных. Тут томились англичане, французы, русские, итальянцы, югославы. «Отсюда и воробью не улететь»,— подумал Девятаев, едва закрылись за ним ворота. Первое, что он увидел в лагере, была обыкновенная кирпичная труба.

— Что это? Фабрика? — спросил он изможденного человека в полосатой куртке.

— Действительно, фабрика: зайдешь в ворота, а выйдешь в трубу,— мрачно сострил тот.

На одном участке за колючей проволокой двигались люди с крестами на лбу и щеках. Они казались безумными. «Смертники»,— догадался Михаил.

Вновь прибывших погнали в баню. Пока раздевались, служащий из пленных тихо сказал Девятаеву, что за

организацию подкопа он приговорен к сожжению в крематории. Ноги и руки у Михаила стали ватными. Торопливый шепот отрезвил его:

— Давай твой номер. Забудь фамилию. Ты — Никитенко. Запомни: Никитенко!

«Значит, и здесь свои»,— пронеслось в голове. Стало легче дышать. Смерть отступила.

Новичка Никитенко, как и всех пленных в лагере, постоянно терзал голод: он потерял чуть ли не половину веса. Чтобы получить пятьдесят граммов хлеба, приходилось в тяжелых солдатских ботинках бегать по пересеченной местности в команде «бегунов». Таким способом «бегуны» испытывали прочность обуви немецких фирм.

Какие только пытки не придумывала охрана лагеря для заключенных! А те, в свою очередь, платили ей глухой, затаенной ненавистью. Первыми взбунтовались смертники — «крестоносцы». В день, когда их повели в крематорий, они напали на конвой. Началась стрельба. «Крестоносцев» загнали в газовые камеры. А потом стали вешать русских бойцов, обвиненных в том, что они дали бунтовщикам ножи.

Пятьдесят тысяч пленных вывели во двор смотреть это «воскресное представление». Гордо умирали советские люди. Ни один не заплакал, не ослабел.

— Передайте, как умирают русские! — кричали бойцы товарищам.

Михаил сжал зубы — свои, родные погибали у него на глазах, а он ничем им не мог помочь.

Тюремная судьба забросила Девятаева на остров Неер в Балтийском море. И тут он обнаружил подпольную группу. В столовой заметил парня с перебитой переносицей по прозвищу Курносый — он отдал свою тарелку с супом ослабевшему поляку. Только голодный пленник мог оценить такую жертву. Михаил узнал настоящее имя Курносого: звали его Володя Соколов. Володя пользовался доверием у немцев. Рядом с лагерем был аэродром. В команду по маскировке самолетов Соколов включил всех своих друзей. Михаил попросился к нему: он ведь

летчик, может и пригодиться. Курносый ничего не ответил. А на следующий день Девятаева окружили незнакомые люди. Один из них, с русой бородкой, представился:

— Я Корж. Говорят, ты знаешь, что в лагере есть летчик. Покажи нам его.

Михаил растерялся. А вдруг это предатели? И назвал себя. Потом они стали большими друзьями с Коржем — смелым пограничником Иваном Кривоноговым. За убийство предателя Ивана приговорили к смерти, и он готов был на самый решительный шаг ради свободы.

Стали обсуждать план побега. Девятаев летал на истребителе, а тут были незнакомые бомбардировщики. Как обращаться с аппаратурой? Как запускать самолет? Только на аэродроме, у машины, можно получить ответы.

В составе команды из десяти пленных и в сопровождении бригадира-немца Девятаев попал на аэродром. Сердце учащенно забилось при виде новеньких машин, готовых к взлету. Во все глаза смотрел он, как заправляли их горючим, тайком подбирался к разбитым бомбардировщикам, изучал устройство аппаратов.

Как-то вечером в бараке, когда всех особенно томила тоска по дому, один из пленных разоткровенничался:

— Вы говорите: родина. Это тема для школьных сочинений. А мне все равно, лишь бы денежки были...

Девятаев подскочил как ужаленный, с размаху ударил мерзавца в подбородок. Никому не позволит он издеваться над самым святым — Родиной!.. На другой день ему дали наказание: «десять дней жизни», то есть десять дней побоев. Пройдет десять суток, и его не станет.

Утром восьмого февраля команда маскировщиков, как всегда, вышла на работу. С их фрицем что-то случилось, и бригадиром временно назначили Володю. Когда спустились в бомбовую яму, Девятаев сказал:

— Обедать нынче будем в России.

Ему не ответили. Мучило сомнение: справится ли Михаил с самолетом? После побоев он еле держался на ногах.

Бригада зашла за бункер, прикрывавший «хейнкель». Девятаев глазами отдал приказ Ване Кривоногову убрать

немца-охранника. Отступать было нельзя. Михаил бросился в кабину и тут обнаружил, что нет аккумуляторов. Холодный пот выступил на лбу.

— Володя, ищи аккумуляторы! — закричал он.

Но вот и аккумуляторы на месте. Двадцать рук мгновенно расчехлили самолет. Новенький «хейнкель» побежал по взлетной дорожке, он уже у моря, а хвост все еще не оторвался от земли. У самой воды Михаил развернул машину и повел ее обратно — в гущу бежавших эсэсовцев. Когда те разглядели, кто сидит в кабине, самолет взлетел. Пассажиры в арестантской одежде запели «Интернационал»!

С аэродрома в погоню пошли самолеты. Но «хейнкель» скрылся за облаком... Через тридцать пять минут показалась линия фронта. Наша зенитка стала обстреливать «вражеский» самолет. Пришлось снизиться. Навстречу приземлявшейся машине бежали люди с автоматами: «Немец, сдавайся!» Девятаев выскочил из кабины:

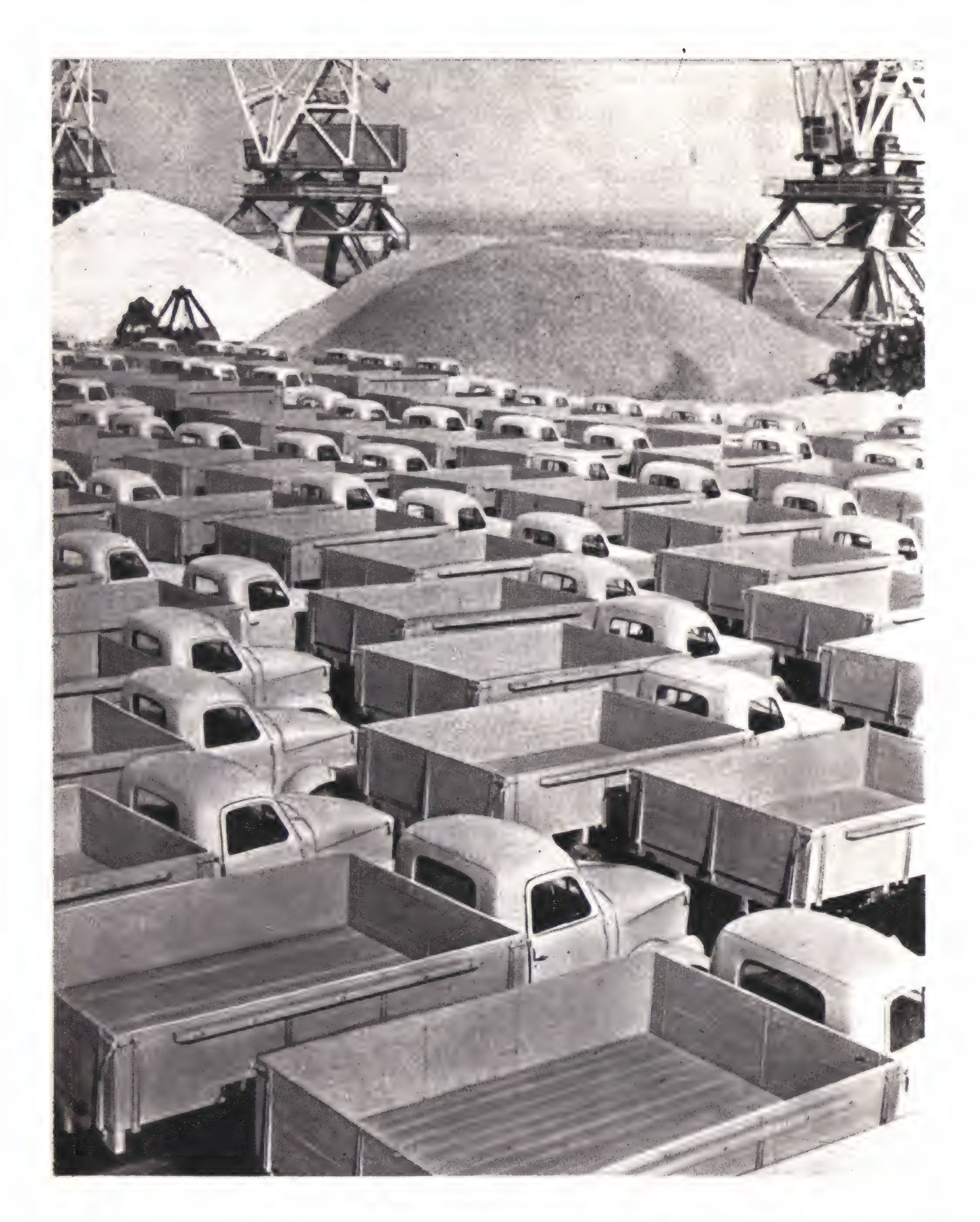
— Свои мы, русские, из плена! — и побежал по весенней грязи, широко раскрыв руки для объятий, навстречу какому-то молоденькому солдату. За ним бросились остальные девять. У четверых сердце не выдержало радости встречи — потеряли сознание. Их подхватили сильные руки бойцов...

...На кителе капитана «Ракеты» — Звезда Героя Советского Союза. Капитан показывает письма знакомых и незнакомых людей, поздравивших его с высокой наградой. Пять тысяч писем. Шахтер-проходчик из Донецка называет Девятаева крылатым человеком.

— Если человек по-настоящему любит Родину,— сказал Девятаев, перечитывая письмо,— он всегда чувствует за своей спиной крылья и побеждает.

Эти слова первого капитана «Ракеты» вспомнились в новой поездке по Волге спустя годы и годы. Теперь по реке ходили десятки крылатых «Ракет».

Из иллюминаторов привычной всем быстроходной

Волга автомобильная — грузовики Горьковского автозавода.

«Ракеты» открывалась прекрасная Волга — та, что начиналась в первых советских планах, та, что набирала силу после войны, та, которая известна миру сегодня.

Волжские города и села выполняли планы девятой пятилетки. В Калинине со сборочной линии завода сошли первые экскаваторы, которые могли рыть котлован, очищать откосы, работать в руслах рек. В чувашском совхозе «Динамо» построили птичий городок на 35 тысяч несушек. Рабочие машиностроительного завода в городе Кимры, выполняя недельное задание за четыре дня, решили выпустить за год станков больше, чем за предыдущую пятилетку. Работала на полную мощность Волжская ГЭС имени Ленина, что близ города Куйбышева.

Это была новая промышленная Волга, о которой мечтали Ленин, Куйбышев, Кржижановский.

Волга судоходная — великая водная улица страны.

Волга автомобильная: «Волги», «газики», «Жигули».

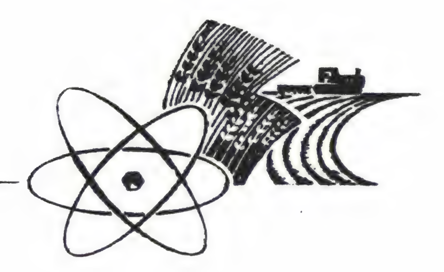
Волга электрическая — это мощные электростанции, светлые города и села на берегах, шеренги заводов, плодородные поля, водохранилища на сотни километров.

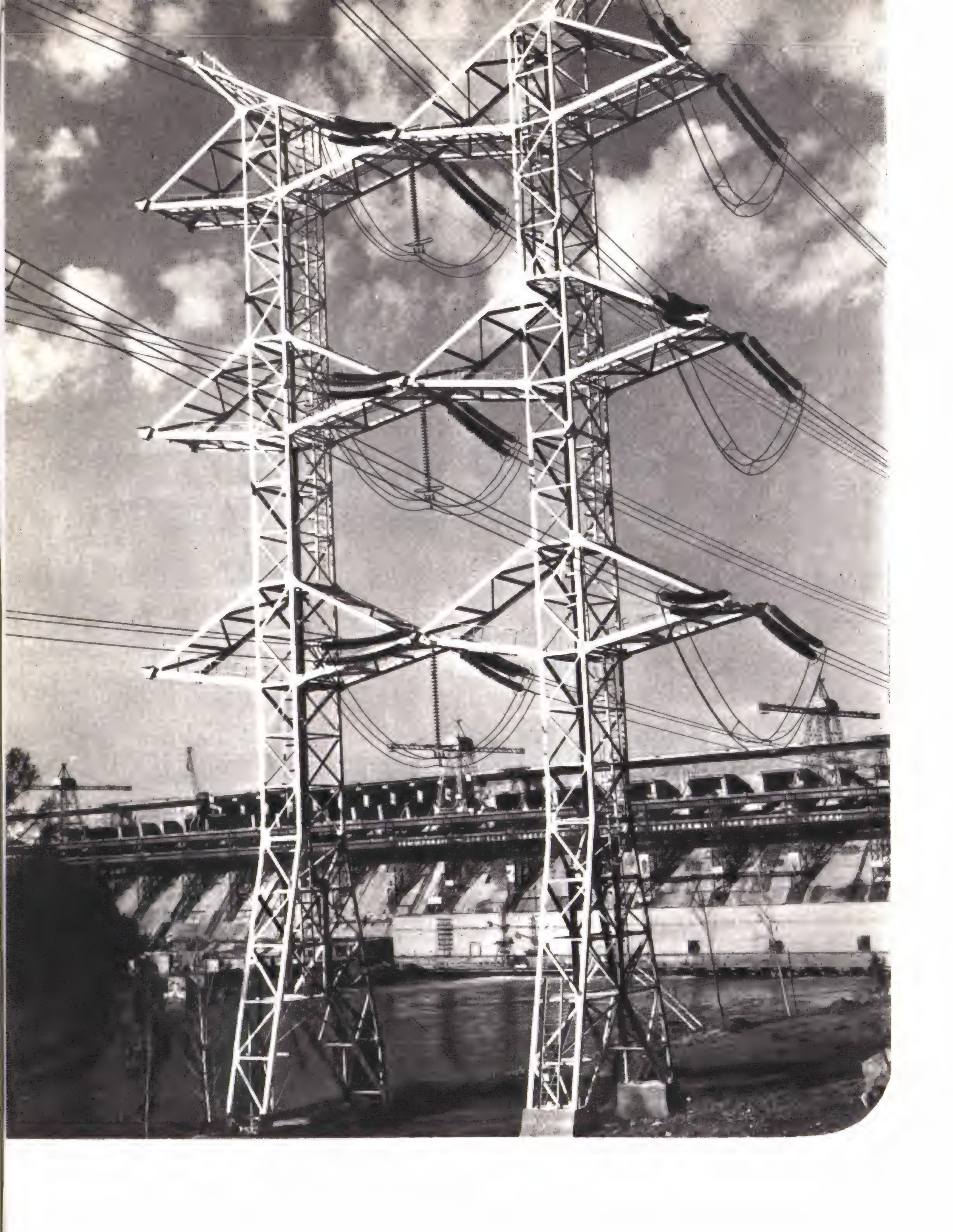
Волга космическая. Здесь приземлился первый космонавт. На волжском берегу стоит памятный обелиск.

СПУТНИКИ

РАССКАЗ О ТЕХ, КТО ОТПРАВИЛСЯ ЗА СИБИРСКИМИ БОГАТСТВАМИ, ВЫБРАЛ ЦЕЛИННЫЕ ДОРОГИ, ПРОНИК В НЕДРА АТОМА, ШТУРМОВАЛ КОСМОС, ПРОКЛАДЫВАЛ ПУТЬ К ЗВЕЗДАМ

СТУПЕНИ К СПУТНИКУ

Рассказ о первооткрывателях спутника, атома, целины

Тот, кто родился в пятидесятые годы, родился вместе с выдающимися победами нашего века — атомной электростанцией, освоением целины, первым спутником. Он — современник этих открытий.

Большие ступени — пятилетки — вели нашу страну к первому спутнику Земли.

Три первые пятилетки сделали когда-то нищую, разоренную врагами Россию могущественным государством, позволили сказать миру: социализм в СССР в основном построен.

Война нанесла большой урон всему хозяйству. Советский народ победил врага, поднял из руин города и села, за пять лет снова крепко встал на ноги.

После войны наша страна работает на мирной стройке уже не в одиночку, а в дружбе с трудящимися освобожденных стран.

Мировая система социализма развивалась, крепла. Советский Союз стал для молодых социалистических государств примером, первым помощником и другом.

Пятидесятые годы — годы пятой и шестой пятилеток. Еще две ступени, два шага к полной, окончательной победе социализма в СССР.

Строились гигантские электростанции на Волге, на Каме, в Каховке, сооружались новые заводы, цеха, доменные печи.

Рабочие многих заводов решили выполнять задания дня за семь часов вместо восьми.

Вся страна услышала призыв шахтера Николая Мамая: «Каждый шахтер каждый день дает тонну угля сверх нормы. Выходите на соревнование!..» Появились в цехах, колхозах, совхозах мамаевцы, как прежде стахановцы.

В те годы отставало сельское хозяйство. Война разрушила многое.

Основные средства и силы шли на развитие промышленности. Объединение мелких колхозов в крупные улучшило дело. И все же в стране были слабые, не выполнявшие план колхозы.

Партия сказала: все внимание — селу, город поможет деревне техникой, специалистами, жизнь самих колхозников должна быть улучшена. В колхозах ввели новую оплату труда. Сто двадцать тысяч агрономов, механизаторов, врачей поехали в деревню. Сотни тысяч тракторов, комбайнов, сеялок, машин получило сельское хозяйство.

Обратили внимание и на земли, пустовавшие десятки лет. Их называли целинными, залежными, иначе говоря — свободными, готовыми принять земледельцев, давать урожай.

Партия призвала освоить целинные земли Сибири и Казахстана. Первой откликнулась молодежь: сотни тысяч поехали по путевкам комсомола в пустынные степи. Они поставили здесь первые палатки, распахали вековую землю.

По примеру шахтера Мамая комсомольско-молодежная бригада Михаила Довжика постановила: ежедневно вручать лучшему трактористу вымпел «Передовик мамаев-

ского движения». За Довжиком, за первыми — другие целинные бригады...

Ширилось соревнование...

Миллионы гектаров залежных земель стали хлебными полями.

Целинники овладели новыми профессиями, построили поселки и города, занимались важными государственными делами.

За освоение целины комсомол был награжден орденом Ленина.

«Едем мы, друзья, в дальние края»,— пели комсомольцы-целинники, сибирские строители, геологи-первопроходцы.

«Целинную» пела вся страна, даже те, кто никуда не уезжал. Дух соревнования охватил заводы и стройки.

Это было время, когда празднично звучало слово «первый».

Свою «целину» осваивали работники атомной промышленности.

Атомная станция, атомный ледокол — первые в мире!

Один из главных участников этих работ академик Игорь Васильевич Курчатов стал после войны первым лауреатом Ленинской премии.

Успехи атомщиков давали пример всей нашей промышленности.

Курс — на развитие науки и техники! — ставит задачу партия. Наука должна помочь промышленности и селу — это путь советского народного хозяйства на долгие, долгие годы.

Тысячи ученых, специалистов, рабочих занимаются электроникой, атомной энергией, ракетами, механизацией и автоматизацией.

Рождаются новые институты. В пустынных прежде местах встают заводы, города. Работают атомные реакторы, взлетают реактивные самолеты, ракеты.

Вершиной победного социализма в те годы был запуск первого спутника Земли.

РЕЛЬСЫ ЧЕРЕЗ ТАЙГУ

Рассказ о тех, кто отправился за сибирскими богатствами

С самолетных высот особенно красивы сибирские реки. Могучий Енисей течет в скалистых берегах. Серебрится на солнце Ангара — самая прозрачная, самая холодная норовистая сибирячка. А дальше к востоку — великая синяя дорога в черемуховых берегах — Лена...

Но как проникнуть в эти богатые края?

После Красноярска с его главной улицей — рекой Енисеем, разрезающей город на две части, следует станция Тайшет. Здесь старая Транссибирская железная дорога резко сворачивает на юго-восток перед неприступной тайгой и идет к городу Иркутску. А река Лена, с ее золотыми запасами, с ее другими сокровищами, оставалась как бы в стороне. И люди прежде путешествовали сложными путями.

От Тайшета до Лены построена новая железная дорога.

Красива тайга из вагонного окна, поезд идет по фиолетовой насыпи — в зарослях крупных, с кулак величиной, таежных подснежников. А для строителей каждый километр пути был боем. Люди валили деревья, устилали болота «лежневками» — бревенчатыми дорогами, в трясине вязли экскаваторы и самосвалы, но упорно росла насыпь. Речушки упрятывали в трубы, через овраги перекидывали мосты. До Лены — семьсот километров глухой тайги, семьсот тысяч трудных метров, где лишь изредка встретится звериная тропа. И улепетывали со всех ног храбрые сибирские медведи от первых паровозных гудков...

У голубой от неба Ангары, у грохочущего порога Падун промелькнул маленький палаточный поселок. Поезд идет теперь по дну будущего моря: здесь встанет высотная плотина, и Ангара разольется в тайге на шестьсот километров. Уже едут на запад платформы с бревнами (лесные хозяйства очищают от тайги морское дно), а навстречу им — составы в Братск с машинами и техникой.

Братск пока не город, не великая стройка — рабочая станция, куда стекаются грузы со всей страны. А поселок у Падуна называется Зеленый городок. Как и Магнитка, Братск начинается с зеленых брезентовых палаток.

Поезд, будто большая быстрая змея, огибает заросшие лесом сопки. Эти горы из железа. Вот и место для будущего города в тайге — мохнатая спина сопки. Вот и заказ строителям Зеленого городка — электрическая энергия Ангары понадобится для большого рудника. И имя города уже есть на карте-первопутке: Железногорск. Сила электричества сомкнется тут с силой железа, с силой леса. А дальше на восток — новые земли, новые богатства.

На берег Лены составы доставляют тракторы, топливо, экскаваторы, машины, одежду, продовольствие, станки. На десятки километров тянутся вдоль реки склады.

Ранней весной днем и ночью будто палят на реке пушки — это взламывается толстый лед. Днем и ночью ворочают подвижными жирафьими шеями краны — загружают тупоносые, величиной с небольшой речной остров, баржи. Ставят на палубы ряд за рядом технику, а разную «мелочь» опускают в трюмы в «авоськах» — сетках размером с дом. По большой воде, вслед за уходящим льдом, проплывут баржи по Лене на север, войдут с половодьем в маленькие речушки, причалят в таежной глухомани. В новых поселках сдадут грузы геологам, строителям, горнякам. А вернутся иные уже поздней осенью.

Гудок первого парохода, названного «Первенцем», прозвучал на Лене более ста лет назад. В тридцатые годы здесь появились самолеты, возвестив о новой эпохе. Позже пришли колонны грузовиков. А в ноябре 1951 года просигналил гудок первого паровоза.

Разве могли самолет или машина насытить грузами далекие земли? Вот почему на восток от Тайшета по железной дороге идет техника, а на запад — лес. Пока что лес. Вскоре вместе с бревнами повезут железо, нефть, уголь. А у самолетов свои грузы: пушнина, золото, алмазы.

Через двадцать с лишним лет эта дорога станет началом великой Байкало-Амурской магистрали.

ПОЛЕ—МОРЕ

Рассказ о тех, кто выбрал целинные дороги

Про море говорят, что оно безбрежно. Плывешь день, два, иногда неделю — вокруг одна синева воды и неба.

А если море хлебов?

По Казахстану едешь день, два, три, и кажется, что весь мир состоит из двух огромных чаш — голубой и золотистой.

Поля пшеницы безбрежны, как и само небо. Поля не кончаются, переходят одно в другое, радуют глаз то спокойствием, то ровным бегом золотых волн, то узорами наливных усатых колосьев.

Целина — так называют богатые земли Казахстана, поле размером с море, добрый каравай нашей большой страны. И раньше говорили то же слово «целина», только разумели совсем другое: не тронутые человеком, не паханные плугом залежи. Были здесь пустынные, поросшие ковылем степи.

Кто же те герои, что перевернули степи, изменили смысл старого слова?

Комсомольцы, целинники.

Их провожали на шумных городских вокзалах, на маленьких станциях, на сельских полустанках. Провожали с флагами, оркестрами, напутственными речами, как героев первых пятилеток. Растворялись в морозном воздухе марши, ровно стучали колеса. Шли эшелоны мимо легендарной Магнитки — дальше, дальше, на восток. И мечтательно выводила в теплушках гитара:

Что горевать нам, мальчики?
Ведь едем мы не к мачехе.
Едем мы на целину,
В необъятную страну.

А какая она, эта необъятная страна — целина, их цель?

Первые борозды на целине.

...Михаил Довжик приехал с одним из первых эшелонов — в марте 1954 года. Станция называлась Джаксы, по-казахски значит «хорошо». Но что тут, казалось бы, хорошего: жмутся к железной дороге плоские, низкие мазанки, а дальше — гуляет по степи снежная поземка и где-то там, среди сугробов, центр будущего поселка. Пока что поселок — просто крестик на карте, а новоселы спят в палатках на досках, покрытых соломой.

Михаил первую ночь глаз не сомкнул, сомневался: «А вдруг сил не хватит, придется возвращаться?..» Вспомнил, как торжественно их провожали: «Стыдно так думать». Ведь в кармане — комсомольская путевка.

У себя на родине, в привольном запорожском селе, был Довжик трактористом. И на новом месте назначили его бригадиром трактористов. Правда, предупредили, что бригада не блестящая, подтянуть ребят надо. Солнце светило уже по-весеннему, земля под талыми сугробами наполнялась влагой.

Трактористы встретили бригадира дружелюбно. Понятное дело: пора пахать. А один тракторист, здоровенный, обросший, в рубашке без пуговиц — Аркадием его звали,— усмехнулся, увидев бригадира:

— Приехал на нашем горбу славу себе зарабатывать?

Довжик ответил, что приехал работать вместе с ними.

— Зачем же сразу про славу?.. Ведите, будем знакомиться с хозяйством. А потом решим, за что браться, как выйти в передовые...— Коренастый бригадир спокойно смотрел на забияку.

— Это верно,— добродушно согласился Аркадий.— Давайте знакомиться.

Стали смотреть тракторы. Сильные машины, волгоградские. На родине Михаила, на черноземных полях, такие пашут сразу двумя плугами, а здесь — земля нетронутая, вековая — один плуг тянут. А как же будет работать вот этот грязный, запущенный трактор?

— Кто хозяин машины? — спросил Довжик.

Все молчат.

Довжик переспросил.

Сашка-целинник.

Подходит Аркадий в незастегнутой рубашке.

— Я,— говорит,— хозяин,— и почему-то смутился, обмяк, вся удаль пропала.

Михаил посмотрел на машину, потом на тракториста.

— Ну, Аркадий, довел ты машину. Мертвая стоит...

— Мертвая,— согласился Аркадий.

— Сделай так, чтоб эта машина была живая и давала пользу...

Вспахала бригада Довжика целину, а потом убирала урожай. Первыми закончили уборку. Приезжала комиссия — убедилась. Ребята ходили орлами, глаза светились от гордости.

«Отсталая бригада? Это про нас так говорили?.. А когда работали за речкой и воды было в обрез — только на заправку тракторов или на ужин, что мы выбрали? Повар остался без работы, а мы разлили воду по радиаторам и пахали целину...»

— Молодцы, ребята,— сказал им директор совхоза.— Хорошо вы сработали. Только вот соседи отстают...

Поднялся с места Аркадий, встал во весь гигантский рост, предложил:

— Если надо помочь, значит, поможем!

А Довжик оставил свою бригаду. Ушел. Ушел в отстающую. Михаил считал, что у каждого человека должны быть всё новые цели, как бы сияющие вершины.

Какие, казалось бы, «сияющие вершины» могут быть в распаханной степи? Крыша просторного дома? Телевизионная антенна на деревянном коньке? Цветущая яблоня?

Все это, конечно, было важно: целина поднималась пшеничными полями, новыми поселками, садами. Уже более десяти Довжиков стали целинниками: Михаил, его жена, дети; из далекого села приехали мать, брат, сестра.

Таких людей, как Михаил, прозвали на целине коренниками. Не просто первые, не просто осевшие на новых местах, а истинные хлеборобы, сыновья земли. Когда из Кызылкумов дул суховей и желтела на глазах зеленая еще нива, когда поднимал ветер черное облако мелкой пыли, Михаил не уходил с поля. «Что горевать нам, мальчики?..» Он приехал не к мачехе, не бросил свой новый дом, не уехал в трудные дни, как некоторые маловеры. «Настоящий хлебороб остается на своей земле»,— сказал однажды Довжик.

Бригадир присматривался к новой своей земле, к дождям и ветру, учился работать по-целинному: чтоб после весны подольше сохранялась влага, не распылялась пашня, не погиб урожай. Пахать здесь стали иначе, чем везде,— не отваливая землю плугом, а прорезая ее вглубь. В самый жаркий день под корнями злаков сохранялись влага и прохлада.

Таких, как Довжик, были сотни тысяч. Целинники, коренники, хозяева. Целина отдаривала их за честный труд миллиардным урожаем...

Михаил помнит сияющие глаза первой своей бригады. В момент торжества он сделал для себя открытие: до его прихода ребятам долго твердили, что они отсталые,—

вот и поверили. А ведь именно они стали первыми на целине перевыполнять задание каждого дня. Как краснодонский шахтер Николай Мамай, который призвал своих товарищей выдавать ежедневно на-гора́ тонну угля сверх плана. Каждый тракторист в бригаде Довжика доказал, что может соревноваться с шахтерами-мамаевцами. Передовик труда получал красный вымпел передовика мамаевского движения. По примеру знаменитой бригады началось новое социалистическое соревнование на целине за выполнение планов пятилетки.

А когда победа была достигнута, Довжик перешел в отстающую бригаду. По примеру московской ткачихи Валентины Гагановой. В бригаду номер один.

По нумерации она была первой, а по работе — последней. Из двадцати двух тракторов действовал только один. Ребята жили в землянках, постели не заправляли, про бритву давно забыли. Когда в грязное помещение вошел бригадир, встретили его равнодушно, даже про славу будущую не спросили, как когда-то Аркадий. А бригадир огляделся, сказал:

— И как вы только дожили до «звания» — отстающая? Что, сами в это поверили?..

И эта бригада стала передовой. И потом, в следующую уже пятилетку, Довжик возглавил новую бригаду, вывел ее в передовые.

Верно говорят: не просто люди поднимали целину — новая жизнь поднимала людей. Потому счастливые их лица так же прекрасны, как самый щедрый урожай. Сдержали свое слово целинники, выполнили свои пятилетки — дали стране большой хлебный каравай.

Михаил Егорович Довжик трудится в целинном совхозе «Шуйский». А в Москве, в Музее Революции, хранится брезентовая палатка, которая стояла на месте целинного поселка, и комсомольская путевка, выписанная на имя Довжика, ныне знаменитого бригадира, Героя Социалистического Труда.

АТОМНЫЙ МЕЧ, АТОМНАЯ ПЕЧЬ

Рассказ о тех, кто проник в недра атома

На одном из заседаний Двадцатого съезда партии объявили о выступлении делегата Игоря Васильевича Курчатова. В зале наступила тишина ожидания. Все взгляды были устремлены на высокого человека с длинной черной бородой. Три Золотых Звезды Героя Социалистического Труда. Герой шел к трибуне.

Делегат Курчатов сказал делегатам съезда, что ученые гордятся любовью и доверием своего народа, Коммунистической партии. Его слова зал подхватил аплодисментами.

Академик, командир атомной науки и промышленности, Курчатов всей своей жизнью показал, как много может сделать ученый в решающие для страны годы. Пуск атомных реакторов, испытание атомной и водородной бомб, работа атомной электростанции — все это уместилось в десятилетие единой жизни заводов, институтов, тысяч и тысяч людей и в десять лет жизни Курчатова.

Когда американские летчики сбросили в 1945 году атомные бомбы на мирные японские города Хиросиму и Нагасаки, когда западные политики начали «холодную войну» против Советского Союза, угрожая нам атомной бомбой, Курчатов и его коллеги были уже знакомы с атомной энергией. В тяжелые годы войны с фашизмом Курчатов по поручению правительства создал атомный институт, вызвал с фронта помощников-физиков и в большой армейской палатке устроил атомный котел. Ученые укладывали под брезентом кубики урана вперемешку с кубиками графита, чтобы узнать, как может серебристый металл уран вспыхнуть ярче тысячи солнц. Позже на окраине Москвы, в Институте атомной энергии, ученые пустили первый в Европе атомный реактор. Вскоре секрет атомной бомбы, которым хвастались за океаном, перестал для нас быть секретом.

Академики И. В. Курчатов и М. А. Лаврентьев.
Прогулка на теплоходе.

Но нельзя думать, что атомную бомбу, атомную электростанцию, первый атомный ледокол создали одни ученые. Сам Курчатов рассказывал делегатам съезда, что, когда в тридцатые годы в нашей стране начались атомные исследования, физики имели всего несколько граммов радия. Для работы первого атомного реактора был использован весь имеющийся в СССР запас металлического урана. А ведь для атомной промышленности требовались не граммы, даже не килограммы урана...

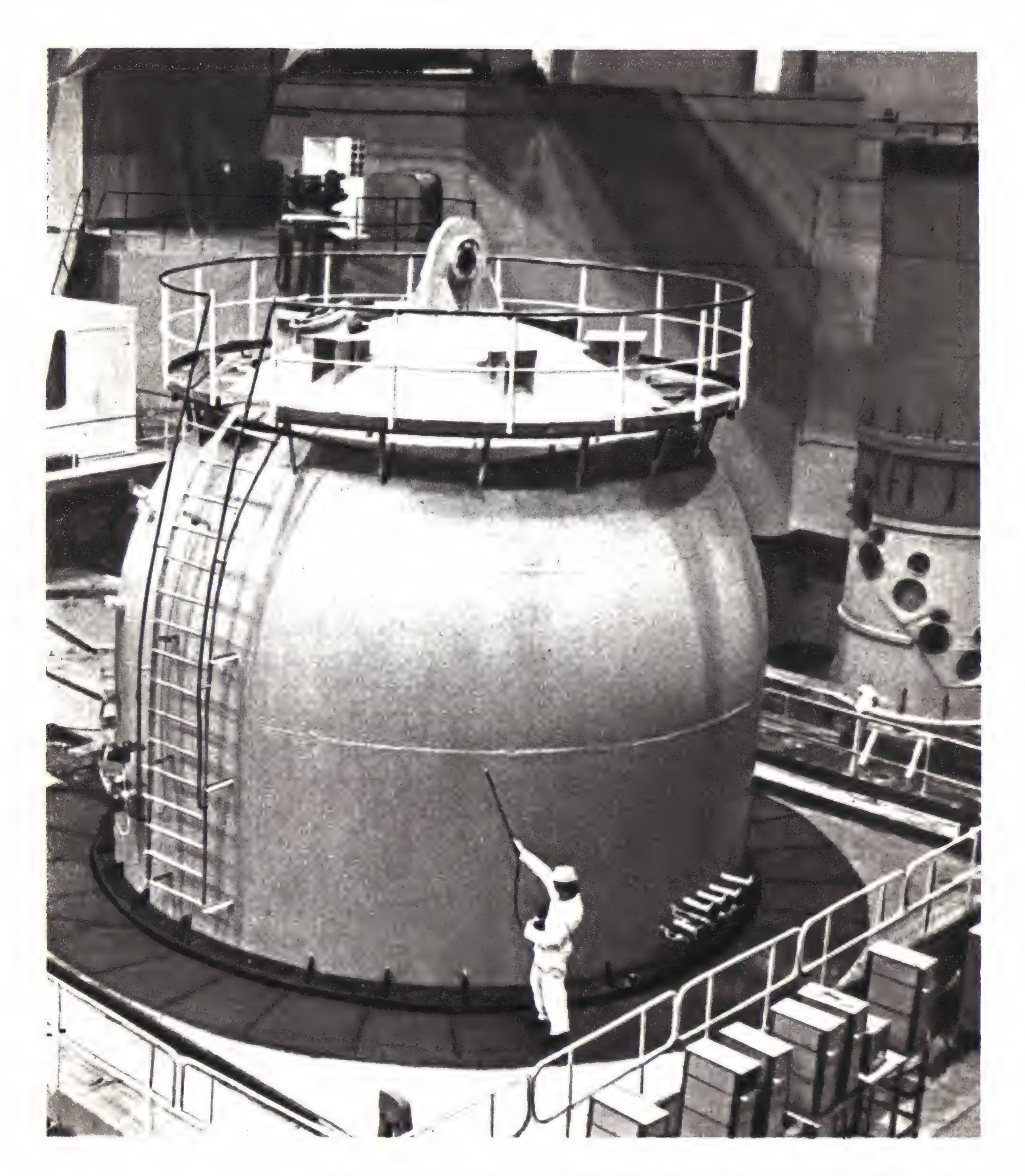
Разъехались по стране геологи — искать залежи урановых руд. В пустынных местах встали поселки, рудники, города. Сотни заводов выполняли сложные, необычные заказы. Трудом тысяч создавалась атомная промышленность, выполнялся наказ Девятнадцатого съезда партии об ускорении научно-технического прогресса.

Игорь Васильевич Курчатов на несколько лет покинул свой институт, уехал из Москвы. Он бывал в разных уголках страны — на заводах, в институтах и городах атомной промышленности, говорил с сотнями специалистов, вовлекал своей энергией и талантом в крохотную орбиту атомного ядра новых и новых людей.

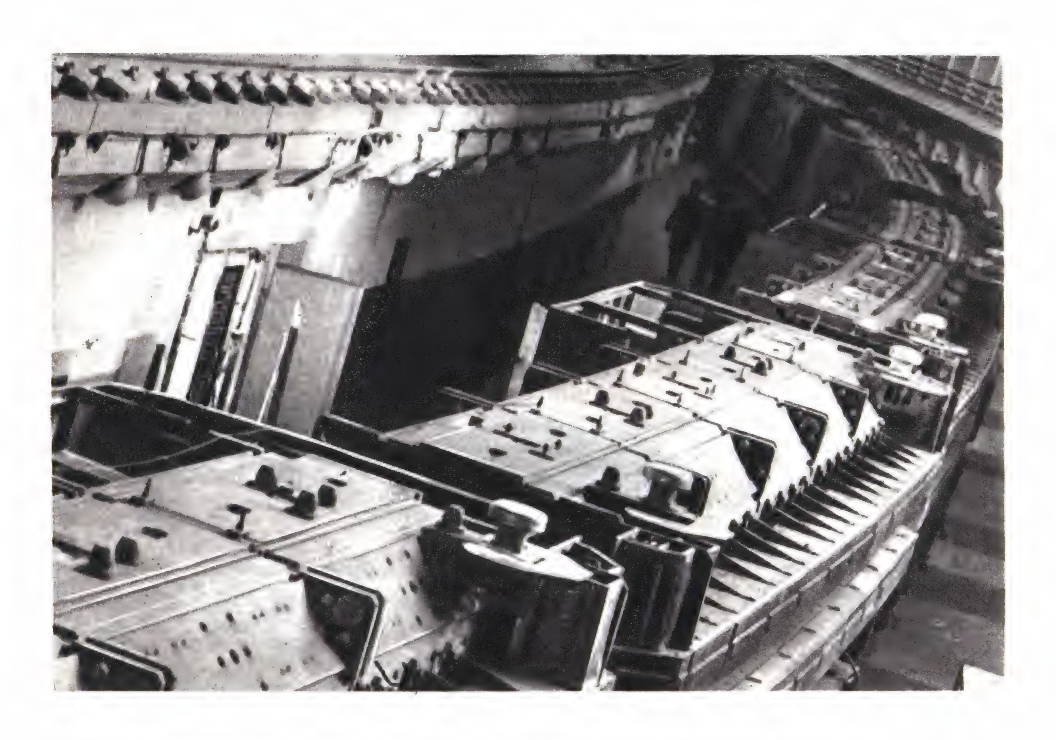
Чем-то напоминал он Петра Первого. Пожалуй, своей неуемной энергией. Высокий, статный, всегда окруженный людьми, Курчатов ходил стремительно, так, что за ним едва поспевали, говорил громко и ясно. Черные смеющиеся глаза, борода лопатой, всегда бодрый — таким запомнился академик Курчатов атомникам. Он приветствовал собеседника азартно, по-спортивному: «Физкультпривет!» Звонил ли, встречал днем или ночью — всегда: «Физкультпривет!» И тут же задавал деловой вопрос: «Достижения есть?»

На партийном съезде Игорь Васильевич вспомнит, как рождался в далеких атомных городах плутоний — легендарное «атомное топливо».

— В отличие от обычного топлива — угля и нефти,— говорил Курчатов делегатам,— ядерное топливо, сжигаемое в атомных реакторах, позволяет получать новые вещества — плутоний и другие... Есть условия, в которых

Атомный реактор на Нововоронежской станции.

Синхрофазотрон — мощный усилитель заряженных частиц.

новое ядерное топливо образуется в больших количествах, чем количество сгоревшего в цепном процессе ядерного топлива... Получается как бы так, что сожжешь в топке уголь, а выгребаешь вместе с золой еще больше угля.

Пожалуй, сам академик Курчатов и был тем «ядерным центром», который множил подобных себе: ученые, инженеры, рабочие, военные, люди разных профессий — от солдата до генерала, от академика до кочегара — на всю жизнь под влиянием Курчатова становились увлеченными атомниками.

Даже после мимолетной встречи вспоминали каждое слово Игоря Васильевича и ласково, про себя называли его Бородой.

Испытанием советской атомной бомбы и взрывом первой в мире водородной руководил по поручению правительства академик Курчатов.

...С первого дня войны Игорь Васильевич трудился без отпуска: «Некогда, некогда!..» Когда пускали первый атомный реактор, отмахивался от фотографа, уговаривавшего сняться «для истории»: «Поймите — сейчас некогда!» А когда заокеанские политики поняли, что не могут больше угрожать бомбой Советской стране, весь мир услышал слова, произнесенные спокойным голосом. «Советский народ вооружил свою армию всеми необходимыми видами атомных и термоядерных зарядов,— сказал академик Курчатов.— Всякий, кто осмелится поднять атомный меч против него, от атомного меча и погибнет».

На съезде Игорь Васильевич Курчатов рассказал о программе работ по строительству атомных электростанций в шестой пятилетке. Уже несколько лет действовала первая в мире атомная станция. Академик сказал, что к концу текущей пятилетки в атомных реакторах Советского Союза будет сжигаться топливо, равное десяти тысячам тонн радия.

Первая в мире атомная электростанция была пущена в маленьком подмосковном городе Обнинске 27 июня 1954 года.

На открытие приехал Курчатов. Вот оно, скромное каменное здание, а в нем атомная «печь» — реактор. Все понимали, что происходит событие мирового значения, важное для всего человечества.

Под наблюдением Курчатова загружен ураном реактор. Реактор, как показали приборы, ожил, заработал. Люди вышли на улицу, ожидая, превратится ли атомная энергия в электрическую... И тут свершилось чудо: из трубы вырвалось облачко пара.

Игоря Васильевича поздравили «с легким паром».

Заработала турбина. Генератор дал первый ток.

А на другой день из-за неисправности отключились обычные электростанции Обнинска. Город жил на энергии новой станции. Работала промышленность, трудились колхозники. Светил новый, атомный свет пятой пятилетки.

Вот почему академик Курчатов говорил съезду о многих будущих атомных электростанциях.

В подмосковном городе Дубне есть улица Курчатова. Этот город виделся Игорю Васильевичу как международный центр атомников; сейчас там работают физики разных стран. Далеко от Дубны тянется улица атомной физики — в Ленинград, Киев, Ташкент, Алма-Ату, где на атомных новостройках успел побывать Курчатов, в Румынию, Чехословакию, ГДР, Польшу, Венгрию, Болгарию, где советские ученые помогали зарубежным коллегам создавать атомные реакторы. О единой международной силе атомной науки говорил Курчатов на Двадцатом съезде партии.

Итогом замечательно прожитой жизни стали слова советского ученого, сказанные им за три недели до смерти:

«Я счастлив, что родился в России и посвятил свою жизнь атомной науке великой Страны Советов... Я глубоко верю и твердо знаю, что наш народ, наше правительство только благу человечества отдадут достижения этой науки».

ОДНАЖДЫ В ТИХИЙ ДЕНЬ

Рассказ о тех, кто прокладывал звездные пути

В тихий летний день 1970 года на подмосковном аэродроме встречали двух героев космоса — Андрияна Николаева и Виталия Севастьянова. Ученые, конструкторы, космонавты, родственники ожидали «Ил-18», который летел из района приземления. Настроение у всех приподнятое: впервые корабль «Союз» кружил восемнадцать суток вокруг Земли. Рекорд! А припоминались почему-то смешные моменты: как, например, забыли завести космонавты будильник и пришлось будить их по радио...

Один из встречавших волновался в дни полета, пожалуй, больше других. Профессор Борис Евгеньевич Евсеев был уверен в надежности космического корабля, но кто-кто, а конструктор всегда тревожится: вдруг случится непредвиденное?.. Сейчас все опасения позади. Профессор смотрит на возбужденные лица товарищей, и вспоминается ему далекий день, тихий и солнечный, как этот...

Пожалуй, он единственный из всех присутствующих был на таком же аэродроме тридцать три года назад. Август 1937 года. Провожали красивый и могучий «Н-209». Путь у него дальний: над льдами Северного Ледовитого океана, через Северный полюс — к Аляске. Потому самолет окрашен в ярко-оранжевый «арктический» цвет — чтобы в случае вынужденной посадки отыскать в ледяных полях.

Молодой инженер Евсеев провел с экипажем нового самолета много дней. В тренировочном полете испытывал электрооборудование, радиосвязь. По радио весь мир будет следить за полетом «Н-209»: впервые в Стране Советов поднималась в воздух такая мощная машина.

Самолет взревел всеми своими четырьмя тысячами лошадиных сил, поднялся, взял курс на Север. Командовал полетом знаменитый полярный летчик Леваневский.

Профессор и сейчас помнит: была бессонная ночь.

Потом пришла волнующая радиограмма: «Пролетаем полюс, достался он нам трудно...» А через час командир Леваневский вызвал Москву вне расписания, и телеграфный ключ отстучал: «Отказал правый крайний мотор...»

Что случилось с самолетом примерно в двухстах километрах за полюсом? Ни одного больше слова экипаж не успел передать. Оранжевый «Н-209» искали несколько месяцев и не нашли. Причина гибели осталась загадкой.

И еще один аэродром вспоминает старый профессор — зимний, суровый, военного времени. Здесь, за Уралом, еще одна яркая и прекрасная судьба навсегда вошла в биографию конструктора Евсеева. Капитана Григория Яковлевича Бахчиванджи вызвали с фронта испытывать самолет «БИ». Это была замечательная машина: она развивала реактивную скорость. В фронтовом небе отважный летчик сбил немало самолетов противника, он искренне радовался, когда достиг на реактивном «БИ» восьмисот километров в час: «Ну, теперь держитесь, фашистские асы!..»

В одном из очередных полетов летчик выжал максимальную скорость. И тут что-то случилось с летчиком или управлением. Самолет вошел в пике, врезался в землю. Бахчиванджи, взлетевший на самолете-ракете, погиб.

Именно реактивный «БИ» повернул дальнейшую жизнь Бориса Евсеева и многих его товарищей — инженеров и конструкторов: после войны они стали ракетчиками. В те годы создавалась новейшая отрасль промышленности, в которую включились заводы и институты, города и поселки. В рождении ракет участвовали химики, машиностроители, электронщики, артиллеристы и, конечно, конструкторы первых реактивных самолетов. Все понимали, что строится механизм гораздо более сложный, чем самый большой самолет, что тут не должно быть никакой осечки...

Незабываем этот осенний день 1957 года. На космодроме застыла в боевой готовности ракета. Вершиной нацелена в зенит. Отсчет стартовых команд. Палец нажимает на кнопку «пуск».

Словно вспыхнули сотни молний. Ракета окуталась

дымом и, торжественно опираясь на огненный столб, стала медленно выползать из серого облака. Пламя все росло, ширилось, било в бетон космодрома, и ракета, набирая скорость, пошла вверх. Вот уже огненный цветок в самой глубине неба... Раскаленный крест... Яркая точка... Исчезла, ушла ракета.

И над миром зазвучал странный, незнакомый, притягательный голос космического младенца: бип... бип... бип...

Он звенел и звенел, как радостный колокольчик, не утихая.

Его слышали все.

4 октября 1957 года. Историческая дата. Крылатое слово полетело над миром, зазвучало сразу на всех языках: «Спутник!» И хотя серебристый шар был невелик, размером всего с футбольный мяч, люди понимали, что прорыв в космос — такое же важное событие в истории человечества, как изобретение пороха, рождение паровоза и парохода, взлет самолета. Пожалуй, даже важнее, чем завоевание морского и воздушного пространства: впервые человек преодолел силу земного тяготения, проник так далеко, достиг космической скорости. Спутник летал над планетой, делая кругосветное путешествие за полтора часа, проносился над большими городами, над затерянными в глуши хижинами, и для каждого землянина космос стал близким, осязаемым...

Спутник — самое яркое слово пятидесятых годов.

А как много таких же новых слов вошло в нашу жизнь за пятую и шестую пятилетки! И хотя они разные по смыслу, все несут в себе радость открытий, смелых завоеваний. Мы открыли для себя кладовые сибирской тайги и пшеничные богатства целины. Открыли бесконечный звездный мир Космоса и такой же бесконечный мир Атома. Открыли радость нового труда.

Совсем, казалось бы, недавно победил советский народ в тяжелой войне, поставил дома на месте разрушенных и — уже смотрит в лицо звездам. Герберт Уэллс, умерший

в первый послевоенный год, не дожил до тех дней, когда многие из его фантастических идей — покорение межпланетного пространства, использование атомной энергии в мирных целях — воплотились в стране, которая, по его мнению, была обречена на вымирание. Об этом вспомнил академик Г. М. Кржижановский, перечитывая страницы книги «Россия во мгле». А ведь прошло всего сорок лет — от выстрела по Зимнему дворцу крейсера «Аврора» до прорыва во Вселенную первого спутника!

После спутников Земли улетели к Луне советские лунники. Штурм продолжался. Вернулись из космоса целые и невредимые четвероногие астронавты — Стрелка и Белка. Взлетел первый космический корабль с макетом-пилотом.

Все понимали, что следующий шаг сделает человек.

Этот человек работал где-то рядом, учился, тренировался, готовился к полету, тоже предчувствовал великий шаг и не знал еще, что будет первым космонавтом. Не был еще назначен тот день, тот час, который люди назовут звездным. Но он приближался.

Шла цепная реакция открытий. Мир с удивлением видел, что многим новым шагам истории предшествовало слово «советский».

СЕРДЦЕ АНГАРЫ

РАССКАЗ О ПЛАНАХ СТРОИТЕЛЬСТВА КОММУНИЗМА, О ЛЮДЯХ КРЕПЧЕ ДИАБАЗА, О ПАМЯТНОЙ СКАЛЕ ДЛЯ МУЗЕЯ, О ТАЕЖНЫХ КАНАТОХОДЦАХ, О ЧЕМПИОНЕ МИРА И МНОГИХ ЕГО УЧЕНИКАХ

Мы стоим в школьном коридоре, нашем школьном коридоре, где когда-то бегали на переменках. На стене висит доска с именами погибших на войне выпускников школы, среди них — имена наших одноклассников, имя вожатого Саши.

Коридор бурлит в нетерпеливом ожидании. Ребята увлекают нас за собой, и мы, приглашенные на торжественный пионерский сбор, движемся в общем потоке к залу. По пути читаем вывешенные объявления, заголовки стенных газет.

«Обсуждаем журнал «Квант»!..»

«В субботу члены математического кружка решают теорему Пелля. Ученые потратили на ее разгадку сто лет».

«Сообщение о песчаных бурях на Марсе»...

Знакомый с детства гортанный, оптимистичный звук горна навел порядок в зале и на сцене, установил тишину.

Почувствовав настроение ребят, их нетерпеливое ожидание, вожатый сразу объявил, что выступает почетный гость — инженер Марчук с Братской стройки.

Поднялся и вышел из президиума один из гостей — высокий, темноглазый. Весело сказал: «Песня про бетон». И взял в руки гитару. Началась песня.

Все услышали, как задымился на морозе, задышал, полился из ковша теплый бетон, превращаясь в огромную плотину.

И как-то само собой песня перешла в рассказ про упорных людей одной из первых в стране коммунистических строек.

А когда инженер из Братска сел, стало понятно, что это и есть Алексей Марчук из песни, знакомой всем ребятам,— «Марчук играет на гитаре, а море Братское поет».

И таежным морским прибоем зашумел зал.

Но уже выступал летчик.

На синем кителе летчика Золотая Звезда Героя Советского Союза. Яков Киреевич Минин часто пролетал на своем крылатом «Ту» над Братском, но слушал он братчанина впервые. А зал, едва заговорил Минин, притих, сотни глаз разглядывали человека, который почти

каждый день перелетает страну из конца в конец. Вместе с Мининым утром москвичи идут на работу, а когда все возвращаются домой, летчик преспокойно ужинает в Хабаровске. Яков Киреевич хитрющими глазами смотрит в зал, спрашивает, нет ли у ребят учебной карты — сейчас он покажет, как лететь в Африку, Америку, на Кубу. По рядам на сцену передают учебники. Яков Киреевич раскрыл карту, стал объяснять трассы международных полетов, называть города, моря, океаны.

И космонавт Виталий Иванович Севастьянов с любопытством разглядывал знакомую карту — быть может, вспоминал свои школьные годы. А потом он рассказал, как в многосуточном полете «изучал» вместе с Андрияном Григорьевичем Николаевым географию Земли. Космонавты смотрели в иллюминатор корабля, угадывали контуры материков, островов, городов, рек, сравнивали с атласом. «Вот бы нам такие уроки»,— подумали ребята и удивились признанию Севастьянова: оказывается, географию лучше его, космонавта, знает один третьеклассник из их школы. По известным причинам космонавт не назвал фамилию, сказал только, что зовут победителя Сергей Сергеевич и все на свете реки, моря, страны, столицы, города и даже поселки третьеклассник выучил по атласу...

Что тут было! Ребята зашептались, завертели головами в разные стороны, стали спрашивать друг у друга, кто это может быть. Да разве узнаешь, сколько их, Сергеев, в третьих классах!

А мы, в президиуме, знали победителя: он в пятом ряду, рыжеватый, с шахматной доской на коленях, замер на краю стула. Мы не сомневались, что это будущее географическое светило. Третьеклассник живет в одном доме с Севастьяновым и однажды победил его в географической игре. С тех пор космонавт называл соседа по имени и отчеству — Сергей Сергеевич.

Зал уже забыл о знаменитом географе, слушал, как Виталий Иванович работал в полете, как он ловил по радио футбольные матчи, как спал в невесомости. Вместе с космонавтом зал летел над Землей.

А космонавт, глядя на ребят, вспомнил, как мальчишкой играл в Чапаева и папанинцев, в полярных авиаторов и первых «пятилетчиков». И стал рассказывать о героях своего детства, как они приходили на пионерские сборы, как он учился у них, стремился им подражать.

Казалось, широко распахнулись двери зала и на нашем сборе зазвучали голоса героев давних дней, такие знакомые голоса...

— Ура!.. Чапаев впереди!

— Ради чего стараешься?

— До социализма дойти надо...

— Прошу вашего разрешения прибыть на мировой гигант...

— Социализм строится при любой погоде.

— Записывай в стахановцы!

— Передайте Форду, что советский рабочий себя за золото не продает...

— Моя радость и гордость — новый русский человек...

— Четверка отважных на полюсе...

— Все выше, и выше, и выше...

— Если враги нападут на нас, металлурги зальют им глотки сталью...

— Отступать некуда. Позади Москва...

— За Волгой земли для нас нет...

— Победа!..

— Поехали!

И про своего друга, радостно крикнувшего «Поехали!», про Юрия Гагарина, рассказал космонавт. И добавил, что сегодняшние пионеры полетят, несомненно, выше, полетят дальше, когда станут взрослыми.

...Две девочки, возвращаясь со сбора, прошли мимо нас. Совсем как мы когда-то, они горячо говорили о сборе, только мы восхищались полетами первых летчиков, а они обсуждали космические дела.

Школьницы ушли, размахивая тяжелыми портфелями. В этих портфелях и сложные теоремы, и песчаные бури на Марсе, и битва на Курской дуге. Быть может, они еще не знают, что именно под Курском погиб наш вожатый,

имя которого сохранила памятная доска. Но придет время, думали мы, и ребята обязательно услышат любимую Сашину фразу: «Погибаю, но не сдаюсь!», потому что такие слова бессмертны. И день ото дня, взрослея, они все сильнее будут ощущать, что живут под щедрым покровительством стойкости и мужества многих, многих героев. На крутом подъеме, который лучшие люди планеты называют Коммунизмом, мы обязательно встретим их победителями!

Этот вечер вспомнился нам через несколько лет, когда мы пришли в зал Театра имени Ленинского комсомола провожать комсомольцев в Липецк — на строительство Новолипецкого металлургического комбината.

Нам сказали, что среди отъезжающих есть и выпускники нашей школы.

Но среди тысячного отряда парней и девушек в светло-зеленой форме невозможно было их найти.

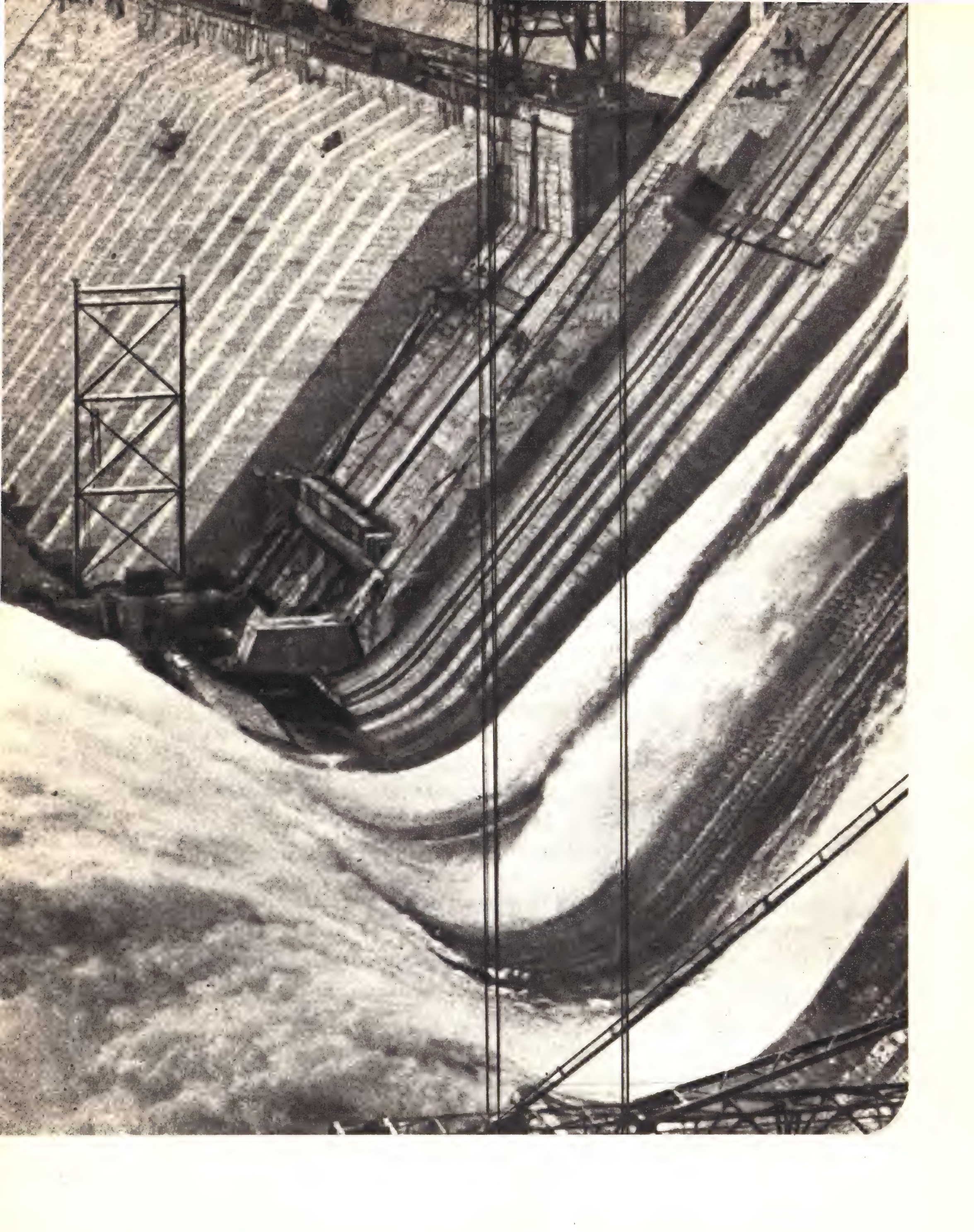
В зале было тесно, совсем как в двадцатом году, когда здесь выступал В. И. Ленин. Как и тогда, взрывами радости гремели аплодисменты, пылали лица.

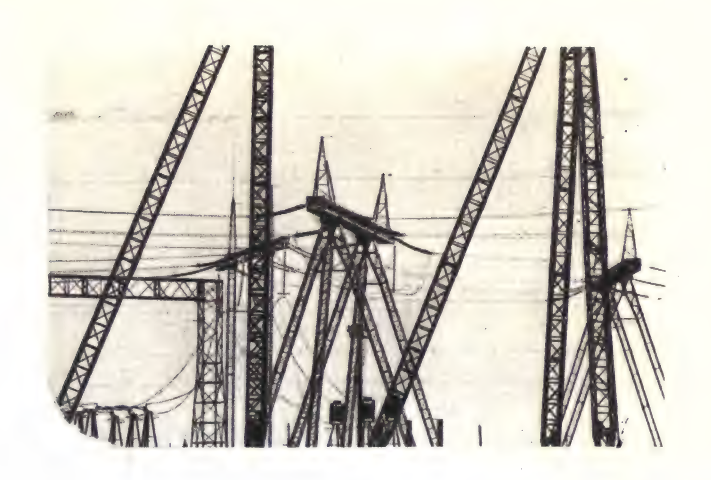
«Температура сердец,— сказал министр черной металлургии,— плюс 1600 градусов, при такой плавится легированная сталь в том самом цехе, который предстоит построить. А сделать это непросто: надо вырыть горы земли, смонтировать тысячи металлоконструкций, освоить десятки профессий... На плечах таких строек, как ваша, решается победа девятой пятилетки».

Министр говорил о стройках, но парни покосились на свои плечи: достаточно ли они крепки?

Потом выступал поэт. Он обратился к залу торжественно: «Дорогие создатели истории!..»

...А ведь это он сказал и о ребятах, окончивших нашу школу, Сашину школу!..

УЧИТЬСЯ КОММУНИЗМУ

Рассказ о планах строительства коммунизма

Первой Программой партии большевиков было свержение царской власти, победа социалистической революции. Она выполнена 25 октября (7 ноября) 1917 года.

Вторая Программа после Октябрьской революции — построение социализма. Наша страна первой в мире пошла по этому пути. Экономика, по словам Владимира Ильича Ленина, была главной политикой Советского государства. В пятилетках, в индустриализации и коллективизации, в борьбе за всеобщую грамотность рождался социализм. Он победил на одной шестой части земного шара, и после войны еще треть человечества последовала примеру Советской страны, встала под знамена социализма.

Третья Программа Коммунистической партии, принятая Двадцать вторым съездом,— Программа строительства коммунизма. Коммунизм — мечта всего человечества, наше счастливое завтра. Коммунизм — новое общество гармонично развитых сознательных людей, где труд — радость, первая жизненная потребность. Коммунизм может родиться только в самой передовой стране, в такой, как СССР.

Братская ГЭС рождается в бетоне и на холсте.

И снова на помощь смелой Программе приходят пятилетки. Седьмая. Она открыла новую страницу истории. В советском плане были записаны слова о том, что нам надо приступить к созданию материально-технической базы коммунизма. Создание этой базы, развитие коммунистических отношений и воспитание нового человека — три важнейшие задачи Программы партии.

Ленинградская учительница, которая обещала своим ученикам после войны черный хлеб без карточек, Анастасия Афанасьевна Калганова, была делегатом Двадцать второго съезда партии. В перерыве между заседаниями она обращалась то к одному, то к другому товарищу — просила написать несколько слов «моим мальчишкам и девчонкам из Ленинграда». Прервав свои беседы, писали в ученической тетради Юрий Гагарин и Герман Титов, летчик-герой Кожедуб, легендарный командир гражданской войны Семен Михайлович Буденный. «Что, озорники и здесь из головы не выходят?» — спрашивали бывалые люди.

Верно, они и здесь были с ней, ее ребята. Она скажет им: «На съезде, дети, говорилось о счастье. Очень я взволнована. Программу коммунизма утверждала».

Новым ученикам расскажет учительница и о своем послевоенном классе, как мерз он и голодал, но посадил знаменитый сад. Выросли мальчишки, разъехались по миру. Один из них даже на Кубу залетел — помогать социалистической стране. Сколько новых людей обучила учительница за эти годы!..

Пятилетки подготовили страну к решающему шагу. В седьмой за один только месяц в народное хозяйство вкладывалось столько же средств, сколько раньше за целый год пятилетки. Ежегодно страна получала электроэнергии от новых станций в два с лишним раза больше, чем было записано в плане ГОЭЛРО.

Наша страна решила строить коммунизм. И люди

учились его строить. Учились на новых стройках. Рожденные гиганты работали уже на близкое будущее — на коммунизм. В каждой стройке, в каждом изобретении можно было проследить связь времен, эстафету поколений.

...В одну из летних ночей первой пятилетки комсомольцы поселка Братский острог фантазировали, какой будет когда-нибудь их Ангара. «В тайге нам чудился ритмический грохот электровоза,— мечтали комсомольцы в своем письме, присланном в редакцию молодежной газеты,— на лесозаводах не стучат, надрываясь в одышке, паровые локомобили, а тихо шелестят, гоня бесконечную ленту приводного ремня, электромоторы. На месте хижин охотников у подножия гор выросли корпуса обогатительных заводов. Энергия Ангары превращает пустынный и дикий край в один из мощнейших форпостов советской социалистической индустрии...»

Кто знал тогда в стране глухой маленький Братский острог, кроме местных жителей и строгих статистиков?.. Но как сошлись мечты первых комсомольцев и тех, кто строил Братскую ГЭС!

В годы первой пятилетки средств нашей стране едва хватило на Днепрогэс. Составители плана ГОЭЛРО отнесли Ангару на следующие десятилетия. И вот что примечательно. В записке специалистов о том, что при данных условиях нет возможности строить электростанции в Восточной Сибири, появляется одно важное слово — «пока», написанное рукой Ленина. Эта поправка адресована к будущим строителям Братска.

Имя Братска прочитал весь мир в строках нового плана коммунистических строек.

Братск, будто яркая звезда, манил, притягивал к себе тысячи героев нового времени. Снова эшелоны, палатки, мечты о дне завтрашнем. Мечты на сотни лет вперед!

На таких стройках, как Братск, воплощался в жизнь призыв Программы партии: «Всё во имя человека, для блага человека!» Каждый понимал, что работает не только на себя — на будущее. Как говорил Ленин, надо быть людьми с замахом, с загадом — настоящими коммунистами.

ВЫСОТА

Рассказ о камне, крепком, как чугун, и о людях крепче камня

Диабаз — темно-серый, крепкий, как чугун, камень. По мерке геологов — девятой категории твердости. Это предпоследняя, к десятой принадлежит алмаз.

Был такой грозный диабазовый порог Падун. Вода здесь кипела и ревела, как в адском котле: огромный камень подковой перегородил Ангару и, будто спички, ломал плывшие по реке толстенные бревна. Здесь стоял старинный, потемневший от времени поселок, откуда три столетия назад русские совершали походы вверх по Ангаре до Байкала и в одном из них заложили Иркутский острог. У Падунского порога суда волокли по суше.

Все здесь из диабаза — дно реки, берега, скалы. Между крутыми горами Пурсей и Журавлиная грудь люди решили ставить высотную плотину.

Плотину строили сверху вниз. Кран-силач, который едва уместился бы на футбольном поле, брал с железнодорожных платформ длинноногие опоры и осторожно опускал их на дно — так возник километровый мост-эстакада. Силач построил мост. Потом кран разобрали и отвезли на другую стройку. А на эстакаду въехали новые силачи. Раскинув в стороны руки-стрелы, стальные гимнасты с легкостью пушинки подавали вниз тяжеленные бадьи с бетоном. Там, на самом дне, люди уже отвоевали у реки огромную каменную чашу — котлован. Плотина будет опираться на диабазовую плиту, плотине стоять века.

Не было еще ни на одной стройке таких кранов-великанов: поднимешься по стальной лестнице в кабину — дух захватывает от высоты. По одну сторону моста холодным белым кипятком бурлит Ангара, по другую — искры сварки, рев грузовиков, пулеметные очереди отбойных молотков. Котлован, открытая чаша, требует: бетон, бетон!.. Скользят на стальных канатах дымящиеся на морозе бадьи. Из теплого бетона рождаются крупные

На строительстве гидростанции гремели взрывы.

Так покорялись людям сибирские реки.

детали плотины. Фронт работ, как называют котлован, протянулся на целый километр. С высоты птичьего полета — с высоты кранов — фронт виден целиком. Даже большой экскаватор отсюда — как железный петух, клюющий камень...

В одном из подъемных кранов случилась авария. На самой вышине искрошился подшипник. Подшипник из кабины не достанешь: он внутри крана, над самой пропастью. Замер силач. Люди думают: как подобраться? Спросить не у кого. Еще никто не ремонтировал такой кран.

Василий Золотов обвязался веревкой, прицепил спасательный пояс за трос, повис под стальной рукой. Сначала резал сваркой сталь, потом вынул из кармана гаечный ключ — стал отвинчивать болты. Железо холодное — пальцы так и прилипают! А спине жарко, налилась тяжестью.

Мороз, ветер пронизывает насквозь. Посыпал снег — пошла кружить метелица в серебряной клетке крана. Далеко внизу светится стеклом Ангара, над которой висит смельчак.

— Терпишь, Золотов? — то и дело спрашивает из кабины механик.

— Терплю.

Отвинченные болты Золотов опускал за пазуху: тянуться до кармана тяжело. Потому и замерз. Он охотно отзывался на голос механика — так было легче. Наконец сунул под телогрейку ключ, дернул за веревку: вытягивайте! Три часа работал комсомолец Золотов на морозе. Бетон снова пошел вниз.

Он всегда мечтал о высоте — пензенский парнишка, выросший без отца, погибшего на фронте. До армии работал трактористом. Потом обслуживал самолеты, но в небо так и не поднялся. Тут стал крановщиком...

— Буду инженером,— говорит Василий.— Раньше думал: куда мне. А здесь видишь все по-другому.

Из кабины крана Золотов видел однажды, как утонул грозный Падун. Видел, как рождается голубое море.

Геологи, когда услышали, как Золотов ремонтировал кран, сказали: «Крепкий парень — алмаз».

НА ПАМЯТЬ!

Рассказ о том, как музею подарили скалу

Московский музей решил собрать новые экспонаты — орудия труда с великой стройки. Пусть не только потомки, но и современники видят, как рождалась Братская ГЭС. Пусть знают, что строили ее знаменитые монтажники, которые возвели не одну станцию, что солдаты и матросы, вернувшиеся из армии, возили в самосвалах каменные глыбы с азартными надписями: «Мы покорим тебя, Ангара!» — и кидали их в бешеную Ангару; что бывшие десятиклассники, которые никогда раньше не держали в руках лом, долбили крепчайший диабаз...

Пришла сотрудница музея к знаменитой бетонщице Мисягиной, спрашивает, поглядывая на ее ордена:

— Это что у вас за лопаточка?

— Мастерок.

— Давайте его сюда!.. Чем еще работаете? Вибратором? Подарите нам вибратор.

— Возьмите еще бетонную колонну,— шутливо замечает Мисягина.— Тоже наше изделие.

— Возьмем! — уверенно говорит музейный работник.

Но разве увезешь все самое замечательное со стройки! А глаза так и разбегаются: здесь что ни вещь — свидетельство рекордов замечательных людей. Бетонные кубы наращивают плотину, внутри нее помчатся к турбинам со скоростью поезда потоки воды.

Никита Михайлович Хотулев — Герой Социалистического Труда. Его бригада первой стала укладывать бетон вдвое быстрее; синими счастливыми глазами смотрит Никита Михайлович на своих хлопцев, а как увидит лодыря, гневается... Виктор Краснящих, боевой моряк, «фитиль к пороху», как зовут его товарищи, подзадорил свою бригаду: «Обгоним Хотуля! Он начал цементировать отверстия на два дня раньше, а мы его обгоним!» И обогнали, подарили стройке лишний рабочий день... Дмитрий Демидов, звеньевой из бригады Хотулева, до того — че-

ремховский шахтер, набрал себе в бригаду «зеленую» молодежь. День и ночь Демидов с бригадой, глаза красные от бессонницы, но он терпеливо объясняет, что делать с бетоном.

А плотина все выше и выше над рекой. Плечи упираются в скалы. На диабазе горы сверкает заметная издали надпись: «Здесь будет построена Братская ГЭС». Николай Сластенко, повиснув на веревке, писал эти слова ночью при свете прожектора. Смелый художник не раз выезжал на лодке к Падуну, рисовал для истории знаменитый порог.

Когда музейный работник увидела скалу со сверкающей надписью, она потребовала от главного инженера стройки: подарите скалу! «Вот он — главный экспонат, то самое, что нужно и современникам, и потомкам». Инженер собрал совещание. Всё подсчитали, отвечают представителю музея: «Мы не протестуем — берите кусок скалы. Но этот сувенир, по нашим расчетам, будет весить двадцать тонн. Как вы его повезете?..» Пришлось энергичному историку отказаться от скалы...

Братская ГЭС — великий памятник свободному труду. Здесь каждый проверялся на прочность. Здесь все учились управлять сложными машинами — были инженерами труда. Здесь говорили: «Испытываем, как и Гагарин, перегрузки и отвечаем его словами: «самочувствие хорошее»... А если — бывало и так — человек заработается до угрюмости, потеряет улыбку, ему советовали: «А ну, засмейся!» И жизнь снова сияла для него всеми своими красками.

Окончилась стройка, и уехали герои Братска в разные концы — на Север, на новую ангарскую станцию Усть-Илим, на Енисей — гигантскую Красноярскую ГЭС, в зарубежные страны — строить новые плотины. А в огромном полукилометровом зале, где гудят турбины, остались восемь человек. Смена дежурных энергетиков давала стране самую дешевую электроэнергию. Братская ГЭС производила столько же электричества, сколько вырабатывают электростанции нескольких европейских государств.

Верхолазы.

ВЕЛИКАНЫ И ПОЛТОРА ИВАНА

Рассказ о канатоходцах, прошедших горы, бурелом, болота, реки

Сто лет назад цирковой артист Эмиль Гравеле, по афише Блонден, прошел по канату над великим Ниагарским водопадом.

Историки цирка говорят, что Блонден был последним легендарным канатоходцем.

Водопады Братской плотины в два раза выше Ниагары, но никто тут, конечно, не ходит ради зрителей по проволоке, не циркачит.

А канатоходцев в Братске хоть отбавляй.

Шагают по тайге серебряные мачты, натянуты на них провода, а на проводах, словно стая птиц,— люди. Верхолазы-монтажники занимаются обычным делом: скрепляют провода, по которым пойдет энергия. Один стоит на проводе, другой сидит, будто в кресле, третий чуть покачивается...

Но куда замечательней они ходят! Вот парнишка взялся за два верхних провода и почти побежал легкими, упругими скачками.

А рядом с ним, на параллельной линии, провод так и прогибается под большим человеком. Его раскачивает с каждым шагом, но он упорно идет, нагнув голову.

— Трудно Ивану Самсонову,— говорит бригадир Зернов, сдвигая на затылок накомарник, очень похожий на каску.—Два метра ростом, вот и качает... Любят его ребята за смелость, за силу. Полтора Ивана зовут. Настоящий лэповец...

Это известное всем по песням слово — «лэповец» — вышло в мир из сибирской тайги: лэповцы строили линию электропередач — ЛЭП, ставили те самые великанские мачты, на которые натягивали потом провода.

Сибирская тайга для лэповцев — не просто дремучий лес, тайга — это горы, бурелом, болота, мошка, бунтующие весной дурные реки.

Энергия Братской ГЭС идет в города страны.

Лэповцы валили столетние лиственницы, рубили просеки, копали котлованы, чтоб поставить мачты. Вяз в болоте трактор, и лэповцы несли на себе тяжеленный моток проволоки.

Вот где пригодилась сила Полтора Ивана: как никто, он умел раскручивать провод руками.

Много опор встало в тайге, и вот на пути бригады — гора Старуха. Крутая, каменистая, ощетинилась лесом — ни на каком тракторе не въедешь.

Набили здесь ребята «большие мозоли».

Старуха — чистейший диабаз, а взрывать нельзя: раскрошится камень, фундамент для опоры не получится. Жгли костры на камне, лили на него воду, чтобы трескался, чтоб можно было ударить трещину ломом.

Герои мерзнут и мучаются от жажды, радуются и горюют, как все обыкновенные люди. Но они герои, потому что побеждают трудности.

За пятьдесят бывали здесь морозы, а лэповцы умывались снегом и работали топорами.

Они гасили лесные пожары.

В половодье ждали, когда им сбросят с вертолета продукты.

Они несли великий свет через глушь и топи, а сами при неярком свете ночника готовились к экзаменам в институт.

Они построили ЛЭП — почти три тысячи километров сверкающих струн, стальные линии гораздо длиннее, чем сама река Ангара.

Лэповцы прокладывали дорогу другим, дали электрическую силу заводам, леспромхозам, совхозам.

От Братска серебристые мачты шагают через тайгу, сопки, реки, железные дороги к далеким и близким городам: Железногорску, Усть-Илиму, Ангарску, Тайшету, Иркутску.

Это большая энергетическая система Сибири.

ЧЕМ ЗНАМЕНИТ БРАТСК

Рассказ о чемпионе мира и его учениках

Вокруг Братска богатая тайга. И первая в тайге красавица — знаменитая ангарская сосна.

В городе Братске — высотные многоэтажные корпуса лесопромышленного комплекса, неподалеку — химические заводы. Из заводских ворот ангарская сосна начинает путешествие по всему миру. Бумага для книг, дома, мебель, искусственный шелк, картон — таковы превращения столетней таежной красавицы.

Братск знаменит и своим алюминиевым заводом, а алюминий, как известно, производят там, где много электроэнергии. Братск как раз и есть такое место. Он рождает «крылатый металл», нужный нам в жизни повсюду — от простой пуговицы до ракеты.

И еще одну силу породила Ангара — стальную. Недалеко от Братска — поросшие тайгой горы железа. Одну из них в народе издавна прозвали Коршунихой. Жил когда-то на горе кузнец Шестачко Коршунов, ковал он скобы и мотыги, посылал образцы воеводе в Иркутск, и тот просил у царя двести рублей и несколько мастеров, чтобы открыть здесь заводик. Ответа не последовало.

А через три столетия гору рядом с Коршунихой геологи назвали Татьянинским месторождением — в честь девочки Татьяны Кравчук, первожительницы Железногорска. Вот такие щедрые подарки преподносят геологи в день рождения! Жила уже Татьянка в новом доме на склоне горы, училась в новой школе, рисовала улицы своего города с великаншами соснами, синее Братское море, белые пароходы, высокую-превысокую плотину.

И на каждом рисунке в правом углу сияло оранжевое солнце.

Яркие огни Братска, как солнце на Татьянином рисунке, освещали тайгу. Энергетическое сердце Ангары пробудило к жизни промышленный комплекс. Первая и вторая пятилетки построили Урало-Кузбасс. Седьмой народный

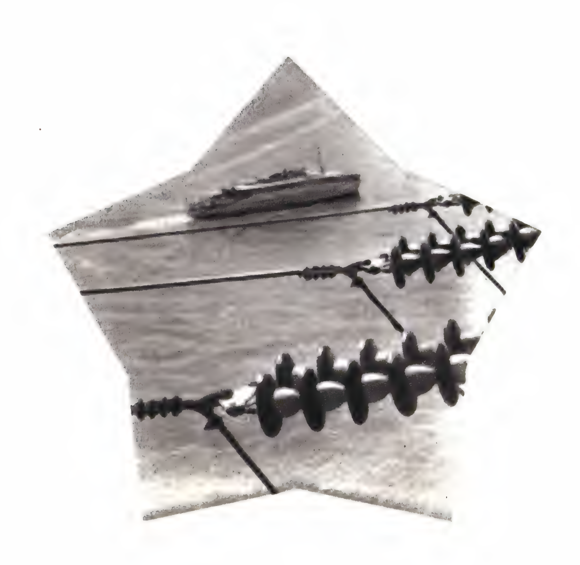
план дал стране более масштабные стройки — с сибирским размахом.

«Мы пишем историю железом и бетоном», — говорил академик Г. О. Графтио, строивший Волховстрой — гигант энергетики в двадцатые годы.

Братскую ГЭС возводили уже дети первостроителей. Ее турбины работали, как восемьдесят волховских станций. Братску помогали строить свыше ста заводов страны: Ленинград дал турбины, Запорожье — трансформаторы, Кузнецк и Челябинск — уникальный мост эстакады. Братск дал стране первую электрическую энергию в 1961 году, когда Двадцать второй съезд партии провозгласил Программу строительства коммунизма. А через несколько лет станция оправдала затраты, работала на будущее.

Братская ГЭС стала самой мощной в мире. Чтоб еще богаче была советская Сибирь. Чтобы дать силу новым мировым чемпионам — таким, как строившаяся Красноярская ГЭС. Чтобы в будущие пятилетки, когда соединятся линии ЛЭП Европы и Азии, влить свои электрические реки в океан Единой энергетической системы страны.

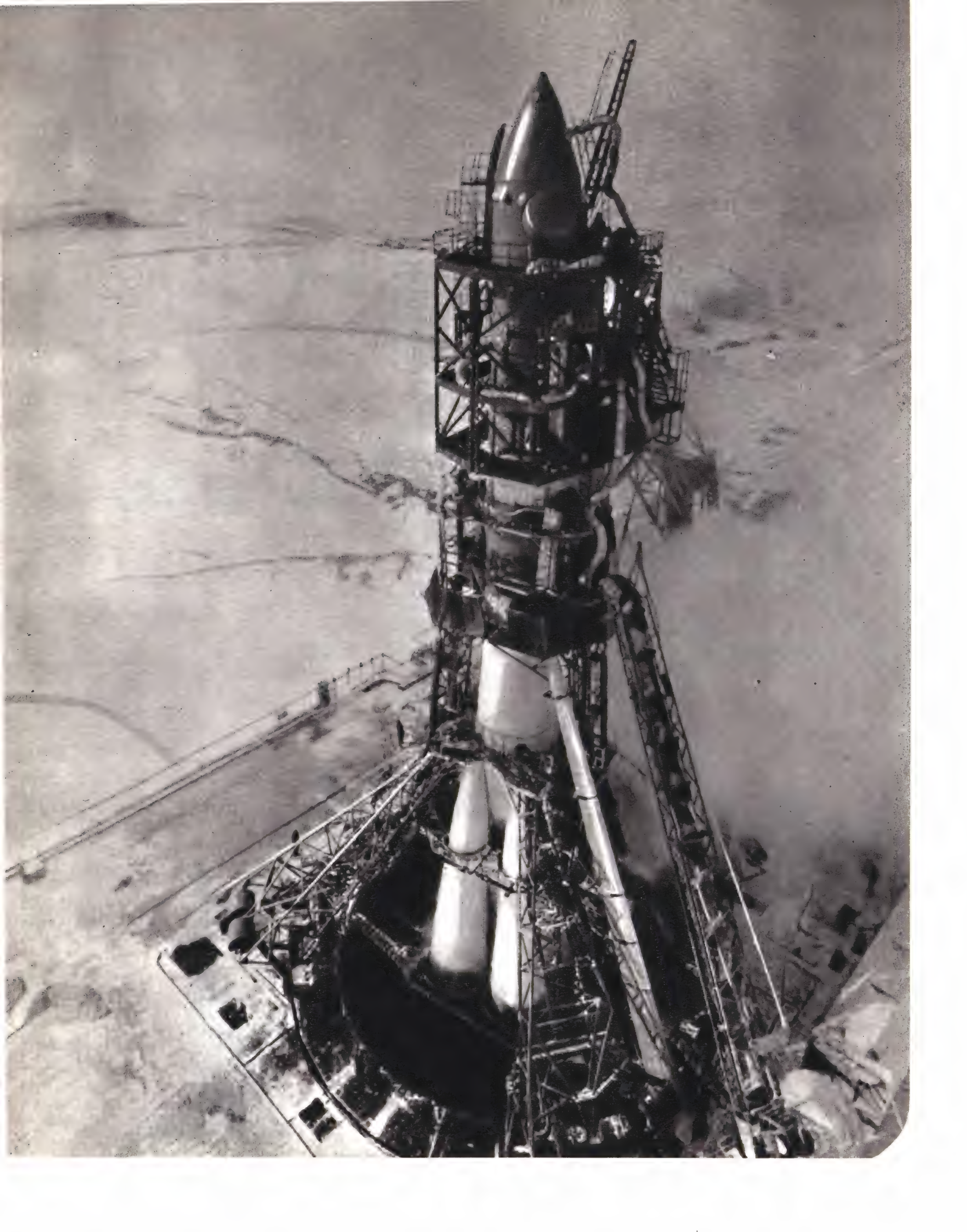
Прошло всего полвека, и стократно перекрыт казавшийся когда-то очень дерзким план ГОЭЛРО.

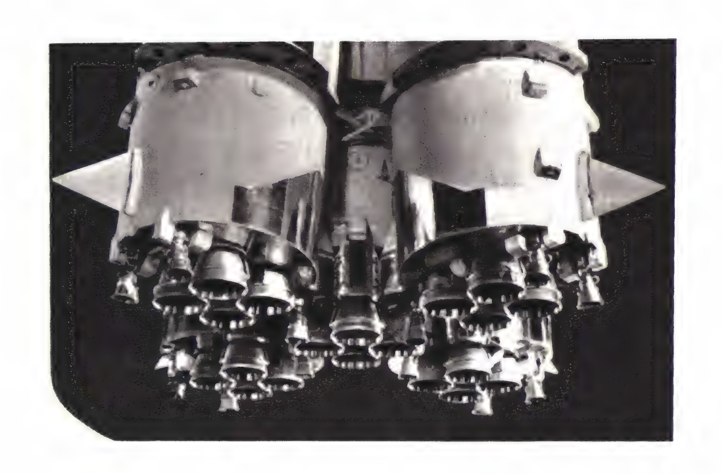

„ПОЕХАЛИ!"

РАССКАЗ О ГЛАВНОМ КОНСТРУКТОРЕ, О 12 АПРЕЛЯ 1961 ГОДА, О ПЕРВОМ ВЫХОДЕ В КОСМОС, О КОСМИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЯХ ЗЕМЛЯН, О САМОМ БОЛЬШОМ НА ПЛАНЕТЕ ЗАВОДЕ

КАК КОРАБЛЬ СТАЛ КОСМИЧЕСКИМ

Рассказ о Главном Конструкторе

В 1934 году в город Ленинград пришло «космическое» письмо. Много дней добиралось оно из далекой республики Коми и поспело на первую Всесоюзную конференцию по изучению стратосферы. Рабочий совхоза товарищ Голуб писал: «Пролетариат, изучая небо, создает «рай» на земле, подчиняя силы природы интересам человечества... Изучение неба есть и было делом не только ученых, но и каждого пастуха, кочевника, рабочего». Автор письма предлагал создать общество по завоеванию стратосферы и вносил свой денежный вклад.

Очень понравился инженеру Королеву призыв рабочего «изучать небо». Королев с товарищами только что запустил первую в стране ракету. А на конференции инженер сделал доклад о ракетных полетах. Он говорил о сердце будущей машины — ракетных двигателях, говорил о герметически закрытой кабине, которая сможет вместить экипаж до трех человек. Магнитка и Кузнецк давали уже свой первый металл, и Королев обращался к металлургам страны: для ракет нужны сплавы высокой огнестойкости.

Ученые, инженеры, астрономы увлеченно слушали уверенную, точную речь молодого докладчика.

Теперь каждый космический полет приносит космонавтам и ученым тысячи писем и телеграмм от советских и зарубежных болельщиков-землян. Но настоящая «космическая почта» появилась только через три с половиной десятилетия после первого письма рабочего Голуба: космонавт Елисеев, ученик академика Королева, передал с корабля на корабль почту планеты Земля. Командир «Союза-4» подполковник Шаталов читал свежие газеты, письма от родных и друзей.

Как и предвидел рабочий, изучение неба продолжалось, только гораздо выше — не стратосферы, а космического пространства. Как и докладывал инженер Королев, кораблями управлял экипаж. Правда, в тридцатые годы Королев еще не назвал корабль кораблем, он говорил: кабина.

Первая в СССР ракета, взлетевшая на жидком топливе, стоит в павильоне «Космос» на ВДНХ. Ростом она с первоклассника, малютка по сравнению с гагаринской. Но она — первенец наших ракет. «Девятка» — ласково зовут ее конструкторы, по порядковому номеру.

Делали «девятку» не на заводе, а в подвале одного из московских домов. Крепкий кирпичный дом сотрясался от взрывов, летел из подвальных окон густой дым, свистели внутри какие-то адские сирены. Перепуганные жильцы жаловались: опять разбились фарфоровые вазочки. Их встречал кареглазый веселый инженер, успокаивал, объяснял смысл опытов, покупал новые вазочки.

Группу по изучению реактивного движения — ГИРД — возглавлял Сергей Королев.

Вот она — стратосфера, близкая и далекая, вот она радость — новая сила полета.

Скептики посмеивались над Циолковским: учитель из темной захолустной Калуги, чудаковатый старик, а призывает лететь к звездам... Гирдовцы видели: путь к звездам, к бесконечным открытиям человечества — ракетный.

Константин Эдуардович Циолковский

Циолковский рисовал на листах бумаги многоступенчатые ракетные поезда, гирдовцы строили первое ракетное сердце.

Как хорошо говорил калужский учитель:

«Мне хочется, чтоб эта жизнь ваша была светлой мечтой будущего никогда не кончавшегося счастья... Я хочу привести вас в восторг от созерцания Вселенной, от ожидающей всех судьбы, от чудесной истории прошедшего и будущего каждого атома. Это увеличит ваше здоровье, удлинит жизнь и даст силу терпеть превратности судьбы...»

И вот «девятка» взлетела. Вверх, в самый зенит.

Жарким августовским днем тридцать третьего года на подмосковном полигоне Сергей Королев поджег бикфордов шнур. С грозным, как показалось конструкторам, ревом и ярким пламенем маленькая ракета медленно вышла из станка, потом, быстро набирая скорость, поднялась над лесом, врезалась в голубое небо. Люди кричали от радости, а фотограф, взобравшийся на дерево, так растерялся, что прозевал исторический старт и заснял темнеющий вдалеке лес. В тысячи раз усилятся, спустя годы, ракетные громы и пламя, но не забыть конструкторам первого взлета.

«Взлетит и повыше»,— сказал тогда Королев.

После полета конструктор «девятки» Михаил Тихонравов поехал в Калугу, встретился там с Константином Эдуардовичем Циолковским. К новому дому на крутой улице подвели его женщины, бывшие ученицы Циолковского. В рабочем кабинете Циолковского — большой стол, заваленный бумагами. Сам ученый — как на острове — среди рукописей и открытых книг. Он беседует с молодым конструктором просто, спокойно, а когда слушает, прикладывает к уху слуховую трубу, похожую на огромную воронку. Такие трубы стояли возле каждого стула.

— Циолковский сказал,— вспоминает профессор Михаил Клавдиевич Тихонравов,— что самым важным из всех своих предложений он считает межпланетную ракету. Увидев фотографии испытанных ракет, ничуть не удивился, только спросил: «Так быстро?»

Познакомился Циолковский и с книгой о ракетных полетах инженера Королева, назвал ее книгой разумной, содержательной и полезной.

А кирпичный дом, где постоянно бились фарфоровые вазочки, вскоре успокоился: шумные гирдовцы переехали в новое здание — Реактивный институт.

Покидая мрачный подвал, Сергей Павлович Королев говорил:

— Обязательно доживем и увидим, как люди, а может быть и мы, будут летать в космос. Будут, будут замечательные дни!

Академик Сергей Павлович Королев никогда не был в космосе. Но он знал необычные условия космического пространства так же хорошо, как знаем мы свой земной дом.

Объяснял подробно, неторопливо, очень понятно — десятки лет обдумывал он свои идеи, с тех незабываемых минут, как открыл труды Циолковского, как впервые в юности поднялся в небо на планере собственной конструкции, как запустил первую в своей жизни ракету.

Во-первых, какой полет считается космическим?

Королев отвечает: космическое пространство, окружающее Землю, бесконечно, и на высотах, где остатки атмосферы не мешают свободному движению аппарата, полет уже космический. Аппарат должен взлетать с первой космической скоростью, чтоб преодолеть земное притяжение. Само путешествие — не менее одного витка, кругосветка. Таковы четкие правила космического полета.

Во-вторых, сам летательный аппарат. Какой он?

Корабль еще не назван кораблем, но он рождается не в низком подвале, как первая ракета, а в огромных заводских цехах Конструкторского Бюро. На него работает большая промышленность сильной Советской державы — металлурги, нефтяники, химики, энергетики, приборостроители. Космическая ракета — это революция в технике, сплав всего лучшего, что создала современная индустрия, высотный, победный пик науки.

Академик, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии должен каждый день отвечать на десятки сложнейших вопросов. Рядом с Королевым друзья молодости — конструкторы первых ракет и самолетов, ныне известные ученые. Вместе с ними работают сотни молодых конструкторов, инженеров, техников — «горячие головы», готовые обсуждать любую идею сутки, недели, месяцы — сколько потребуется, чтобы на пустом до того месте родилось новое. Ведь нет никаких примеров, никаких образцов во всей мировой технике! Знаменитое колесо — и то легче было изобрести, чем этот... как его величать... звездолет, космолет, ракетолет...

— Корабль — назовем его так,— говорит товарищам Сергей Павлович Королев.— Космический корабль.

И поясняет: космический корабль выйдет в открытый космос, как морской корабль — в просторы океана. Здесь только все гораздо сложнее, чем в океане. Главное — человеческая жизнь должна быть в безопасности. Потому ни малейшей ошибки...

Спорят инженеры дни и ночи. Предложений — тысячи, но в спорах выживают лишь самые смелые, самые

стойкие идеи. Их «проверяет на прочность» Главный Конструктор. Спрашивает спокойно, но в самый неожиданный момент: «Почему вы думаете так, а не иначе?» И радуется вместе со всеми, увидев еще одну деталь будущего корабля: «Вот они — дни замечательные, пришли, наступили!»

Товарищам — и своим сверстникам, и молодым — он кажется необыкновенно сильным. Заботится об их здоровье, запретил работать до поздней ночи, но сам просит обязательно будить его, если что-то случится в ночную смену.

Фигура широкоплечая, крепкая, взгляд быстрый, решительный. Лицо чуть усталое, как у человека, который торопит время.

Командарм космоса!

Наконец, кто полетит в космическом корабле?

И снова — спокойно, деловито, чуть глуховатым голосом:

— Человек в первых полетах в космос окажется в одиночестве,— объясняет С. П. Королев.— Значит, он должен быть в какой-то мере универсалом — и летчиком, и штурманом, и связистом, и инженером. Кто ко всему этому лучше подготовлен? Двух мнений не может быть — летчик современной реактивной авиации.

Вот они — в летных куртках с лейтенантскими погонами: Юрий Гагарин, Герман Титов, Валерий Быковский, Алексей Леонов, Павел Попович. Инженер-капитан Владимир Комаров.

Первая встреча учеников с учителем.

— Ну, что, орёлики,— ласково обращается Сергей Павлович,— знаете, на чем будете летать? Нет, не на самолетах, а на совершенно новых аппаратах.

Они вместе примеряют космический скафандр. В тугой, неуклюжий на вид костюм влезает сначала шумный Попович, за ним — чуть стеснительный Гагарин, и все радостно смеются: уже похожи на космонавтов... Потом летчики

Ученик и учитель: Ю. А. Гагарин и С. П. Королев.

разглядывают необычное кресло, и Сергей Павлович объясняет командирам, как работать в этом космическом кресле... Идут под пролетами цеха, туда, где рядом со спутниками громоздится огромный корабль. Королев подробно рассказывает об устройстве корабля, говорит, что «Восток» сделает один виток вокруг Земли.

Он оборачивается к старшему лейтенанту, который понравился ему с первого взгляда, трогает рукой круглый корабль:

— Шарик.

Гагарин улыбается в ответ.

Старший лейтенант пока не знает, что полетит в этом шаре, но ему очень нравится простое, житейское название корабля.

ГАГАРИН

Рассказ о 12 апреля 1961 года

Многих удивляло, как тщательно готовил Сергей Павлович в полет первого космонавта. Ну, корабль — это понятно: там тройная проверка, тройное дублирование всех технических систем. А космонавт?.. Тренировки блестяще прошел, программу назубок знает, медики и те спокойны. Но Сергей Павлович, хоть и горячие дела на космодроме, все не дает покоя помощникам.

«Представьте: вот космонавт доложил Государственной комиссии, вот он простился, подходит к ракете, видит стартовую команду... что дальше?» — «Дальше? — помощники задумывались.— Дальше он садится в корабль...» — «Да поймите же,— гремел Королев,— это обыкновенный пассажир садится в купе поезда! А мы отправляем космонавта. Первого! Его надо представить стартовой команде...»

Так рождался торжественный, как присяга в армии, церемониал проводов и встреч космонавта.

Позже он станет традицией, светлым праздником, известным всему миру.

В ночь на двенадцатое апреля никто на космодроме не спал. Крепко спали двое — Юрий Гагарин и его дублер Герман Титов. Спали после экзамена, который устроил им лично Королев, спали, уверенные в завтрашнем дне. В эти минуты делового разговора подметил Гагарин, какими счастливыми отцовскими глазами глядит на него учитель, будто видит в нем себя, молодого, крылатого.

«Сроднился, прирос душой»,— признался в ту ночь Главный.

После прощания, после всех торжественных церемоний Королев у пульта говорит в микрофон:

— Как чувствуете себя, Юрий Алексеевич?

— Чувствую себя превосходно...

— Понял вас. Дела у нас идут нормально, машина готовится нормально. Все хорошо.

Гагаринский «шарик» — корабль «Восток» — на месте приземления.

Эта машина, о которой говорит Королев, гигантская ракета, махина-ракетища, через несколько минут окутается огнем и дымом, выйдет из него стальным клинком, унося первого в истории космонавта, и Королев успеет сказать: «Подъем!» — а в ответ услышит радостное, естественное, удивившее всю землю: «Поехали!»

«ПОЕХАЛИ!» — так мог крикнуть только человек счастливый, человек, не готовивший себя заранее в герои. Первый рабочий космоса — Юрий Гагарин.

Он вел репортаж из кабины корабля: «Вибрация... перегрузки... машина идет хорошо... самочувствие отличное». Он первым из людей увидел со своей высоты шар Земли и не удержался: «Красота-то какая!»

«Восток» — гагаринский «шарик» — совершал первую космическую кругосветку. А над планетой летели по ра-

диоволнам новые слова: «Корабль», «Космонавт», «Гагарин».

В космосе был советский человек.

Эти сто восемь минут полета космодром переживал больше других. Радость была неописуемой: все обнимались, целовались, вели себя, как дети,— ученые, рабочие, инженеры, которые только что провожали Гагарина. Но нет-нет и проскользнет озабоченность в голосе: «А как он там?» Хорошо, что Гагарин успокаивал по радио: «Самочувствие отличное...» Каждая новая весть мигом — по беспроволочному телеграфу — разносилась по космодрому: «Юра говорит!..»

Был и тревожный момент: связь прекратилась. Всего несколько секунд молчал Юрий. Но они показались людям вечностью.

Потом все вздохнули: полет продолжался...

Подготовка к посадке началась, когда «Восток» находился над Южной Атлантикой. Наблюдать его с территории СССР не могли. Но вот пришли сообщения: сработала одна система... другая... Неужели все, неужели полет состоялся?..

Юрий Алексеевич на земле!

Рабочие, слесари, электрики, монтажники, собиравшие ракету своими руками, радостно крикнули: «Ура!»

Он приземлился на высоком берегу Волги. Далеко видно вокруг: голубой разлив реки, по-весеннему чуть зеленые дали. Снял гермошлем, вдохнул прохладный, пахнущий полынью воздух. Хорошо на земле! Вылезла трава, желтеет какая-то цветочная мелкота...

Шла по дороге женщина. Увидела фигуру в странном, непривычном костюме, испугалась, прибавила шагу. Потом оглянулась из любопытства — что за марсианин? Увидела, что «марсианин» улыбается. Остановилась: человек, свой, космонавт!..

Когда прилетела группа поиска, Гагарин был уже в районном центре — подъехал туда на попутном грузовике,

а у корабля ходил какой-то посторонний. Еще из вертолета инженеры-поисковики увидели, что шарик цел и невредим, но все равно бегут к кораблю со всех ног. Посторонний представился механиком местного совхоза и сказал, что от корабля у него осталось хорошее впечатление.

А вокруг корабля уже люди из соседних сел. Кто пешком пришел, кто на грузовике прикатил, кто на велосипеде по бездорожью добрался. Дивятся на шар: горел при посадке, но не сгорел, вернул космонавта. Хоть бы кусок отщипнуть на память, да разве можно от такой космической ценности...

Шарик оставил на весенней почве небольшую лунку. В лунку инженеры вбили лом — чтоб засечь точку приземления. А на ломе вырубили: «12.IV.61».

На этом месте стоит ныне обелиск — такой же, как в Москве на проспекте Мира.

В торжественный день, когда столица встречала первого космонавта, на одном из аэродромов приземлился самолет. Из самолета в крытый грузовик перенесли груз — темно-коричневый, грязноватый, будто ржавевший миллионы лет, шар. Грузовик повез первый корабль.

Москва веселилась, радовалась, праздновала. На улицах — иллюминация, концертные эстрады, толпы людей. Поет город, танцует, слушает музыку. Хоть и пробирается грузовик по переулкам, едет осторожно, но и тут он мешает веселью: «Куда прешь, неуклюжий!»

Если бы знали недовольные, что везет неуклюжий грузовик! На руках бы отнесли обгоревший шар...

Мы смотрим на него сегодня осторожно, затаив дыхание: тот самый — первый корабль! Гигантский шарик...

Когда-то пели: «Заводы, вставайте! Шеренги смыкайте! На битву шагайте, шагайте, шагайте!..» и «Прокати нас, Петруша, на тракторе...». Теперь пели: «На пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы».

КОСМИЧЕСКИЕ ПЕШЕХОДЫ

Рассказ о первом выходе в космос

Над Африкой космонавт Леонов открыл люк шлюза. Ослепил свет, яркий, как электросварка. Космонавт чувствует: скафандр его надулся в пустоте, как тугая шина автомобиля. Что дальше? Плыть возле корабля? А если прилипнешь к шлюзу?

Развел руками, помахал. Оттолкнулся от шлюза и... поплыл. Поплыл рядом с кораблем на особом космическом канате — лаге. С одного боку жарит солнце — больше сотни градусов, с другого — мороз больше сотни. Внизу — как наливная виноградина — Черное море. Хорошо!

В открытом космосе Алексей Леонов.

Пока плавал, любовался Землей, снимал кинокамерой, корабль пролетел до Сахалина. Хотелось, очень хотелось поплавать дольше, но корабль летит в тень Земли, и уже слышен в наушниках голос Королева: «Кончать выход!»

Небесный пешеход помнит наставление учителя: «Рекордов мне не надо». Герману Титову Сергей Павлович сказал как бы между прочим: «Если космонавт чувствует перед полетом в космос, что идет на подвиг, значит, он не готов к полету». Все космонавты знают эти слова. Как заботится их учитель о своих учениках!.. И ученики помнят: космонавтика — прежде всего дисциплина.

Космонавт Леонов сунул в шлюз кинокамеру, а она выплыла обратно. Пришлось повозиться, пока сам вместе с камерой не втиснулся в кабину. Доложил вместе с командиром корабля «Восход» Павлом Беляевым, как прошел выход в космос.

— Видел, и капиталисты даже видели. — И Королев весело засмеялся. Выход в космос первого небесного пешехода транслировали телекамеры.

Приземление Алексея Леонова и Павла Беляева, пожалуй, один из самых напряженных моментов в жизни академика Королева и командира отряда космонавтов Гагарина. Автоматика «Восхода» не послушалась команд с Земли, и было решено сажать корабль вручную. Времени — несколько минут. За минуты надо рассчитать место посадки. Ученые склонились над листом бумаги...

Корабль появляется в зоне слышимости космодрома. Королев и Гагарин принимают доклад Павла Беляева. В конце доклада командир «Восхода» предлагает применить ручное управление.

— Через минуту мы вам сообщим, — спокойно говорит Юрий Гагарин и выключает связь.

Академик Королев обращается к ученым: «Ваше мнение?..» Берет после опроса листок с цифрами, протягивает командиру отряда:

— Передайте, Юрий Алексеевич!

Гагарин включает микрофон:

— Ребята, все будет хорошо, все нормально. Примените ручную посадку корабля,— и диктует данные.

«Восход» опустился возле города Перми. Сел в глухом уральском лесу.

Район посадки был известен: радиомаяк корабля давал сигналы. Самолеты и вертолеты летали над тайгой, но не находили. Наконец один из вертолетов заметил корабль. Уже темнело. С вертолета сбросили теплые вещи...

Утром три человека — врач, кинооператор и инженер группы поиска — спрыгнули с вертолетной лестницы в снежные сугробы, встали на лыжи. Это была ближайшая поляна от корабля — крохотный пятачок, заросший березняком. Всего два километра до космонавтов, а шли лыжники два часа. Снег сухой, мягкий — споткнешься, упадешь, сразу не встанешь: надо ползти к ближайшему дереву и только тогда поднимешься. По пути группу поиска обогнали местные охотники. Им хорошо: лыжи широкие, да еще и управляемые — на веревочках, через любую ветку легко на таких переступить. Группа поиска шла к космонавтам по компасу, по голосу радио; вертолеты, пролетавшие над вершинами заснеженных елей, тоже указывали направление. И вскоре спасатели обнялись и расцеловались с космонавтами.

Сразу же развели большой костер, нагрели воду, устроили таежную баню. Потом поужинали: хозяева корабля — колбасой с хлебом, гости — из космических туб. Три спальных мешка распределили так: два — космонавтам, один — врачу. Легли спать у костра, через каждые полчаса переворачивались...

Утром лесорубы рубили лес, чтобы вывезти корабль. А Беляев и Леонов встали на лыжи и ушли к ближайшей поляне, где ждал их вертолет.

Вот какие сюрпризы бывают в жизни космонавтов: из африканской пустыни — в уральский снег, из невесомости — на лыжи.

КОСМОСТРОИТЕЛИ

Рассказ о том, как земные профессии становятся космическими

Инженер Елисеев позвонил секретарю академика Королева и записался на прием.

Инженер знал, что среди «бучи кипучей» Главный принимает полчаса в неделю по личным просьбам. К Королеву приходили со всеми «болячками»: пенсионер не сумел достать справку для пенсии; студент хотел после института строить ракету; у кого-то было тяжело с квартирой. Все уходили от Королева в хорошем настроении.

У инженера Елисеева был не «бытовой», а более сложный, производственный вопрос. Много лет инженер занимался системами автоматического управления летательных аппаратов и считал, что его специальность может быть использована в полете.

В назначенный час Елисеев вошел в кабинет Королева.

— Садитесь.

Сел.

— Что у вас?

Он сказал, что он инженер по автоматике, что окончил Московское высшее техническое училище имени Баумана, что хочет быть космонавтом.

Королев посмотрел внимательно. Откинулся в кресле. И после паузы стал спокойно и обстоятельно рассказывать, как он представляет себе дальнейшие полеты, будущие космические экипажи. Инженер был удивлен. Да, он все понимает — нужны инженеры, работники промышленности; сейчас решается, как готовить в космос этих работников... А как же с ним?

— Позвоните мне через четыре месяца,— сказал Сергей Павлович.— Я буду иметь вас в виду.

Ровно через четыре месяца, день в день, Елисеев позвонил.

— Я помню вас,— ответил Главный,— только вчера подписал ваше заявление. Вам позвонят.

На другой день инженера Елисеева вызвали на медицинскую комиссию.

...Память людей сохранила одно давнее воскресенье. Тихий осенний день. В кабинете С. П. Королева — непривычное спокойствие: не дергают телефонные звонки, не носят каждую минуту деловые бумаги, не шумит завод. Очень воскресное воскресенье.

Десять человек, собравшиеся по приглашению Главного, ведут спокойный разговор. Обсуждается вопрос стыковки космических кораблей. Один молодой конструктор после этого разговора не мог прийти в себя. Он думал, что находится на совещании по фантастике: «Какое сближение кораблей, какая стыковка в космосе, когда...»

А через несколько лет он услышал слова Алексея Елисеева: «И тут вдруг из пустоты появляется точка... все растет... и в этом огромном пространстве корабли встречаются...» И опытный конструктор лишний раз подивился: как умел Сергей Павлович планировать будущее...

Космонавт Алексей Елисеев, вернувшийся после стыковки двух кораблей «Союз», рассказывал так:

— Когда на тебя сотый раз в день надевают надоевшие датчики, но ты знаешь, что полетишь, то смотришь на все праздничными глазами, как будто у тебя день рождения.

...И вот мы в космосе!.. — продолжал Елисеев. — Мы знали точное время, когда произойдет сближение кораблей «Союз-4» и «Союз-5», но все-таки, когда Хрунов закричал, что видит корабль Шаталова, бросились к иллюминатору. На фоне облаков заметен маленький крестик. Это корабль. Шаталов говорит по радио: «Я вас тоже вижу. Как очень яркую звезду на фоне черного неба!..»

Мы включили системы сближения...

Встречный корабль медленно, но уверенно увеличивался в размерах. Потом на экране появился стыковочный узел корабля Шаталова. А через несколько секунд нас кач-

Идет стыковка космических кораблей «Союз».

нуло — примерно как в трамвае, когда тот трогается с места. Стыковка произошла!..

Мы вышли в открытый космос, перешли в корабль к Шаталову, обнялись с командиром. Принесли ему письма от жены, от товарищей, от работников космодрома. Эти минуты запомнились мне на всю жизнь. Ведь до Шаталова никто не испытал, что значит письмо из дома в самом космосе!..

...Космонавт Алексей Станиславович Елисеев был трижды над Землей. Он думает, что в дальнейшем там будут работать специалисты разных космических профессий. Космонавт — инженер корабля. Космонавт — метеоролог. Космонавт — врач. Космонавт — геолог. Специалист по космической сварке... Словом, мастера своего дела.

Важнейшие земные профессии станут космическими.

КОСМОДРОМ

Рассказ о самом большом заводе и о том, какую пользу принесет космос людям

Пожалуй, космодром можно назвать самым большим заводом — космической площадкой всей нашей планеты.

Во-первых, размеры завода. Огромное пространство ровной степи, корпуса цехов, дома, разнообразная техника, много людей — это и есть космодром. Зимой здесь морозно, холодно, летом так жарко, так безоблачно, что хочется глотка холодной воды, речной прохлады...

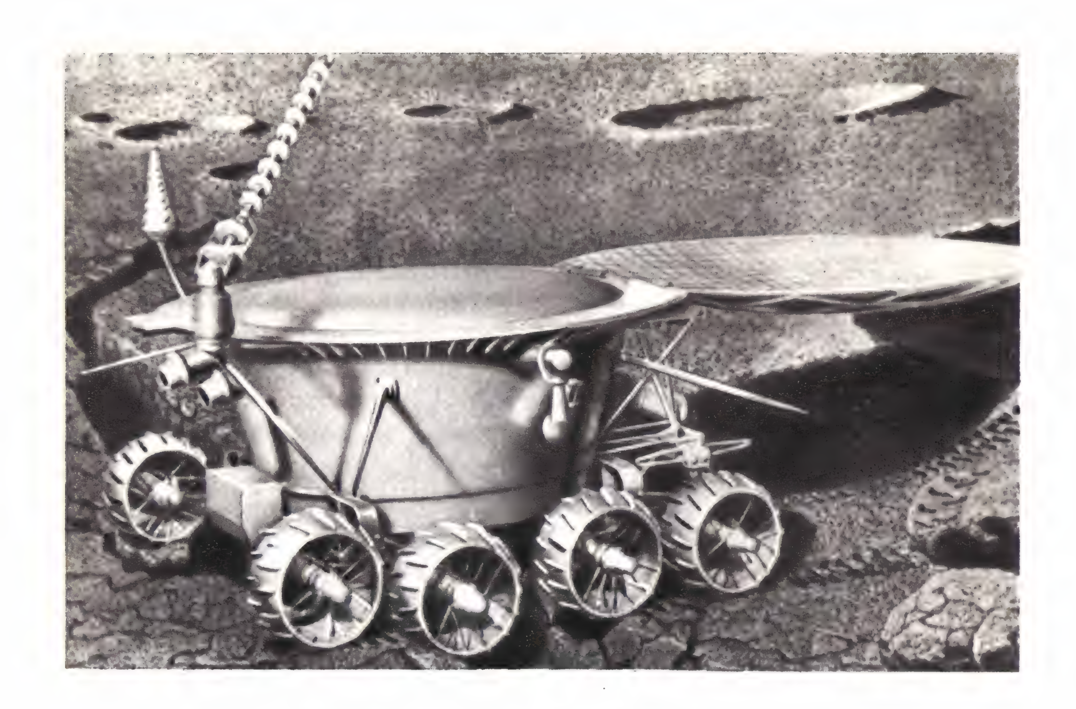
Посреди космодрома — массивная бетонная платформа. Называется «стартовый стол». Туда везут ракету, ставят ее вертикально. Стальная щепоть мачт держит ракету, пока она готовится к полету. Потом мачты расходятся, распускаются железным цветком. Ракета взлетает.

Отсюда улетают космонавты и космические аппараты. Вокруг Земли, на Луну, к Марсу и Венере. Высота — еще одно измерение космодрома. Высота его бесконечная.

Второе, что важно знать для знакомства с космодромом: какие машины запускает этот космический завод?

Спутники, корабли, станции — привычные уже всем слова. А ведь от полета первого космонавта до космической станции «Салют» всего десять лет. Теперь можно назвать «Восток», знаменитый гагаринский шарик, космической памятной палаткой на краю звездной Вселенной, а станцию «Салют» — космическим домом. После Гагарина над Землей работали летчики, инженеры, ученые.

Немногим более четырнадцати лет от запуска первого спутника до лунохода. Оба знамениты своими мировыми рекордами. Спутник величиной с футбольный мяч и оттопыренными усами антенн первым преодолел земное тяготение и с недосягаемых тогда высот сказал миру приветливое «бип-бип». Первый луноход уже не просто взлетел с Земли и прилунился на далекой Луне — он славно поработал в пыльном, каменистом и коварном Море Дождей. Две земные недели — один день работы

Луноход-1.

лунохода. Потом, после лунной ночи, второй... пятый... десятый лунный день...

Свидетели, наблюдавшие космодром в предстартовые дни, считают, что трудятся там люди необыкновенные. Сутки для них сливаются с сутками. Жизнь всех — от академика до рабочего — подчинена строгому выполнению графика. Разбудите любого ночью, и он побежит к ракете. Спросите, какое его любимое дело, и он ответит: работа...

Заранее определена точная секунда старта, и космодром работает, как единый живой организм в минуты наивысшего напряжения. Космодром в эти дни боец, великан, первопроходец, которому предстоит совершить подвиг.

Последнее, что видит космонавт на Земле, — тяжелую цепь на поясе монтажника, закрывающего люк. Успевает

лишь подумать, что вот сейчас разорвутся цепи земного притяжения... И — команда: «Старт!» А внизу остаются люди, которых мы называем ракетчиками.

...Космостроители говорят: человек больше не сможет жить без спутников, без космических аппаратов.

Только в 1975-м, завершающем году девятой пятилетки, с советских космодромов стартовали более ста аппаратов. Космонавты на станции «Салют-4» исследовали Солнце и далекие галактики, фотографировали территорию страны для выявления запасов полезных ископаемых, провели медицинские исследования. Спутники «Космос» и «Прогноз» изучали сложные явления в земной атмосфере, станции «Венера-9» и «Венера-10» впервые передали изображения поверхности далекой планеты. Советские и американские космонавты состыковали корабли «Союз» и «Аполлон»...

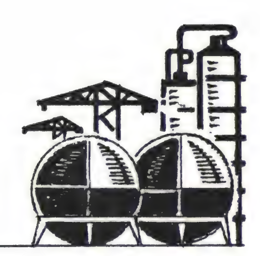
И на планете трудовым эхом отзывается каждый космический старт. Имя Юрия Гагарина присвоено горловской шахте и венгерской теплоэлектростанции, Высшей инженерной школе в Польше и лучшей смене прокатного стана на болгарском заводе, бригаде московского завода «Красный пролетарий» и океанскому судну.

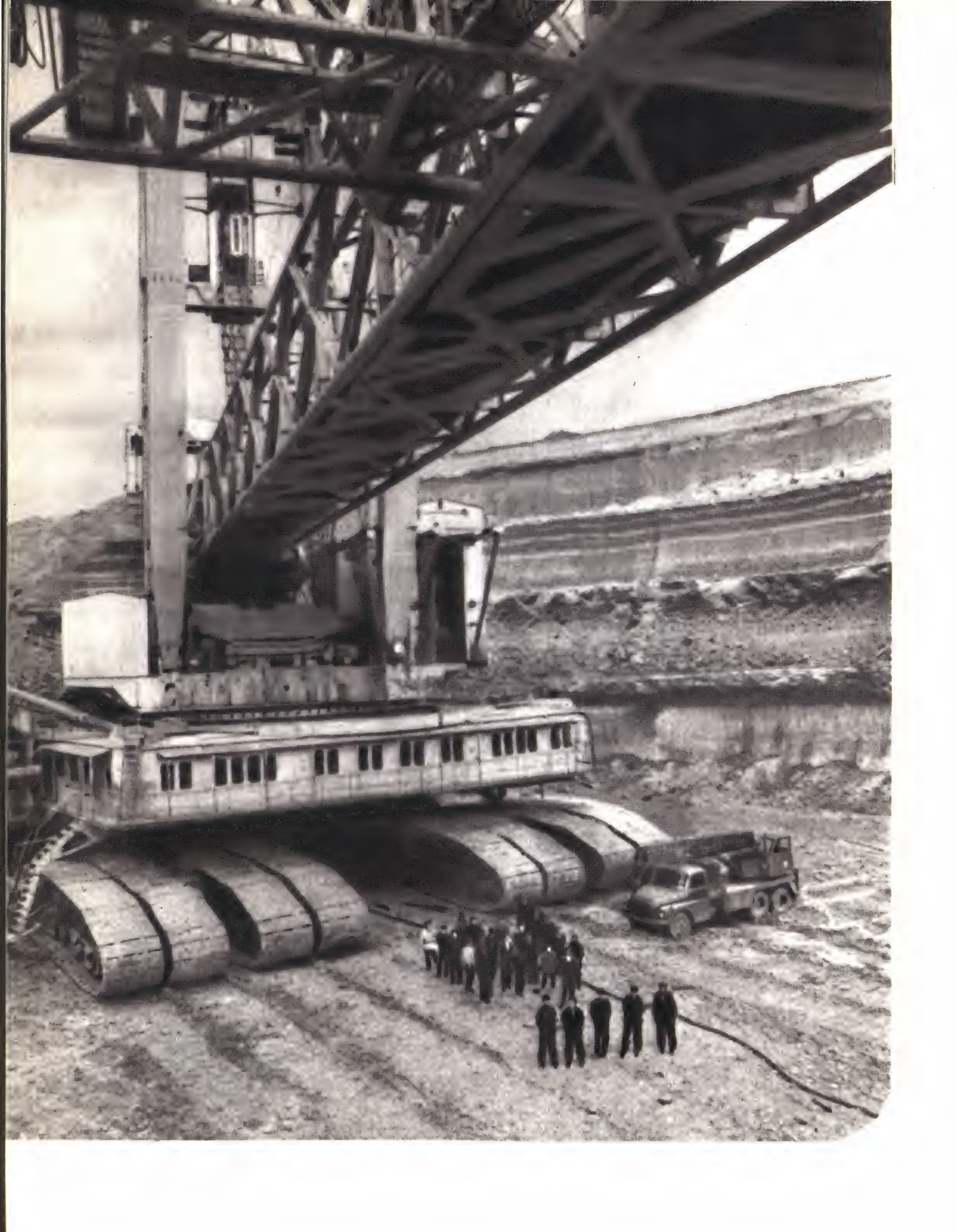
На планете все больше примет космического времени.

Я ПЛАНОВ НАШИХ ЛЮБЛЮ ГРОМАДЬЁ

РАССКАЗ О МАШИНЕ-ПУТЕШЕСТВЕННИЦЕ, МАШИНЕ-МЫСЛИТЕЛЕ, О КОМАНДИРАХ ВСЕХ МАШИН

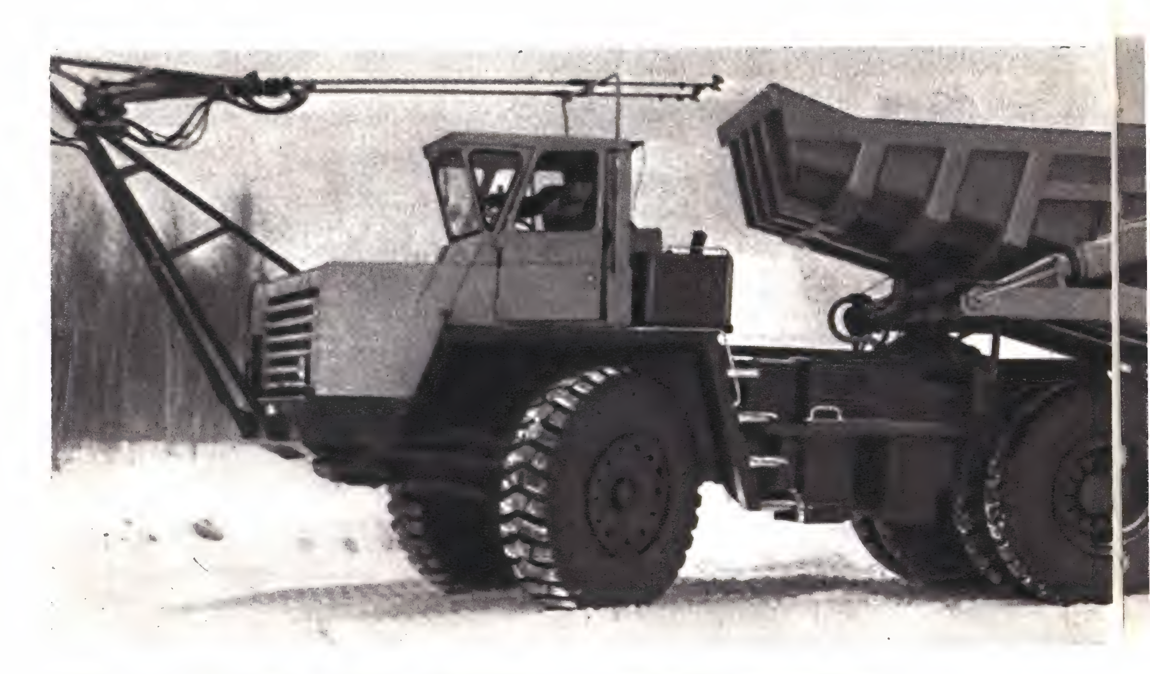

ЕДЕМ НА „БелАЗе"!

Рассказ о стальном мамонте и его путешествиях в тундру, пустыню, степи

На заводском дворе ребята играют возле нового самосвала. Грузовик — великан, до подножки едва дотянешься. К месту водителя надо лезть по лестнице. Ступаешь на просторную площадку с перилами, открываешь дверь кабины. Высота двухэтажная. Как гигантский зуб, грозно выставлен над кабиной угол кузова. Кажется, что оседлал стального мамонта. Мамонта по имени «БелАЗ».

А рядом, в заводском здании, другая картина: взрослые люди как будто играют в игрушки. На столах и на полках стоят малютки самосвалы. Среди них и тот, что высится во дворе. Прежде чем сделать настоящий «БелАЗ», конструкторы Белорусского автозавода собирают его модель. На такой модели можно, к примеру, представить, как будет работать водитель нового самосвала. В горном карьере, когда экскаватор опускает в кузов полные ковши, шофер надежно защищен от шума и пыли в герметической кабине; в жару его обдувает вентилятор,

Один из силачей в семье «БелАЗов» — мощный троллейвоз.

в мороз греет отопление... В такую игрушку-модель конструкторы «играют» всерьез.

Но кроме рабочей игрушки, есть и другие модели самосвала: они на бумаге, в чертежах. Надо рассчитать, как развернуться такому великану почти на месте, когда в тесном карьере выстроилась очередь машин! Или — затормозить на крутом спуске, на листе ватмана остановить грузовик, который весит больше ста двадцати тонн!.. Попробовать накормить такую махину хотя бы математическими символами, ежели на один только завтрак она будет пожирать 750 килограммов масла, топлива, воды!

Нелегко создать гиганта в сотни лошадиных сил. А конструкторы обсуждают уже машину в тысячу сил. Из окон им видно, как играют на самосвале мальчишки. Пусть осматривают, пусть путешествуют!.. Им после школьных задач придется решать более сложные.

Явился хозяин «БелАЗа», и ребята, скатившись с ма-

шины, почтительно замерли в сторонке. Шофер в синем комбинезоне легко взобрался по лесенке, распахнул дверцу кабины, взялся за руль. Взревел мотор в восемьсот пятьдесят лошадиных сил. Стальной мамонт, развернувшись, покатил к воротам и выехал на улицы белорусского города Жодино.

Лет пятнадцать назад вещи всех жителей городка можно было, наверное, погрузить в такой вот автомобильный кузов. А теперь, с поселением здесь нового автозавода, Жодино — большой промышленный город, известная марка, автомобильная величина. Разве удивишь его пешеходов новейшей «Волгой» или комфортабельным автобусом, когда двухэтажные геркулесы запросто катят по городским улицам и, послушные управлению, замирают рядом с велосипедами перед светофорами!

Всем хорош «БелАЗ» — и красив, и удобен, и силы недюжинной. Но как ни гордятся жодинцы своими самосвалами, сами они признают, что в производстве «БелАЗов» участвует не один их завод. Для новых машин

нужны металл, резина, пластмасса, ткани, стекло, электроэнергия, топливо. Добавочно к тому, что уже расходует промышленность. На «БелАЗ» работают заводы, институты, конструкторские бюро в разных районах страны.

Едва встав на колеса, «БелАЗ» едет трудиться. Он — рабочий восьмой пятилетки.

У строителей восьмой пятилетки новые адреса. Города, которые в тридцатые годы назывались «октябрятами», выросли, стали большими городами. И послевоенные новостройки возмужали. Города шестидесятых рядом с ними как бы школьники, но и у них есть свое имя, свое место.

Едем на «БелАЗе»! Стремительно разворачиваются под колесами самосвала ленты дорог. Кажется, что именно эти гигантские колеса вращают Землю, наш голубой шар, так хорошо видимый из космоса...

...Снежногорск — город снежный, заполярный, морозный, все дома там на столбах-ходулях, на вечной мерзлоте. Снежногорск — город теплый, электрический, осветивший мрачную полярную ночь. Снежногорск — северный город Красноярского края. В возрасте первоклассника.

Первоклассник. А сколько уже вложено в него сил! Десант строителей на черной речке Хантайке, палатки, по прозвищу «двухтрубные фрегаты», первые дома поселка, сброшенные в реку каменные глыбы, здание электростанции, вырубленное прямо в скале. Можно сказать, все происходило в Снежногорске так, как и везде, где строили ГЭС. Только здесь зимой морозы за пятьдесят, снег скрежещет под ногами, как железо. И когда в полярную ночь случилась авария — пожар на станции, люди работали несколько суток, пока не вернули свет и тепло.

Здесь трудился и белорусский самосвал: возил каменные глыбы и землю, твердую, как камень. По проводам ЛЭП энергия Снежногорска идет в соседний город Норильск, на горнообогатительный комбинат. Медь, никель, кобальт — эти дорогие металлы нужны и новым автомобилям.

...С севера Красноярского края, из пустынной ровной тундры перенесемся в казахские степи.

В темноте ночи за чертой городских огней светятся какие-то странные колонны. Это горят мощные лампы — прожектора, и свет их, преломляясь в угольной пыли, упирается сказочными столбами в самое небо.

Земля расступилась огромным карьером. Экскаватор, вращая колесо с ковшами, черпает уголь. Кажется, что он делает это с особым удовольствием, сознавая свою машинную силу: с железным урчанием загребает уголек, насыпает в кузов. Самосвал хоть и огромен, но после каждого удара приседает на задние колеса, пружинит, сгибается, вот-вот опрокинется... И все-таки выдюживает, пофыркивая, уезжает в темноту. А на его место встает новый силач.

Экибастуз — так зовут и новый город, и его главное богатство — угольное месторождение. По-казахски значит «соленая земля», «соляной столб». Веками пасли кочевники на солончаках скот и не догадывались, что под ногами океан угля. Распахни только слой земли с ковыльной травой — и черпай!

Уголь Экибастуза едет на тепловые станции Урала, Сибири, Казахстана, превращается в электричество. А электричество плавит сталь, вращает токарные станки, делает из резины шины. Все, что нужно самосвалу, что получил «взаймы», отрабатывает он сполна.

И в самом центре пустыни Кызылкум можно встретить «БелАЗов» больше, чем верблюдов.

Посреди пустыни — белый город. Это не мираж. Высокие башни, голубые дорожки бассейна, деревья, троллейбусы, горы фруктов на лотках, широкоэкранный кинотеатр. Город с поэтическим именем Навои.

Посреди пустыни — завод. Большие корпуса, карьер, железная дорога. По трубам течет амударьинская вода. Здесь добывают золото, которое открыли в песках геологи.

На многих стройках восьмой пятилетки работал «БелАЗ»: возил руду, уголь, бетон, песок. Без трудолюбивых машин трудно представить современную стройку.

МАШИНЫ, МАШИНЫ...

Рассказ о революциях в науке и технике

Рано утром радио передает сводку новостей и погоду. Новости приходят в радиоцентр по телефону, телетайпу и телеграфу; за погодой следят метеорологические спутники Земли.

Нас возят на работу, в школу, на экскурсии автомобили, трамваи, троллейбусы, поезда метро.

Автоматы пекут хлеб, варят сахар и конфеты, одевают нас, обувают.

Машины, машины... Множество хитроумных изобретений служит людям — от простейшей мясорубки до начиненной электроникой ракеты. Помните, как докладывал Юрий Гагарин в первые минуты своего полета: «Машина идет хорошо...» А физики говорят о своем гигантском атомном реакторе: «Наша машина...» Да, пожалуй, человек уже не способен жить без машины.

Если полистать страницы истории, можно отметить такие периоды, когда открытия в науке и технике активно влияли на жизнь всего человечества, на развитие многих стран.

Первая революция в науке началась в XV веке. Великий итальянец Леонардо да Винчи, художник, математик, механик, инженер, выступил против средневековой лженауки, объявил о значении опыта и математики в познании природы. Леонардо изобрел механизмы и приборы, дал идею парашюта, работал над конструкцией летательных аппаратов. Но еще три столетия после Леонардо наука боролась с религией, пока не победила.

На рубеже XVIII и XIX веков паровая машина произвела переворот в промышленности. На заводах и фабриках машина заменила, как точно подметил Карл Маркс, саму человеческую руку, позволила производить машины с помощью машин. Каким бы допотопным чудищем ни казался сейчас первый паровоз, он быстро завоевал авторитет: железные дороги были построены в

Англии, США, Франции, России. Паровоз ускорил развитие промышленности.

XX век — век научно-технической революции. Человечество переживает новую революцию в науке и технике. Сила ядерной энергии, прорыв в космос, электронно-счетная техника — эти важные изобретения и открытия произвели переворот в промышленности за очень короткий срок: от пятнадцати до тридцати лет.

Все науки наступают развернутым фронтом. Взрыв идей творит революцию в производстве. Один только лазер, узкий и мощный световой луч, научился освещать Луну и сверлить зубы, направлять землеройные машины и поправлять орбиту спутника, срезать виноградную лозу и измерять скорость движения материков. Это за десять-то лет! Можно, значит, поверить предсказаниям, что к началу нового века лазер станет основным инструментом в технике. Если... если, конечно, не будет сделано новое, более важное открытие.

Современный переворот в науке и технике касается каждого. Взрослый человек может сказать, что за его жизнь произошло открытий не меньше, чем за все столетия от эпохи Архимеда до начала нашего века. Взять хотя бы скорости передвижения. Несколько тысячелетий назад как бы ни спешил путешественник, его рекордная скорость равнялась шагу верблюжьего каравана. С изобретением колеса скорость утроилась, но и почтовый дилижанс, и древняя колесница — два курьера разных тысячелетий — имели почти одинаковый результат на финише. Паровоз прорвал этот барьер медлительности: в конце прошлого века рекорд скорости достиг 150 километров в час. А дальше скорость стремительно нарастает: через полвека после рекорда паровоза — 600 километров в час у самолета; через два десятилетия взлетает реактивный самолет — 1200 километров в час; через несколько лет после реактивного самолета со скоростью 29 тысяч километров летит над Землей космонавт.

...Что было бы, если бы великий Леонардо увидел вдруг сегодняшнюю телевизионную передачу? Специалисты

Ритмичный поток грузов, сырья, изделий — одна из задач управления сложным хозяйством страны.

утверждают, что ученый не понял бы принципа работы телевизора. Устройство паровой турбины, автомобиля, даже самолета было бы доступно, понятно великому ученому — ведь он сам раздумывал над подобными механизмами. А чтобы понять устройство телевизора, пришлось бы усвоить основы электроники. Самым трудным, наверное, было бы объяснить ученому XV века принцип действия «простейших» современных элементов. Электронные лучи, транзисторы, лучевая трубка — все было бы непостижимо для любого человека, родившегося в предыдущих столетиях.

Люди сдали в музей изобретение прошлого века — паровоз, пользуются более совершенными машинами.

...Тот, кто летал на первых пассажирских «Ту-104» лет двадцать назад, бывает поражен новой машиной «Ту-144». Из салона в салон переходишь, будто из самолета в самолет. Эта машина — сверхсовременная, сверхзвуковая, похожая на птицу с гордо вскинутой головой.

Около шасси чувствуешь себя карликом.

Могуч размах крыльев. При взлете «Ту», будто стрекоза, выпускает еще и дополнительные крылышки.

В едином графике страны.

Сзади «Ту» — как ракета: выставил жерла четырех двигателей. Шестьсот тысяч лошадиных сил! Они поднимают самолет на семнадцать километров высоты, откуда облака кажутся легкой кисеей, горы — картонными макетами, а реки — веревками. Над летящей машиной густо-синее, почти чернильное небо, переходящее в космос.

Воздушные корабли собирают на стапелях. Собирают рабочие руки. Гигантская машина буквально начинена миниатюрной электроникой. На пульте в кабине пилотов сотни приборов; помогает летчикам электронно-вычислительная машина. Когда самолет в воздухе, на круглом экране медленно движется точная карта маршрута: перед глазами пилотов вращается миниатюрная Земля.

Красив самолет в полете. Напоминает серебристого журавля...

Богатырские машины, такие, как новый «Ту», универсальный самосвал «БелАЗ» или трактор «Кировец», являются детищами научно-технической революции наших дней.

Значительно усложнились за последние годы машины. Их уже трудно сравнивать со старым самолетом, грузовиком или трактором: новизна всех узлов, блестящие конструкторские решения понятны только специалистам.

И хотя известно, что «Ту» собирается в просторных цехах Воронежского завода, «БелАЗы» — в городе Жодино,

а «Кировцы» — на знаменитом ленинградском Кировском, всем ясно: в рождении этих гигантов участвуют сотни заводов, десятки институтов страны.

В новые конструкции постоянно вносятся изменения и усовершенствования. На всех заводах воплощаются современные технические идеи. В результате промышленность страны осваивает ежегодно тысячи видов новой продукции — от огромных прокатных станов до миниатюрных электронных приборов.

С каждым годом усложняются задачи управления: как разумно регулировать сложный поток сырья, грузов, изделий, чтобы большое хозяйство страны работало, как единый четкий механизм.

В девятой пятилетке возникли новые формы управления индустрией: заводы, фабрики, институты соединяются в производственные объединения. Работа эта сложная, рассчитана на много лет. Но выгоды объединений несомненны: в них выше темпы роста производства, быстрее ставятся на конвейер новые изделия, лучше внедряются научные открытия. Объединения московских автостроителей, уральских машиностроителей, волгоградских тракторостроителей дают на миллионы рублей дополнительной продукции.

Индустрия учится работать с точностью часов.

Рождается «Ту-144».

НАУКА В РАБОЧЕМ СТРОЮ

Рассказ о том, как открытия становятся рабочими заданиями пятилетки

Еще более сложная задача — управление самим научно-техническим прогрессом.

Новые открытия раньше попадали в промышленность через десять — пятнадцать лет. Пятнадцать лет прошло, например, между открытием преобразования оптического изображения в сложные электрические сигналы и появлением в домах первых телевизоров.

Ныне этот срок значительно сократился. Для транзисторов он был три года, для видеомагнитофонов — два года.

Наука и техника, бурно развиваясь, преподносят такие изобретения, которые затрагивают не только десятки заводов, но и целые отрасли промышленности.

Атомная промышленность — это урановые шахты и заводы, где добывается и обогащается ядерное горючее, предприятия, где создаются стержни и атомные котлы, огромные стройплощадки, на которых поднимаются такие гиганты, как Нововоронежская, Ленинградская, Белоярская, Армянская и другие атомные электростанции. Сила новой индустрии сейчас такова, что специалисты дали заключение: от начала строительства станции до пуска ее на полную мощность нужно всего шесть лет. Рекордный срок для рождения огромной атомной станции!

Тонкую работу ведут ученые и специалисты в сельском хозяйстве. Новые идеи, новые методы исследований позволяют получать ценные сорта — «конструировать» необычные растения, которые не встречаются в природе. Кубанские селекционеры получили полукарликовую пшеницу, урожайность которой рекордна: более восьмидесяти центнеров с гектара. Таджикские ученые вырастили кусты хлопчатника, у которых, в отличие от обычных сортов, верхние листья не затеняют от солнца нижние. Такая геометрия куста привела к тому, что на каждой плодоножке развиваются две хлопковые коробочки. Урожай-

ность сорта «Дуплекс» с каждого гектара на десять центнеров выше, чем у его прародителей.

Предвиденные и неожиданные открытия приближают наше будущее. Социализм имеет все возможности, чтобы изобретения и открытия как можно быстрее внедрялись, стали рабочими заданиями пятилетки.

Партия подсказала пути для решения этой задачи.

Прежде всего, наше хозяйство плановое, строится продуманно — пятилетие за пятилетием. Советское государство имеет возможность все силы, огромные средства направлять на самые главные для страны дела. Так, за короткий срок родились энергетика, электроника, атомная промышленность, ракетостроение. В развитии техники, автоматики, быстром использовании научных достижений на заводах, в колхозах, совхозах, лабораториях участвуют рабочие, крестьяне, ученые, все советские люди, которые, по словам Ленина, чувствуют себя хозяевами не только на своем заводе, но и представителями страны. Наконец, вместе со страной растет, развивается сам советский человек. Это и есть преимущества развитого социализма, которые позволят нам обогнать богатые капиталистические страны.

Вспомним знаменитую ленинскую формулу: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны». Вождь революции говорил и о новом человеке: в таком великом деле, как перестройка страны, сами люди прежде всего станут другими. И на празднике в Кашине Владимир Ильич наказывал крестьянам: надо учиться — учиться грамотно хозяйствовать, культурно поднимать деревню...

В глухие деревни, в тайгу, в заполярную ночь принесли свет новые люди: смелые, грамотные, ищущие — передовые люди своего времени. И сегодня человек знает: он должен стать еще совершеннее, в эпоху научно-технической революции должен сделать скачок в своем умении, знаниях.

«Как поспеть за бурным ростом науки и техники?» — спрашивают школьник, инженер, ученый.

«Учиться!» — говорит партия.

... Английский ученый Дж. Томсон в своей книге «Предвидимое будущее» пишет, что из ста британских мальчиков только двадцать обладают достаточными способностями, чтобы окончить среднюю школу, стать учеными, инженерами, мастерами. Томсон предсказывает большинству людей серенькое существование в однообразном труде и призывает капиталистические правительства подыскать им подходящее занятие.

Факты науки против Томсона. Ученые говорят, что человек еще не научился использовать все гигантские возможности своего мозга — самой причудливой, по выражению русского физиолога Сеченова, машины в мире. Если бы мы заставили работать свою память хотя бы вполсилы, то выучили бы десятка четыре языков, запомнили сотню томов энциклопедии, окончили несколько вузов.

«Способный школьник по изобретательности равен академику»,— сказал однажды академик Глушков. И дал советы, как за партой готовиться к научному творчеству: не бояться трудных задач, не терять даром времени, учиться формулировать новые для себя вопросы, ориентироваться в океане знаний, быть дерзким и скромным в работе. Смысл всех советов один: постоянно учиться!

Но учиться — не просто копить знания, а заглядывать далеко вперед. Ошибается тот, кто думает: вот установлю умную вычислительную машину, дам ей задание, и дела пойдут хорошо. Если не дать машине сложных заданий — задач не сегодняшнего дня, а будущего,— безнадежно отстанешь от прогресса вместе с самым гениальным автоматом.

Будущее, как правило, неожиданно. Особенно в революционные периоды. Сравните: вот идеи, известные человечеству сотни лет назад и давшие миру автомобили, летательные аппараты, паровые двигатели, подводные лодки, роботы, телефоны и так далее. А вот идеи, воплотившиеся неожиданно, повернувшие по-своему жизнь людей:

ядерная энергия, радио и телевидение, электроника, транзисторы, лазеры, сверхпроводники...

Последний список, наверное, можно будет вскоре продолжить: сюда войдут многие открытия нашего века, наших дней.

Работать, планировать, управлять сегодня — значит уметь предвидеть, предугадать, где, в какой области ожидается открытие, которое улучшит производство, облегчит труд.

...Когда наша атомная промышленность добилась успехов, академик И. В. Курчатов организовал в своем институте лекции по ядерной физике. Работали уже ядерные реакторы и первая атомная станция, армия получила мощное оружие — казалось бы, можно устроить передышку, оглядеться, отдохнуть. Но знаменитый физик первый приходил в зал, внимательно слушал лекции товарищей, учеников. Он знал, что каждый день его наука может принести новые открытия и работать с атомом придется тем молодым, которые сидят рядом с ним. Сколько крупных ученых с благодарностью вспоминают эти лекции!..

Сегодня за партой — вся страна. От школьника до министра. Учебные задания у них разные, но цель одна: получить самые современные знания. На любом рабочем месте человек должен разбираться в сложных проблемах экономики, науки, культуры, уметь управлять хозяйством.

Партия позаботилась об учащихся, призвала: надо лучше преподавать в школах, техникумах, вузах, лучше готовить и молодую рабочую смену. К концу девятой пятилетки был завершен переход ко всеобщему среднему образованию.

Политически грамотных, образованных специалистов, мастеров своего дела ждут стройки, заводы, научные лаборатории будущих пятилеток.

МАШИНА ГОВОРИТ „МАМА"

Рассказ о том, как машина прошла полный курс наук — от школьной парты до академии

Когда ученые подсчитали, сколько существует задач для управления всем хозяйством страны, получилась астрономическая цифра. Единица с шестнадцатью нулями. Для обычного их решения на бумаге пришлось бы загрузить вычислениями несколько миллиардов человек.

Задачи эти разные.

Стоит, например, без работы башенный кран. До обеденного перерыва далеко, а крановщик отдыхает, потому что не подвезли бетонные плиты. Потом приехали две машины с плитами, и кран развернул стрелу, подхватил деталь с платформы. Но теперь теряет рабочее время второй шофер: график его работы нарушен.

Кажется, простая задача, но ответ у нее возможен со многими нулями. Бригады, цеха, стройки стремятся работать согласованно, по строгим, заранее продуманным графикам. Ошибки в планировании, управлении, организации труда приводят иногда к большим потерям.

Сколько, например, может стоить одна сэкономленная копейка в масштабах всей страны?

Наши заводы, фабрики, станки, машины, инструмент — это основные фонды промышленности, которые оцениваются более чем в триста миллиардов рублей.

Предположим, сегодня на каждый рубль фондов произведено продукции на полтора рубля. А если завтра производить на один рубль и пятьдесят одну копейку? Эта копейка во всей промышленности даст прибыль в три миллиарда рублей.

У каждого предприятия есть свои возможности для решения такой задачи: лучше использовать машинное время, производственные площади, улучшать технологию, организацию труда.

Бригада Героя Социалистического Труда Николая Злобина решила задачу, как возводить дома без потерь ра-

бочего времени. Бригада работает по новому методу: строит многоэтажные дома от закладки фундамента и до торжественного момента выдачи ключей новоселам. Строители берегут каждую минуту, снижают стоимость работ, экономят много материалов. И каждый дом сдают с оценкой «отлично». За девятую пятилетку бригада построила столько зданий в подмосковном городе Зеленограде, что они составят целый микрорайон.

Тысячи бригад строителей работают по-злобински, соревнуются между собой.

Новый метод оказался и сложной наукой хозяйствования: он выявил просчеты и ошибки в планировании, снабжении, организации труда. Специалисты улучшают систему управления строительством в нашей стране — от бригады до министерства.

Еще одна очень важная задача: значительное повышение жизненного уровня народа, его материальных и культурных запросов. Это главная цель последних пятилеток, которая затрагивает интересы двухсот шестидесяти миллионов человек нашей страны. А средства ее выполнения самые разные: рост промышленности, сельского хозяйства, жилищное строительство, повышение заработной платы и многое другое. Все это должно быть учтено в долгосрочных прогнозах, в планах развития народного хозяйства страны.

Одни наши планы рассчитаны на годы, другие — с точностью до месяца и даже дня, а есть и такие, где на учете каждая минута.

Разрабатывать эти планы, вносить в них изменения, контролировать их выполнение помогает электронно-вычислительная техника. Эти машины и заменяют миллиарды живых расчетчиков, без них немыслимо управление современным сложным хозяйством.

Электронная вычислительная машина — ЭВМ — давно уже произнесла слово «мама», первое, очень важное слово, после которого начинаются все жизненные успехи.

Те, кто работают по методу знатного строителя Героя Социалистического Труда Николая Злобина, сдают дома с оценкой «отлично».

ЭВМ — железный футляр со сложным устройством внутри. Известно, что эта машина очень быстро считает. Чему же еще учиться машине? Читать, слушать, размышлять, отвечать — словом, уметь общаться с человеком.

А как научиться читать, если это всего-навсего электронный ящик?

Так же, как и человеку. Только на языке математики. Ученые преподавали уроки разным машинам в разных институтах. В городе Киеве, в Институте кибернетики Академии наук Украины, машина училась читать, писать, слушать, рассуждать логически, отвечать. Познавала главную формулу своей жизни: «Машина плюс человек».

В институте нередко можно услышать в разговорах

ученых: «Идею подал Глушков...», «Да, забыл сказать о главном — это мысль Виктора Михайловича».

Виктор Михайлович Глушков, академик, директор этого института, очень не любит таких разговоров. Считает: идеи — общие, для одного дела. Стесняется говорить о себе. Но когда Глушков защищает свои позиции в научных спорах, он сражается решительно. Внешне очень спокойный, академик остро подмечает слабину в идеях противника, требует доказательств и в ответ немедленно приводит свои. Кажется, он заранее продумал все возражения соперника.

Лет двадцать назад Глушков блестяще доказал, что машина может быть серьезным помощником в творчестве. В Московском университете один из ученых защищал докторскую диссертацию. Для проверки научных достоинств новой работы пригласили известного математика Глушкова. Ознакомившись с работой, математик нашел длинный список задач, доказательство которых автор диссертации не привел. Решить сложные задачи на бумаге было уже невозможно: до защиты оставалось две недели. Тогда-то и доверил Глушков доказательство машине: была составлена программа, и ЭВМ проверила задачи за две минуты. Они оказались правильными, замечаний диссертанту по этой части работы не последовало.

«Машина не только экономит время ученого, но и откроет для него неизвестное прежде»,— решил Глушков.

На глазах академика с тех пор, как после войны он окончил два технических вуза и занялся автоматами, сменилось несколько поколений электронных машин: от громоздких ламповых до миниатюрных электронных. Сколько предсказаний сбылось за эти годы, сколько воплощено идей! Вот, например, разговор, состоявшийся в конце пятидесятых годов: с молодыми врачами беседует академик Виктор Глушков и известный профессор-хирург Николай Амосов.

Глушков. Сколько врач может знать болезней? Я сомневаюсь, чтоб он помнил всю мудрость медицины...

Амосов. Я сам часто попадаю в такое положение: ах,

если бы я вспомнил это раньше, то поставил бы больному другой диагноз...

Глушков. Можно снабдить поликлиники телеграфными аппаратами и в определенное время запрашивать вычислительный центр. Там машина в течение минуты «просмотрит» десятки, а то и сотни медицинских справочников и назовет болезнь.

Амосов. Машина-врач нужна. Нужна, чтоб исключить ошибку...

Глушков. Реальное осуществление в течение 10—15 лет, а начать надо уже сегодня...

Ученые не ошиблись: такая машина создана. Она распознает заболевания сердца. Врачи из разных городов советуются с электронным мозгом.

В наши дни с электронными помощниками работают строители, диспетчеры, экономисты, химики, ракетчики, физики. Машина проектирует железные дороги, строит корабли и самолеты, управляет луноходом, анализирует ядерные реакции, составляет планы.

А как интересно работать с таким автоматом! Инженер садится перед экраном, смотрит, как машина составляет чертежи. Вот план дома, план квартиры. Что-то не нравится в чертеже инженеру, и он специальным световым карандашом подвигает на экране стенку комнаты. Автомат подчиняется, поправляет чертеж. Потом инженер утверждает проект, и автомат начинает расчет документации...

Жизнь человека немыслима без обмена важными сведениями — информацией. Во все времена информация играла решающую роль. За 1200 лет до нашей эры была взята греками хорошо укрепленная крепость Троя. Весть об этой победе была передана из Малой Азии в Грецию гонцами и огнями костров. Прошло почти три тысячелетия, и донесение о появлении у южных берегов Англии испанского флота было передано на север Шотландии точно так же — кострами. Только изобретение электриче-

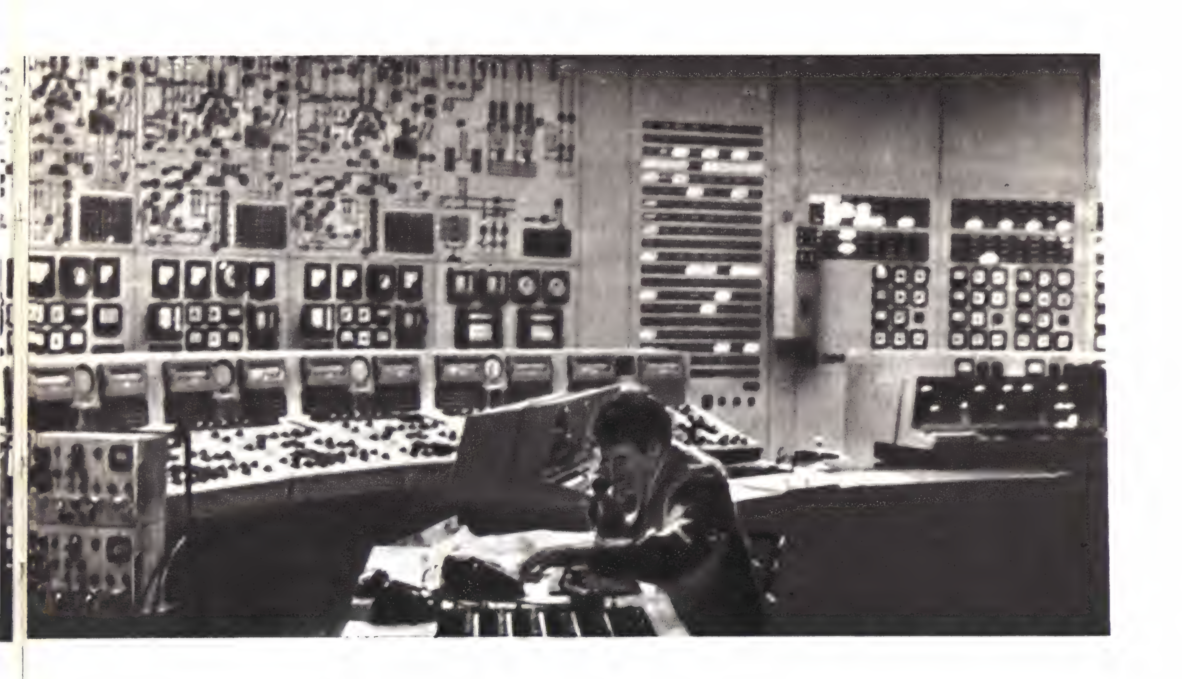

Всего несколько человек следят с помощью электроники за работой атомной электростанции.

ства и радио позволило изменить примитивную технику связи. Теперь люди мгновенно узнают по радио важные новости, управляют с Земли искусственными спутниками, советуются со счетными машинами — в информации произошла своя революция. И здесь первый помощник человека — ЭВМ...

Автоматические системы управления, или АСУ, строятся на крупных заводах, в институтах, в специальных центрах министерств. И это тоже важнейшие стройки пятилетки: они обслуживают отрасли промышленности, сельского хозяйства, транспорта.

Система «Карат» работает в одном из сибирских карьеров, где добывают алмазы. Командует мощными экскаваторами и самосвалами, следит за ритмичной их работой. Прибыль от электронного помощника — полмиллиона рублей в год.

На Западно-Сибирском металлургическом заводе машина «Конста» управляет тремя большими печами. Время работы печей уплотнено до предела, сталь идет высшего качества. Доход за пятилетку — десять миллионов рублей.

В Западной Сибири, Азербайджане, Татарии, Башкирии АСУ контролируют тысячи нефтяных скважин. Чистый доход за пять лет — более полумиллиарда рублей.

Так наука становится могучей силой на производстве, позволяет дать продукции больше, лучшего качества, с меньшими затратами.

Машины не ошибаются, и по их данным всегда можно определить, какие испытывает трудности цех или завод, где таятся новые резервы. Рабочие, уходя домой, видят сводки: кто сколько изготовил, какой заработок за смену. А такая наглядность полезна в трудовом состязании.

Машина работает за человека, не подменяет его, она лишь быстро суммирует то, о чем думают тысячи и тысячи разных специалистов.

Практика коммунистического строительства определила два важных рычага, с помощью которых можно поднять на новую ступень нашу экономику: это ускорение научно-технического прогресса и улучшение управления народным хозяйством.

Умные машины требуют точных командиров — специалистов высокой квалификации. Как правило, в АСУ работают молодые ученые, инженеры, техники, операторы. Они молоды, как и сама наука, вставшая в рабочий строй пятилетки. В колонках бесконечных цифр эти люди видят будущее.

Рядом с машиной, с ее спокойными командирами заново осознаешь бессмертную строку Александра Блока: «...И жар холодных числ».

От задачи к задаче, от счетного автомата на заводе до вычислительного центра промышленной отрасли строит наша страна автоматическую систему управления народным хозяйством.

И чем совершеннее счетная машина, тем больше выигрывает человек: ЭВМ перебирает миллионную информацию и дает свои советы, а за человеком, как за полководцем, всегда решающее слово.

Ученые предсказывают, что будет создана машина, которая сможет запомнить сто миллионов томов информации. Такой библиотеки нет в нашей стране и в мире.

Придет время, когда люди с помощью этой удивительной машины решат еще более сложные задачи и наверняка скажут: «Нет, мы уже не сможем работать без этой умницы!»

Недаром ее прабабушка произнесла слово «мама»!

РАЗМАХА ШАГИ САЖЕНЬИ

Рассказ о том, для чего создается все новое

Каждые пять лет Советская страна подводит итоги прошедшей пятилетки, планирует будущее, и тогда становится отчетливо видно, как гигантские шаги нашего народа складываются в единый путь — к коммунизму.

Весной 1971 года таким важным событием был Двадцать четвертый съезд Коммунистической партии. Съезд решил: планы восьмой пятилетки, задания Двадцать третьего съезда успешно выполнены. Промышленность только за один 1970 год выпустила продукции в два раза больше, чем за все довоенные пятилетки. В этом году был получен рекордный урожай зерна, хлопка. Жилых домов за пятилетку построено столько, что они составят пятьдесят новых городов с миллионным населением. Масштабы, небывалые для предыдущих пятилеток, богатства, созданные народом, позволяли по-новому планировать будущую жизнь страны.

Весь мир видел: в СССР построено развитое социалистическое общество, о котором Ленин в первые годы Советской власти говорил как о будущем нашей страны.

Съезд постановил: в девятом пятилетии промышленность и сельское хозяйство, транспорт и связь — все наше огромное растущее хозяйство должно работать еще более четко, как единый, хорошо отлаженный механизм, чтобы значительно улучшить жизнь советских людей.

Тяжелая индустрия, как и прежде, в центре внимания. Заводы, домны, электростанции, нефтепроводы — основа могущества страны, богатства нашего народа. Сельское хозяйство, легкая промышленность, транспорт тоже имеют свои напряженные планы. А для непрерывного роста всех этих отраслей в девятой пятилетке есть большая сила — наука и техника. Новые открытия и изобретения, самые важные технические новшества должны внедряться на стройках, в цехах, институтах, на полях и фермах. Надо ускорять научно-технический прогресс!

Металлурги создают основу могущества страны.

В девятой и десятой пятилетках решалась эта важная задача: соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства.

Две системы — социализм и капитализм — соревнуются в эпоху научно-технической революции. У наших социалистических стран есть преимущества, неведомые капиталистам: социалистическая собственность, единая цель, забота о трудящихся, продуманные, согласованные планы.

Во многих странах социализма новая пятилетка начиналась в 1971 году. Этот год был для них, как и для СССР, победным: в Болгарии построили нефтехимический комбинат, в Венгрии электрифицирована важная железная дорога, в ГДР дала ток мощная теплоэлектростанция, в Польше пущены медеплавильный завод и химический комбинат, Румыния и Югославия завершили строительство гидроэнергетического комплекса на Дунае, в Чехословакии построены две крупные электростанции. В Советском Союзе в 1971 году вступили в строй четыреста крупных предприятий, и в их числе «чемпион мира по энергетике» — Красноярская ГЭС.

Страны социализма давно уже объединились в Совет Экономической Взаимопомощи. Это Взаимопомощь с большой буквы — объединение трудовых сил!

Страны СЭВ приняли план совместной работы на 15—20 лет. Перспективный план рождался в первых трудовых победах, которые укрепляли мощь, единство мировой системы социализма.

Стальные трубы протянулись из заволжских земель в Чехословакию, Польшу, Венгрию, ГДР. По нефтепроводу «Дружба» советская нефть поступает в братские страны...

Энергосистема «Мир» дает электроэнергию социалистическим странам.

В подмосковном городе Дубне возле атомного реактора физики разных стран решают сложные задачи ядерных реакций...

В Монголии в пустынной степи вырос современный промышленный город Дархан — детище социализма...

На Волжский автозавод приходят детали советских и зарубежных заводов, а автомобилисты многих стран путешествуют на «Жигулях».

Здание СЭВ на плавном изгибе Москвы-реки — одно из самых красивых в столице. Там работают ученые, специалисты социалистических стран, планируются совместные новостройки, даются заказы заводам, научным институтам, отбираются лучшие из открытий. От друзей нет секретов: все, что изобретено учеными в каждой стране, пойдет на общую пользу.

Начал действовать Международный центр научной и технической информации СЭВ...

Помните, как любил повторять Владимир Ильич Ленин при обсуждении первого советского плана ГОЭЛРО: у нас, говорил он, все наше — земля, реки, заводы, фабрики, электростанции...

Мы можем разумно планировать развитие хозяйства, исходя из нужд всего народа.

Дружественные страны соединили свои усилия, укрепляют экономическую и политическую мощь социализма.

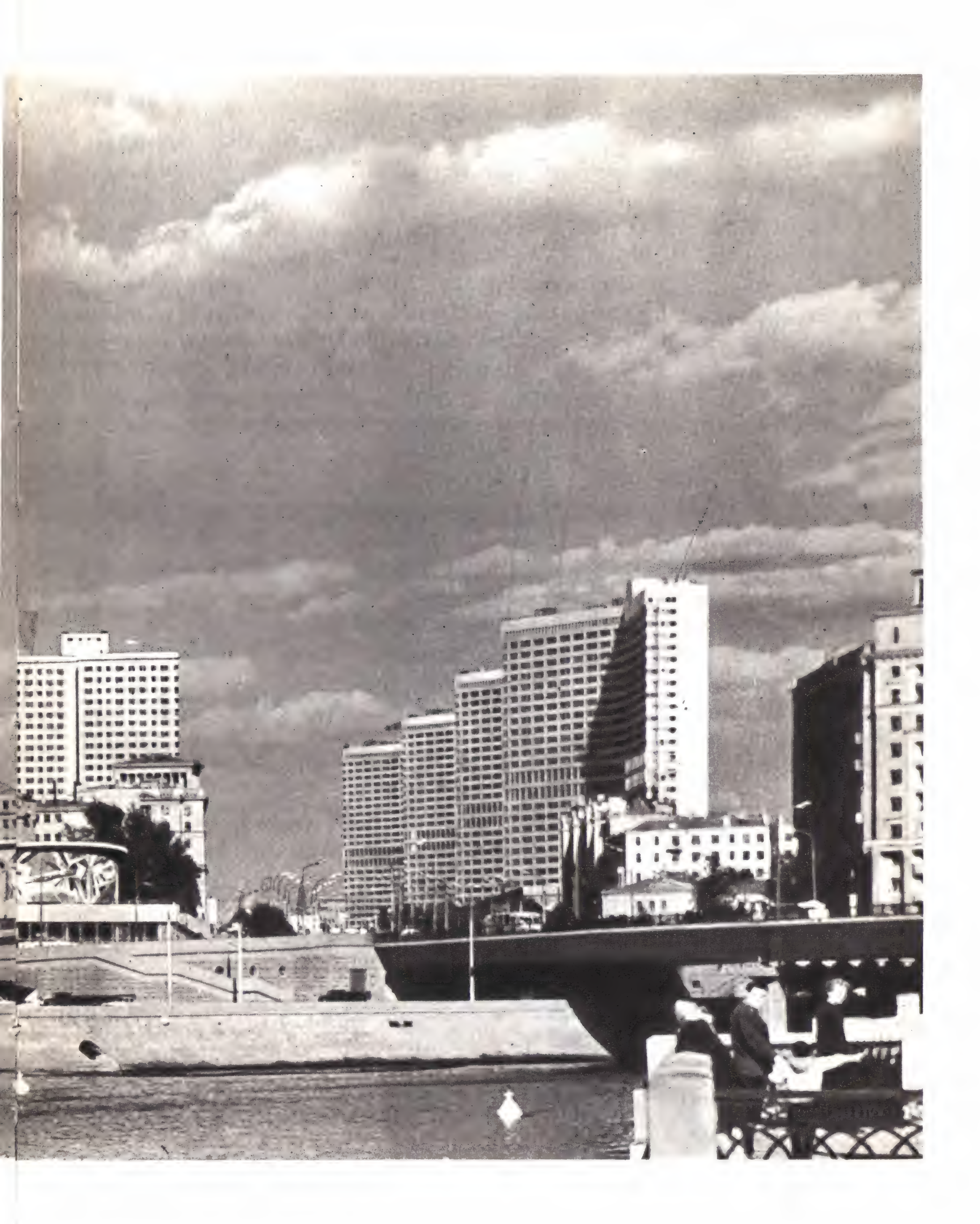
В планах девятой советской пятилетки были записаны и рабочие проекты, составленные совместно с другими социалистическими странами.

Победа социализма во многих странах привела к международному объединению труда, о котором мечтал Ленин.

Всем известно, что заводы строятся не ради самих заводов, что люди соревнуются, перевыполняют планы не для того, чтоб их хвалили. Государство создает все ценности ради советского человека: чтобы он работал от души, учился в школе, техникуме, вузе, занимался спортом, лечился, жил в хорошей квартире, одевался красиво и удобно, получал в старости пенсию. Каждый знает: наши новостройки, наши достижения — крепкая основа для хорошей жизни сейчас и в будущем.

Москва, проспект Калинина.
Здание Совета Экономической Взаимопомощи.

Главная задача девятой пятилетки — значительное улучшение жизни советских людей.

Забота о человеке была главной в каждом пятилетнем плане. Но до сих пор большая часть средств шла на развитие индустрии и на оборону, чтоб обеспечить стране самостоятельность. Теперь советская держава стала достаточно сильной. В новых условиях партия решила увеличить средства для народных нужд. В седьмой и восьмой пятилетках эти средства постепенно возрастали. В планах девятой пятилетки появилось примечательное слово — «значительный»: обеспечить значительный подъем материального и культурного уровня жизни советских людей. По планам пятилетки создавались такие условия для труда, отдыха, учебы, при которых ярко проявятся способности и творчество советских людей.

И здесь ведется строгое планирование, строгий учет: лишние деньги сами по себе не рождаются. За каждым советским рублем — народное достояние: заводы, пашни, научные достижения, богатство всей страны.

Надо добиваться, чтобы каждый рубль, каждый станок, каждая тонна металла ускоряли рост нашей социалистической экономики, от которой зависит успех всех наших дел. Об этом шла речь на Двадцать четвертом съезде партии.

БОГАТЫРИ

РАССКАЗ О РЕКОРДАХ СОВРЕМЕННЫХ БОГАТЫРЕЙ, ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ГИГАНТАХ ВЕКА, ПЕРЕСТРОЙКЕ БОЛЬШИХ ЗЕМЕЛЬ

МИНУТЫ ПЯТИЛЕТКИ

Рассказ об очень важных минутах

— Говорят, Богатырев опять три нормы выполнил...

— Это же Богатырев!..

Такие разговоры часто можно слышать на Воронежском шинном заводе.

Николай Богатырев человек сильный. Хоть рисуй с него былинного героя. Собирает он шины для автомобилей-гигантов. Каждая весом в пятьсот килограммов.

С первой минуты своего рождения шина находится в вечном движении. Вертится стальной барабан, и двое рабочих надевают на него слой за слоем резиновые «браслеты», подгоняют, приглаживают резину, чтоб не было ни единой морщины или пузыря. Работа тяжелая, быстрая, руки всегда в движении, а то и ногой приходится помогать. На этих станках всегда работали два человека.

Николай Богатырев встал к барабану один. Такой смелости подивились многие, приходили посмотреть, как это у него получается. А Николай не скрывал, что очень уставал с непривычки, даже вес скинул. Но вес сбрасывают все новички. А в деле шинника, объяснял Богатырев, главное — понять, что бороться с перегрузками надо не

только тренировками, но и приемами труда. Рекорд на заводе рождается не физическим напряжением, а новаторством.

Богатырев вспоминал о рекорде Алексея Стаханова в далекие годы второй пятилетки. Раньше шахтер рубал уголь, а затем сам ставил крепление. Стаханов разделил эти операции, и за одну ночь в шахте родился рекорд, всколыхнувший всю страну. Стахановцы появились в шахтах, на заводе и стройках страны.

Сотни разных операций продумал Богатырев, прежде чем поставил свой рекорд. По плану за пять лет он должен был собрать три тысячи шестьсот пятьдесят гигантских шин. Это задание — свою личную пятилетку — передовик выполнил за год девять месяцев и десять дней. Сотни самосвалов-силачей катят на шинах Богатырева по тайге, тундре, пустыне — по большим дорогам страны, возят уголь, железную руду, бетон.

За рабочую доблесть, новаторство в труде Богатырев награжден Золотой Звездой Героя Социалистического Труда.

Что поучительно в рекордах Богатырева для его товарищей, для шинников всей страны?

Прежде всего — творческое отношение к труду. Выполнять две-три нормы в день позволяет новая техника и технология, и рабочему человеку небезразлично, как внедряется каждая новинка в его цехе, на его заводе.

Получил, например, цех задание изготовить колесо для сорокатонного самосвала. Богатырев разобрался в чертежах, заметил, что некоторые операции чересчур усложнены. Посоветовался с мастерами, предложил свое решение. Покрышку стали изготавливать проще. На каждой сборке шинники экономили десять минут.

Из сэкономленных минут складываются часы, дни, месяцы. Из месяца в месяц растет на заводе производительность труда: за одно и то же время рабочие собирают все больше покрышек. Так выполняли коммунист Богатырев и его товарищи решение Двадцать четвертого съезда партии: прирост продукции, перевыполнение планов

Николай Богатырев собрал за пятилетку более шести тысяч таких шин.

зависят прежде всего от ударного труда, роста его производительности. И это закон современного производства: те, кто опираются на все новое и передовое, трудятся по-коммунистически,— создают основные богатства страны, приумножают блага социализма для всех советских людей...

Были, разумеется, и скептики, которые по-своему оценивали рекорды Богатырева. Одни считали, что его выручает редкая физическая сила, другие — что для ударника созданы какие-то «особые» условия, третьи вообще не верили, что один управляется за двоих.

Рассеяла все эти мнения «школа Богатырева».

На Воронежский завод приехали лучшие шинники России, Украины, Азербайджана, Армении. Шел Всесоюзный конкурс-соревнование. Богатырев демонстрировал свой метод сборки и занял первое место. И сам учился у товарищей, перенимал все лучшее. Позже в этом цеху открыли постоянную школу передового опыта. Для многих она стала школой творчества.

Среди тех, кто давно уже приглядывался к работе Богатырева, был сборщик Николай Корчагин. Спросил его как-то корреспондент, не думает ли он стать богатыревцем.

— Росточком маловат,— отшутился Николай,— куда мне с таким силачом тягаться...

Корчагин не обделен силой, как и Богатырев, но за рост его зовут Николай Маленький.

А через некоторое время корреспондент увидел Николая Маленького на сборке одного.

— Выходит, дело не только в силе? — спросил журналист.

— Выходит, в рабочем товариществе и в смекалке.

И Корчагин рассказал, как Богатырев помог ему овладеть скоростными приемами сборки. А когда Корчагин выполнил досрочно пятилетку, то сказал:

— Я убедился, что законодатели нормы — рабочие руки.

Теперь на заводе говорили:

— Слышали, богатыревцы опять выполнили три нормы?

Ничего удивительного: к рекордам богатыревцев уже

привыкли. Вслед за Богатыревым и Корчагиным отлично справились с пятилетним заданием Юрий Титенко, Иван Каретников, Неонила Алисова. В начале 1975 года на заводе было уже две тысячи пятьсот ударников труда. А сам Богатырев решил: за пятилетку дать два пятилетних плана! И сдержал слово...

Лучшего рабочего избрали депутатом Верховного Совета РСФСР.

...Два друга, два Николая, возвращаются после смены домой.

— Какие планы на вечер? — спрашивает Николай Маленький Николая Большого.

— Позаниматься с сыном. И дипломную работу пора кончать.

Диплом инженера был ближайшей целью Богатырева.

Широкоплечие, кряжистые друзья приметны в толпе.

Сразу видно: идут богатыри!

Штаб заседает рядом с реактором. Называется «штаб перегрузки».

Сейчас атомный реактор безопасен для человека. И все же люди — в белых защитных халатах, перчатках, шапочках, специальной обуви, чтобы случайно не пристала ни одна частица вредного вещества.

Перегружают атомное топливо. Из специального котла вынимаются длинные урановые стержни — отработанные кассеты — и вставляются новые. Когда котел снова заработает, атомное топливо нагреет воду, превратит ее в струи пара, и те завертят турбины, вырабатывающие электроэнергию.

Штаб рассматривает график работы. На замену кассет выделен месяц. Специалисты рассчитывают, как сократить этот срок, дать заводам и городам дополнительное электричество. Рабочие бригады предлагают свои планы, прикидывают, как сэкономить часы и минуты.

Нововоронежская атомная станция — гигант, каждая минута ее работы стоит очень дорого. Как океанская

флотилия, сигналя огнями, дрейфует она среди зеленых полей, спускающихся к Дону. Десять лет назад здесь был пущен первый атомный блок. А сегодня в строю уже несколько атомных кораблей. И рядом — еще одна строительная площадка: рождается новый атомный колосс мощностью в миллион киловатт.

Когда-то пуск атомной электростанции в городе Обнинске был событием мирового значения: впервые в истории человечества атом работал для мирных целей. Обнинская станция была небольшой мощности, ее пять тысяч киловатт оказались каплей в общем энергетическом море страны. А теперь мирный атом Нововоронежской станции демонстрирует свои настоящие рабочие мускулы: вместе с новым блоком атомный флагман даст два с половиной миллиона киловатт.

Директор Нововоронежской станции Герой Социалистического Труда Ф. Я. Овчинников рассказывает, как после школьной скамьи пришли из-за Дона молодые ребята, возвели станцию, построили новый город Атомоград, теперь возмужали, стали мастерами — например, заслуженный строитель республики Николай Барышников. И Нововоронежская не только сама крепко встала на земле, но и помогает молодым стройкам. Отряды специалистов уехали на новые атомные — Курскую и Кольскую, на станцию «Норд» в ГДР и болгарскую «Козлодуй». Непрерывна цепная реакция дружбы!

...Ровно через месяц после заседания штаба атомный котел закрыли тысячекилограммовой крышкой. В зале на пульте диспетчера вспыхнули сигналы: реактор пущен!

На красной доске социалистического соревнования вывесили плакат: «31 мая 1973 года в 11 часов 35 минут окончена перегрузка топлива реактора. Работа завершена на 1 сутки раньше намеченного срока». И — фамилии победителей соревнования, которые дали городам и селам дополнительную электроэнергию.

Станция работает, будто великан, который радуется, что выигран лишний, полезный для людей день...

...Земля, как и железо, на морозе жесточает, может обжечь холодом. Земля, как и огонь, может гореть, испепеляя все вокруг. В человеческих ладонях земля бывает теплой, ласковой, щедрой.

Помните у Пушкина знаменитый буран в степи? Как возник он внезапно из маленького облачка на горизонте, в одно мгновение смешал темное небо со снежным морем...

В степи буран налетает внезапно, засыпает снегом дороги и поселки, срывает крыши, опрокидывает машины. Когда буран чуть утихнет, мощная техника выходит расчищать дороги, пробивается к занесенным поездам, а машины и вертолеты развозят хлеб, молоко, масло всем тем, кто временно был оторван от мира.

Уляжется буран, и видишь в ровном поле силуэты заводских великанов, всполохи огня и клубы дыма: это работают, не отдыхая ни минуты, домны и мартены. Еще видишь странных гигантских верблюдов: это горбы насыпанных над шахтами терриконов.

Трудный, суровый характер у карагандинской земли. Но силы природы не могут остановить людей, которые дают стране сталь, уголь, хлеб.

...Город Темиртау знаменит металлургическим заводом. Его называют Казахстанской Магниткой. Как и на легендарной Уральской Магнитке, здесь выплавляют чугун и сталь, здесь берегут, уплотняют время.

Герой Социалистического Труда Алтынбек Дарибаев призвал металлургов страны экономить каждую рабочую минуту. И вот плавка мартена заканчивается на два часа раньше срока. Сотни бригад подхватили почин металлурга.

И сами темиртаузцы учатся у других. Приехала делегация завода, побывавшая на Липецкой Магнитке, на новой домне, докладывает:

— Изучили все. И люди и техника у нас не хуже. У них лишь лучше...— и перечисляют, что лучше у липчан.

— Неужели мы не можем справиться с этим «лишь»? — спрашивает директор.

— Можем! — отвечают специалисты и садятся прикидывать, как лучше использовать опыт друзей.

Рядом с работающими домнами в Темиртау строилась новая домна-гигант.

Бригаде Михаила Портнова поручили монтировать «легкие» домны — воздухонагреватели. Ответственная работа!.. Но одной бригады здесь мало, а время поджимает. «Давайте бригаду Казарова,— предложил Михаил.— Будем соревноваться!»

На земле собирали конструкции, а швы варили на высоте. Металл звенел от мороза, руки прилипали к стали, но нельзя прерывать сварку: остынет шов, даст трещину. Бригады работали слаженно, шли ровно, как говорится, шов в шов, и радовались вместе, если один из соперников обгонял другого.

Постепенно — кольцо за кольцом — домна словно одевалась в металлическую кольчугу. Потом ее увенчали тяжелым шлемом, и стала похожа домна на гигантского космонавта в скафандре.

— В самых лучших бригадах Магнитки работала, а таких головокружительных темпов не видела,— призналась потом одна работница бригадиру, с удовольствием оглядывая серебристые бока домны.

На пять месяцев раньше срока выросли «легкие» у домны!

А стройка все требует: «Ни минуты простоя!», «Давать оборудование по графику!», «Победителя не хвалят, если он допускает брак!»

Позже из этого металла сделают машины, трактора.

Позже имена тех, кто трудился на домне лучше других — имена победителей соревнования,— отольют на первом слитке ее чугуна. Для истории.

Огонь всегда будет пылать в Темиртау — яростный огонь плавки металла. А рядом с заводом и домами — спокойная гладь водохранилища. Кажется, что у города два больших крыла — алое и голубое, и он летит на этих крыльях в будущее. Глядя на этот огонь жизненной силы, невольно вспоминаешь другой — огненную ярость стихии. А точнее — гектар горевшей земли. Огненный гектар, обратившийся в легенду.

Стояла сушь. В степи дул ветер.

В совхозе «Щербаковский» осталась неубранной последняя тысяча гектаров пшеницы.

Бригадир трактористов Володя Котешков вез обед бригаде. Он видел, что трактор пашет скошенное поле. Это тракторист Грибов.

Внезапно ветер взметнул клубы дыма над золотым полем.

Горел хлеб.

Бригадир выскочил из машины, побежал по пашне к трактору. Он знал, как спасти хлеб: отсечь горящее поле плугом, окопать огонь.

А Грибов тоже заметил пожар и развернул трактор. Навстречу огню и бригадиру.

Бригадир сел на плуг, вдавил его всей тяжестью тела.

Земля брызнула из-под плуга.

Мотор ревел на пределе, а огонь — дул ведь ветер — опережал машину. И тракторист, будто танк, направил трактор прямо в пламя...

Они победили огонь. Хлеб был спасен, когда подоспела бригада. Поэт писал:

Лишь дотлевал
комбинезон
на молодом бойце.
Казалось, даже мертвый
он
без страха на лице.
В другом
еще теплилась жизнь,
и
из последних сил
«Держись, хороший мой,
держись»,—
он мертвого просил[1].

[1] Н. Кузнецов. Быль про огненных трактористов. Газета «Индустриальная Караганда», 1974.

Шестнадцать лет было Коле Грибову.

На крутом склоне, где заглох мотор трактора, стоит обелиск. Он увенчан звездой в полукружье колосьев. Каждый, кто приходит к нему, знает, что имена коммуниста Котешкова и комсомольца Грибова носят школа, улицы в поселке, комсомольско-молодежная бригада совхоза «Щербаковский».

На десятки верст видны с косогора хлебные поля. И каждую осень от обелиска «огненным» трактористам начинается уборка нового урожая. Механизаторы борются за приз героев — «Огненные трактористы».

Василий Сарычев торопился на шахту, но возле Дворца культуры на минуту задержался, увидев подростка с папиросой.

— А ну, брось,— сказал Василий.— Огурец!

Подросток было спрятал руку за спину, но, узнав парторга знаменитой шахты, покраснел.

— Учишься? — спросил Сарычев.— В восьмом? Приходи.— Он кивнул на афишу, приглашавшую на вечер старшеклассников.— И чтоб я не видел тебя с папиросой! Договорились?

Он уже убегал, когда парнишка крикнул:

— А почему огурец?

Сарычев усмехнулся: вот зеленый, не понимает...

Город Шахтинск стоит на у́гле. Дома и магазины, школы и клуб, пешеходы и автомобили — все здесь на угле. Со всех сторон окружен молодой город шахтами, потому и называется Шахтинск. «Погоди,— думает Василий про «зеленого огурца»,— построим стадион, бассейн, хоккейное поле, некогда будет баловством заниматься...»

В шахте имени Ленина шла «операция минута».

Стоят люди с секундомерами, засекают, за сколько минут и секунд добывается тонна угля, длится погрузка, движется конвейер. Глубоко под землей будто происходит спортивное соревнование.

Но соревнование действительно шло между бригадой

этой шахты и соседней — «Казахстанской». Бригада хронометрировала время каждой операции, чтобы потом экономить минуты.

— Знаете, сколько выдает шахта на-гора́ за одну минуту? — спросил Сарычев и пояснил: — Десять тонн угля.

— Немало,— сказал кто-то из шахтеров.— А может больше?

— Может. Когда-то были «лунный», «юлианский» и прочие календари,— продолжал парторг.— А мы живем, товарищи, по своему, советскому календарю. Он называется «трудовой», «досрочный». В этом календаре нам важна каждая лишняя минута. Тот, кто выдал полторы-две нормы в смену, считайте, прожил золотой день.

Вот он, броский кумачовый лозунг: «Работать сегодня лучше, чем вчера, а завтра — лучше, чем сегодня!»

Каждый шахтер старается взять верх над соперником, выйти вперед, но секретов своих никто не таит. Учатся у соседа по лаве, у знаменитых кузбасских, донецких, уральских шахтеров, призвавших добывать за смену не менее тысячи тонн угля.

Бригад «тысячников» на шахте Ленина немало. Ежедневно здесь подводятся итоги соревнования и коллектив узнает имена победителей. Но это не значит, что победитель определяется чисто механически, только по цифрам. Скажем, одна бригада выдала за смену полторы тысячи тонн угля, а вторая — на триста тонн меньше. Кто впереди? Оказывается, вторая бригада. Почему? В первом забое работают два комплекса механизмов, а в соседнем забое — только один. Значит, второй коллектив лучше использует технику, уголь этой лавы значительно дешевле. Вот и думай, как более умело организовать свой труд. Такова справедливая экономика каждой победы.

Парторг выходит с заседания комиссии по соревнованию в хорошем настроении: хоть и крепко поспорили, а подогнали отстающих, подсказали, на что обратить им внимание. Дела шахты идут в гору. А ведь когда-то была шахта отстающей, не справлялась с планом.

Рейнгольда Литмана парторг встретил в штреке, издали

узнал крепкого, подтянутого бригадира проходчиков. Подростком, после училища, пришел Рейнгольд на шахту. В его бригаде — русские, украинцы, татары, белорусы.

Принцип коллективной работы: один за всех, все за одного!.. Бригадир никогда не действует окриком, не давит авторитетом. Его принцип: доверие к человеку, убеждение веским словом. Потому и бригада всегда передовая.

— Ты выступаешь сегодня перед школьниками,— напомнил Василий Рейнгольду.

— Да мне самому к экзаменам в техникуме готовиться,— пожаловался бригадир.

— Ты разве забыл, кто тебе помог спуститься в шахту? — веско сказал парторг.— А кто подскажет десятиклассникам их настоящее призвание?

Литман не сопротивлялся:

— Ладно, Василий, приду.

Сарычев представил бригадира с Золотой Звездой и улыбнулся.

Награды Героя бригадир удостоен за новаторство, за упорство в достижении цели и горячий шахтерский труд. Иной человек просто удивляется, как бригадир на все находит время: член парткома, депутат областного Совета, председатель суда товарищеской чести, учащийся и учитель своих детей. Неукротимая энергия плюс железная дисциплина труда.

...В этот день у парторга были обычные дела: подведение итогов соревнования, конкурс стенных газет, дежурство дружинников, матч тяжелоатлетов. Все надо обсудить, проверить. Люди шли в партком один за другим.

Чуть было не забыл: у проходчика Евгения Яковлевича тридцатилетний рабочий юбилей. Ну, торжественная церемония, речи — все это готовится... А вот что придумать по такому случаю особенного? У проходчика десять детей, парторг помнит их всех: Яков, Григорий, Альберт, Рафаил, Евгений, Иосиф, Николай, Роман, Петр, Иван. Целая футбольная команда, как шутят соседи. Придумал: сфотографировать на память шахтерскую семью! Все ли на месте? Нет только одного Григория, в армии он. Но и

солдату приятно будет получить такую фотографию...

Звонят из Дворца культуры: что исполнять после вручения диплома лучшим молодым рабочим? Самодеятельный хор спорит, волнуется.

— Ясно что, — отвечает Василий, — «Шахтерский вальс».

Звонит редактор многотиражки «Шахтерский маяк». Нашел новый литературный талант, читает по телефону:

Скоро утихнут метели, угомонится зима,
Звонкие ритмы капели снова сведут всех с ума...

— Погоди,— хмурится Василий, соображая про стихи,— ты что это надумал сводить всех через газету с ума?! Где такого Пушкина нашел?

— Так ведь номер весенний, Василий Михайлович! — кричит, волнуясь, редактор.— А Пушкин наш, шахтерский, Алексеем зовут. Так и подпишу: электрослесарь.

Разные еще звонки, разговоры. Под вечер еле успел пообедать Василий. За окном кружил весенний снежок, а в столовой на тарелках зеленели большие огурцы. Из шахтерской теплицы.

Тут Василий, хрустя огурцом, вспомнил утреннего парнишку у афиши, засмеялся: «Ну погоди, зеленый, если струсишь, не придешь на вечер, все равно потом отыщу! Будешь ты у меня когда-нибудь знатным шахтером...»

Во Дворце культуры подошел к парторгу секретарь горкома, поздравил его с орденом Октябрьской Революции. Василий оторопел:

— За что? Я же уголь не рубаю...

— Вот что, парторг: уголь добывают люди. Твои воспитанники... Иди, тебя ждут ребята. Слышишь — шумят? Полный зал! Ждут твоего слова, парторг!

Когда Ивану Дюкареву исполнилось шестнадцать лет, в село пришла из района бумага — отправить двенадцать парней на строительство. Ванюша про себя сомневался: в городе ни коровы, ни лошади, одни дома.

Лошадей он любил. В военное лихолетье управлялся с конями в колхозе. Из старших в селе были инвалиды, деды, женщины. Мальцы и те работниками считались. Ванюша в двенадцать лет пахал, и сеял, и мешки таскал.

В ФЗО его взяли. Его и еще четырех Дюкаревых — у них полсела однофамильцы. Шесть месяцев отучились — на стройку, фабрику ставить. Растянули палатку, и там Ванюша с ребятами поселился. Строго соблюдал наказ матери: ни от какой работы не отказываться.

Любил Иван песню: «Прокати нас, Петруша, на тракторе...» Как начнет: «Колосилась в поле рожь густая, шевелились усики овса» — сердце сжимается. Каждую ночь деревня снилась, трава скошенная, кони в ночном...

Ничего. Привык. В отпуск приехал, мать спрашивает, что да как. «Фабрику строим»,— сказал, и слова эти показались ему самому прекрасными. И пошло!.. Фабрики, дома, магазины, микрорайоны. В Москве здание Министерства угольной промышленности строил, институт, жилые дома. Каждый дом — почти две с половиной тысячи квадратных метров, можно сказать, километры домов.

В бригаде у Дюкарева каждый человек освоил все строительные профессии, поэтому и простоев нет, не надо ждать штукатуров, плотников — монтажники от начала до конца делают все сами. Дом сдается досрочно. Новоселы радуются, и у строителей хорошее настроение.

«А я, между прочим, самостоятельную жизнь начал в палатке»,— сказал как-то бригадир своей бригаде.

...Чтобы к дому подъехать, нужна дорога, для нее бульдозер ровняет «корыто». На «корыто» плиты кладутся — временная дорога. Монтажники возят «дорогу» с одной стройки на другую. Вот возле этой дороги-путешественницы, на углу улицы Талалихина и Большой Угрешской, бригада Дюкарева строила фундамент большого дома.

Иван Васильевич не очень-то гостям обрадовался: работа! Сел на скамейку, кепку из серого букле на колени положил. Комбинезон строителя, сапоги кирзовые.

Только сели, парень откуда-то вынырнул:

— Иван Васильевич, где разгружать «подушки»?

— «Корыто» уже было, теперь «подушки»?

Парень даже не улыбнулся. Выслушал задание, ушел.

— А «подушки»? Так это все для «нуля» для нашего,— пояснил Дюкарев.

— Еще и «нуль» появился!

Дюкарев засмеялся.

— Фундамент построить — значит пройти нулевой цикл. С «нуля» дом начинается.

Подъезжали и уезжали грузовики с «подушками». Иван Васильевич куда-то уходил, вернувшись, сказал:

— Серьезная штука — ответственность. Вот все говорят: «Дюкарев — человек спокойный». А вы копните — самый я беспокойный. Иду как-то мимо дома, лет восемь назад строил его. Смотрю: все зеленью обросло, как будто бы так и было. А я-то дом голым оставил. Ну, два-три деревца уберег. Удивляюсь, радуюсь. Но каждый угол глазами цепляю. Пешеходам, конечно, не видно, где блок не так поставлен, а я смотрю на то место и точу себя: «Надо было чуть сдвинуть»... Как в партию вступил, труднее мне стало. На виду ведь, в первой упряжке. Другой возьмет и откажется от трудной работы, а ты должен ее взять. Работать — лишь бы время отбыть, разве интересно? А что торопят, требуют, так это ж потому, что верят. А я,— он хлопнул кепкой по колену,— сто лет работать собираюсь!

Не сто лет жить, а сто лет работать!

Так мог сказать только уверенный в себе мастер.

— Знаете, я ведь ничуть не переменился,— улыбнулся Дюкарев.— Ребята в бригаду приходят из армии, и кажется мне, я им ровесник. Вдруг слышу: «Дядя Ваня!» Кручу головой: кто ж такой «дядя Ваня»?.. А я и на Двадцать четвертом съезде, когда голосовал, думал: «Это же я, Ванюшка Дюкарев, голосую, фундаменты строю. Вон на какую высоту меня занесло, на самый высокий этаж!»

В девятой пятилетке Ивану Дюкареву за выдающиеся достижения в труде присвоено звание Героя Социалистического Труда.

РЕКОРДЫ ХЛОПКОВОЙ КОРОБОЧКИ

Рассказ о друзьях-соперниках, о том, как белое становится золотым

Случилось это на совещании в городе Иванове. Ивановские ткачи подписывали договор на соревнование с текстильщиками Ташкентской, Московской и Владимирской областей. Знаменитый «Договор тысяч».

Родилось соревнование в апреле 1929 года. Пламенными были строки первого договора: «Партия ставит перед нами задачу: взять Перекоп на хозяйственном фронте. Перекоп будет взят».

Верная дружба соединяет рабочих центра России и Узбекистана. В годы первых пятилеток промышленные города Центра посылали в Среднюю Азию станки, машины, рабочих наставников, учителей. И узбекские братья по традиции первый эшелон с хлопком нового урожая посылают ивановским текстильщикам.

Торжественно был принят и новый договор.

— Не только руками тех, кто скрепил этот документ своими подписями,— сердцами своими продлили мы действие «Договора тысяч», — сказала с трибуны знатная ткачиха.

И зал подхватил ее слова возгласами:

— Друж-ба! Друж-ба!

Ивановцы подарили ташкентцам ларец, расписанный народными умельцами, а в ларце — скатерть, сотканная мастерицами.

Лучшие прядильщицы страны подписали личный договор: Елена Амосова, Буальма Джураева и Анастасия Ерофеева. Все они Герои Труда. Елена и Буальма — лауреаты премии имени Виноградовых — знатных ткачих первых пятилеток, а Анастасия — лауреат премии Ленинского комсомола.

— Я особенно слежу за вашими успехами,— говорит Буальма Елене.— Ведь у вас самые быстрые в стране секунды.

— Верю, — улыбается Амосова, — что вы непременно догоните меня.

— ...Приехала я с Двадцать четвертого съезда партии,— вспоминала ткачиха Алевтина Смирнова.— Собрались наши ткачихи, прядильщицы, отделочники в клубе. Рассказала я, как прошли для меня все эти дни: будто на едином дыхании, взволновали до глубины души. И еще сказала: долгом считаю дать людям радость — отличные ткани — и призываю к этому всех моих товарищей.

Делегатам съезда ткачиха рассказывала об ивановских текстильщиках, а приехав домой, начала соревнование за отличное качество тканей. Эти ткани Яковлевского льнокомбината хорошо известны: к рулону материи прикреплен квадрат, а на нем лента, изогнутая в букву «Я».

Алевтина Смирнова начинала работать, как и все, на восьми автоматических станках. Потом на четырнадцати, восемнадцати и, наконец, на двадцати двух. Личное пятилетнее задание она выполнила меньше чем за три года и решила соткать до конца пятилетки тысячу пятьсот километров ткани. Это пять ярких, отличного качества лент от ее родного Приволжска до Москвы.

— Вровень со мною,— говорит Смирнова,— пошли многие рабочие, а десятки и перегнали меня. Выходит, им в первую очередь должна быть оказана честь и слава. Не мой, а их опыт должен теперь быть в центре внимания... Внимание товарищей придает человеку крылья.

И как верно угадала Смирнова важное направление девятой пятилетки, когда призвала всех ткачей страны давать ткани только отличного качества! Борьба за лучшее качество труда приняла такой размах, что и о будущей, десятой пятилетке стали говорить, как о пятилетке качества. Текстильщики предложили создать всесоюзный конвейер отличного качества. Их поддержали коллективы других отраслей промышленности.

Семьсот тысяч рабочих последовали почину ткачихи Смирновой. Мастера своего дела, «отличники» дают продукцию только отличного качества.

Иваново и Ташкент продолжили свой диалог по радио.

Алевтина Смирнова говорила о том, что любой человек может лучше трудиться, находить новые резервы:

— «Договор тысяч» требует от каждого прежде всего навести строжайший порядок в своем собственном доме, будь то рабочее место, цех или фабрика...

Елена Амосова рассказала, что по ее почину семьдесят рабочих фабрики решили выполнить по две пятилетки. В коллективе, с гордостью делилась Амосова, особый «микроклимат душевности»: люди стремятся помочь друг другу, а это поднимает настроение...

— Я до сих пор живу воспоминаниями о вашем славном текстильном крае,— ответила подруге Буальма Джу-

Соревнуются ткачихи страны. Каждая из них командует десятками новых станков.

раева. И сообщила, что теперь обслуживает в два с лишним раза больше веретен, чем прежде...

А вслед за ударниками заключили договоры коллективы заводов, фабрик, институтов, колхозов, совхозов, которые участвуют в рождении тканей. Хлопкоробы и льноводы, создатели станков и комбинатов, строители и проектировщики, ученые и конструкторы.

Условия соревнования у них были общие: борьба за качество, экономия ресурсов и средств, внедрение достижений науки и техники. Главные задачи экономической политики государства являются и главными целями «Договора тысяч».

И еще один выигрыш в соревновании: люди стали

Елена Амосова — самая быстрая ткачиха в девятой пятилетке.

ближе друг к другу, во взаимной ответственности окрепла дружба. «Дороже золота и стали!» — так сказал поэт о дружбе братских народов.

...В последние дни 1975 года в Иваново собрались передовики легкой промышленности. Шестьсот пятьдесят победителей. Они выполнили по две пятилетки.

Из каждых десяти метров тканей, сотканных ивановскими мастерами, семь изготовлены из узбекского хлопка.

Пять граммов весит коробочка, но из граммов складываются миллионы тонн. Ради них рабочие руки водят машины и самолеты, отмывают землю от соли, пашут и орошают поля. На полях берет начало поток многокрасочных тканей.

Голодная степь работает — убирает хлопок.

В накаленном небе носятся самолеты, поливают созревший хлопок специальной жидкостью, чтоб опали листья. Комбайны ползут по полю, втягивают железными хоботами тонкое волокно.

Тракторы на резиновом ходу волокут набитые белым грузом клети, теснят на обочину велосипедистов и ишаков.

Царят два цвета осени. Степь — белая и голубая, будто праздничная узбекская пиала.

В Москве выпал первый снег, а здесь жара, пыль, хлопковая горячка. Радио то и дело сообщает, кто сколько собрал. Соревнуется вся республика — области, районы, бригады.

Сводки об уборке, похожие на военные приказы, и прогнозы погоды слушает каждый. Очень важно, чтоб завтра снова светило горячее солнце.

Голодная степь когда-то была пустыней. Вот что сделали вода и люди: степь живет, трудится от зари и до зари.

Есть в Голодной степи колхоз «Халкабад», в переводе с узбекского — «цветущий народ». Двенадцать лет был председателем этого колхоза Мурат Джураев.

Прежде всего председатель решил строить правление колхоза — уж очень неказистым оказалось старое строение. Не кабинет себе строить, а именно центр колхозной работы. Советовался Джураев с бывшим председателем этого колхоза, держал совет со стариками. Старейшинам разъяснил, что из развалин трех мечетей можно сложить один главный дом для колхоза. Старики одобрили план.

Сложили из «святых» кирпичей фундамент. Возвели кровлю — получилась большая голубая постройка. Вокруг разбили сад. В саду поставили Дом счастья — для молодоженов. Правление сразу стало многолюдным. Здесь давали наряды на работу, а в свободное время играли свадьбы, провожали парней в армию, чествовали ветеранов. Красивое место: идет человек к правлению, а над головой — прохладное небо, золотая айва, яблоки, виноград.

Колхозные старейшины, которые дали согласие разобрать мечети, полюбили проводить время в тени нового сада. Но гораздо дольше председатель искал подход к молодым. Вопрос очень важный: колхозу срочно нужны механизаторы, а заявление в училище никто не подает. В разговорах парни отмалчиваются, агитация на них не действует.

— Решил поставить памятник. Прямо в центре села. Вот так! — Джураев весело смеется.— Нашел настоящих художников. Сделали они эскиз, показывают. Я эскиз одобрил, но попросил: нельзя ли сделать главного героя похожим на одного моего сельчанина? И даю фотографию Шоде Гадаева. Честный пахарь, хлопкороб, всю жизнь земле отдал.

Так родился в селе памятник.

Старик крестьянин положил руку на плечо парня. Рядом девушка с дипломом в руке. Стоит в задумчивости, вполоборота к старику, будто решает, куда ей направиться после института. Может быть, чуть наивный памятник, но понятный всем.

Когда открывали памятник, председатель колхоза держал речь. Скинул пиджак, расстегнул ворот рубашки — два часа выступал на палящем солнце. Среди толпы был и тот хлопкороб, которого сразу узнали все, едва сползло покрывало...

Двести заявлений поступило после митинга от будущих механизаторов...

Умер хлопкороб Шоде Гадаев, но бронзовый Шоде на площади каждое утро встречает рассвет. Мимо него едут колонны тракторов и комбайнов, идут на работу колхозники, бегут в школу ребятишки.

А Мурат Джураев беспокоится уже не только за колхоз «Халкабад», но и за все хозяйство района. Ведь он секретарь райкома партии.

Все знают, что Джураеву не надо заглядывать в книгу, чтобы определить, сколько кормовых единиц в сахарной свекле или люцерне, какой урожай даст хлопчатник, кто из колхозников сегодня впереди, а кто отстал. Передовика он обязательно расспросит, похвалит, отстающего пожурит.

— Смотри,— скажет,— у нас один комбайн заменяет несколько десятков сборщиков хлопка, и потому каждый человек возле комбайна на виду...

Слова эти очень весомые: пятьдесят тысяч механизаторов в Узбекистане собирают столько хлопка, что для ручной работы потребовался бы миллион сборщиков.

Турсуной Ахунова — заслуженный механизатор Узбекистана — возглавляет соревнование хлопкоробов.

У Джураева особенно приподнятое настроение: из семи Красных знамен области — шесть в его родном Иштыханском районе. Уборка шла хорошо, и Джураев не ошибся в предчувствии близкой победы. За успехи в третьем, решающем году пятилетки секретарь райкома вручил лучшим колхозникам района награды.

Сам Мурат Джураев за трудовую доблесть награжден орденом Октябрьской Революции.

Почти пять миллионов тонн хлопка подарил Узбекистан Родине в 1973 году.

А на следующий год наша страна получила рекордный урожай хлопка — более восьми миллионов тонн. Из них пять миллионов двести тысяч тонн дал один Узбекистан. Хлопкоробы республики расценивают свой труд как важный интернациональный долг, как свою главную задачу в хозяйственном строительстве страны. Погода выдалась плохая — без дождей, с суховеями и грозовыми атаками, за рекордный урожай боролись экипажи двадцати семи тысяч хлопкоуборочных комбайнов, десятков тысяч других

Рождение красивых тканей начинается на полях. Тысячи и тысячи комбайнов собирают хлопок, из граммов складываются тонны.

машин, шестисот самолетов сельхозавиации. Они победили — взяли Большой Хлопок.

Самые неприятные «сюрпризы» погода преподнесла хлопкоробам в 1975 году. Из пустынь дули горячие ветры, обмелели каналы. Осенью обрушились дожди и снежные бури. Люди не покорились природе. Отстояли посевы, которые были под угрозой гибели. Убрали без потерь урожай.

Труд и мастерство, организованность, широкое применение техники позволили успешно побороть трудности. Многие хозяйства, целые районы механизировали все процессы, бросили в бой мощный фронт машин.

Узбекским друзьям помогала страна. Заводы Москвы, Ленинграда, других городов Центра срочно изготовляли землеройную технику, трубы, моторы, насосы. Железнодорожники давали грузам «зеленую улицу». От зари и до зари работали в небе авиаторы из братских республик.

Пять миллионов тонн хлопка сдал Узбекистан в завершающем году пятилетки.

И только перевооружение сельского хозяйства позволит получать в самых плохих условиях такие урожаи. Вот почему многие каналы и гидроузлы стали ударными стройками пятилетки. Машины упорно отвоевывают землю у пустыни — за пять лет освоено полмиллиона гектаров. С каждым годом растет в колхозах и совхозах армия механизаторов. Прославленные люди, новаторы труда, коммунисты возглавляют соревнование за высокие урожаи.

Среди победителей — Турсуной Ахунова. Это имя знаменито в республике: Ахунова — первая женщина, севшая за штурвал хлопкоуборочной машины. Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии ставит рекорды, своим примером вдохновляет тысячи. Более ста тысяч молодых механизаторов вышли осенью на поля и фермы. Впервые ведет свой комбайн Турсуной Абдувалиева. Ее назвали так в честь известной Турсуной.

...Пять граммов весит хлопковая коробочка, и мы привыкли говорить о ее содержимом так: «белое золото». Потому что хлопок одевает людей.

А белое в золотое превращают человеческие руки.

ОТКРЫТИЕ ВЕКА

Рассказ о самых богатых

По географическим понятиям, Тюмень — столица огромной области: от нее что лететь до Москвы, что до северных поселков у Карского моря почти одинаково по расстоянию. На карте область заштрихована мелкими черточками: здесь Западно-Сибирская низменность, одна из самых обширных на земле равнин, покрытая болотами, озерами, непроходимой тайгой. Без самолета или вертолета в нефтяные районы не попадешь.

На берегу Иртыша стоит древняя столица сибирского края. Когда-то правили в Тобольске всесильные воеводы, но сейчас редко кто о них вспоминает. Знаменит Тобольск именем Петра Павловича Ершова. Он провел здесь почти всю жизнь, учительствовал, умер безвестно в чужом доме и в крайней бедности, оставив своим наследникам пятак, а России — «Конька-горбунка».

Вот она — столица русской сказки! За могучей рекой высится огромная гора, а на ней — дома, деревья, заборы. Точь-в-точь плывущий в волнах «чудо-юдо рыба-кит»! С этой хорошо обтесанной горы, видимо, и стартовал Иван-дурак за сине море и в гости к Месяцу Месяцовичу.

Петру Павловичу Ершову открыли в Тобольске памятник. В его честь состоялся праздник. На огромной площади древнего кремля тысячи тоболяков слушали гостей, приехавших из Москвы. Четыре с лишним часа звучали стихи над площадью, не расходились люди.

Всем-то хорош деревянный Тобольск для историка. Но для современного глаза явно постарел, одряхлел: кажется, что нет для города никакой перспективы...

Нефть преобразит Тобольск! Здесь будет построен большой нефтехимический комплекс. Значит, в скором времени город раздастся в плечах. Встанут на берегу Иртыша заводские корпуса и дома, рабочая молодежь придет в аудитории института. Приятно узнать, что древний город помолодеет...

Самотлор — нефтяная жемчужина Западной Сибири.

В деревянном, украшенном башенками театре шла новая пьеса «Геологи». Спектакль рассказывал о мужественных людях, которые много лет искали в тайге нефть и верили, очень верили в точные расчеты и удачу.

Сотни людей много лет упорно работали среди болот.

Архивы сохранили пожелтевшие листки радиограмм геологов. Вот одна из них, подписанная начальником Сургутской экспедиции Ф. Салмановым: «Скважину Мегионскую-1 прострелили... Дебит нефти составил 288 кубометров в сутки, т. е. 1 бочка емкостью 200 литров заполнялась одну минуту...» Министерство геологии и охраны недр СССР, заслушав руководителей разведочных работ, отметило: «В результате этих работ были не только рассеяны ложные впечатления о бедности недр этих обширных территорий, но и созданы реальные предпосылки для открытия здесь нефтегазоносной провинции».

Энтузиасты и герои открыли большие запасы нефти и газа. Сегодня земли Тюмени — крупная энергетическая база нашей страны.

И сама Тюмень — не просто столица деревень, раски-

данных по берегам больших и малых рек. Деревни за последние годы стали промышленными центрами.

Одна из бывших таких деревень — город Нижневартовск.

При рождении Нижневартовска решались три главные задачи: нефть, аэродром, телевидение.

Нефть здесь отменная, ее здесь много. Только доставать неудобно: находится она под болотистым озером Самотлор.

Аэродром нужен для доставки мощных машин, оборудования, людей, поскольку других дорог туда не было. А телевидение... Ну какой сегодня дом без телевизора? В тайге тем более скучновато без спектаклей и концертов.

Посреди болот встали высокие дома. Магазины, кафе, кинотеатры, тротуары — все, как положено в городе. К месту работы, к Самотлору, ведет шоссе, окольцовывающее озеро.

Трижды тонула в непроходимой трясине бетонная дорога, и трижды восстанавливали ее строители-комсомольцы. Работа среди болот «хитрая» — требует особой сноровки

На Самотлоре добывают нефть из-под воды. Ставит рекорды бурения бригадир Геннадий Левин.

и осторожности. Один зарубежный корреспондент, приехавший описывать новую Сибирь, пренебрег правилами безопасности, сделал шаг с дороги и тут же оказался по горло в трясине. Очень правдиво описал он, как добываются нефтяные богатства...

Грохочут по бетонке самосвалы. Автобусы развозят нефтяников на рабочие места. «Мертвое озеро», как раньше называли Самотлор местные жители, окружают буровые вышки. Наклонные скважины уходят под озерное дно, и по ним поднимается вязкая черная жидкость — нефть. А дальше уже автоматика гонит нефть по трубам.

Самотлор знаменит на весь мир.

А кто сделал Самотлор знаменитым?

Лучшие в стране нефтяники, приехавшие из Уфы, Баку, Москвы, Ленинграда. Те, кто привыкли побивать все известные рекорды. Пусть здесь трудно, сложно, нет особых удобств, но нефтяников, конечно, влечет необычность, новизна, масштабы работы.

Вот две прогремевшие на всю страну бригады. Газеты, телевидение и радио то и дело сообщали об их соперничестве.

Бригада Геннадия Левина установила всесоюзный рекорд бурения. Геннадий Левин — Герой Социалистического Труда.

Бригада Григория Петрова превзошла этот рекорд. Петров тоже стал Героем Труда.

За год каждая из бригад пробурила более девяноста километров скважин. И каждая взяла обязательство дать по сто километров! А за ними другие бригады прикидывают, как не отстать, пробить на высоких скоростях горные породы. Идет соревнование!..

И снова бригада Левина дала рекорд: план четвертого, определяющего года пятилетки выполнила за полгода... И выступила с новым почином: не только быстро пробурить скважину, но и быстро освоить ее — пустить нефть.

Весной, летом, осенью тяжелые таежные птицы кружат над буровыми: вертолеты несут на подвесках трубы, рельсы, опоры электролиний.

Стройке нужны дороги, нужно электричество.

Зимой на ледяные поля садятся тяжелые самолеты. Из пасти люка, как военные машины, выползают буровые установки, экскаваторы, гусеничные тягачи.

Стройке нужна самая мощная техника. Идет нефть!

«У каждого поколения — своя Магнитка, Турксиб, Днепрогэс и Братск»,— написали строители Самотлора в газету... Но ведь это современная Магнитка — в тысячи километров.

Труд комсомольцев Тюмени в девятой пятилетке отмечен орденом Трудового Красного Знамени.

За несколько лет в Западной Сибири добыли столько нефти, что для ее перевозки потребовался бы состав цистерн, который мог опоясать земной шар четыре раза. И с каждым годом этот гигантский состав будет неудержимо удлиняться. Таких темпов не знала еще мировая практика.

Но вряд ли найдется столько цистерн, да и не построишь много дорог в тайге.

Гораздо удобней и дешевле перегонять нефть и газ по трубам.

И вот через леса, болота, реки, тундру пролегли гигантские нити трубопровода.

Газопровод «Сибирь — Москва» длиною более трех тысяч километров даже специалисты называют суперпроводом. Сибирское топливо течет на заводы в центр Союза, в европейские страны.

...А геологи все дальше уходят на север, бурят землю, берут пробы. Земля на полуострове Ямал твердая, как камень.

На полкилометра в глубину — вечная мерзлота. Под этой промерзшей землей между речками Ева-Яха и Таб-Яха открыто самое большое в мире скопление природного газа. Геологи считают, что под газовым океаном находится еще и нефть.

Значит, будут на пустынном пока Севере новые города!

В Тюменском политехническом институте профессор читает лекцию, чертит на доске формулы и графики, а

слушают и видят его студенты за многие сотни километров. Лекции транслирует телекамера. Это удобно — не будешь ведь летать на самолете каждый день на лекцию! А студентов много. Больше половины населения области — молодежь.

Есть здесь хорошее правило: если молодой рабочий прослушал лекции и сдал экзамены, он учится в «телеинституте» дальше, пока не защитит диплом.

Новые города обживают молодые. Средний возраст жителей Нижневартовска — 25 лет, города Сургута — 26 лет, Горноправдинска — 23 года. Очень удобен «телемост» для тех, кто хочет учиться!

После студентов у экранов собираются инженеры, рабочие, мастера.

Идет соревнование команд изобретателей и новаторов: кто предложит лучшие технические устройства для Самотлорского месторождения? Каждая команда защищает свой проект, волнуется. Волнуются и домашние у экрана: ведь до глубокой ночи в разных домах горел свет, отцы делали чертежи, готовились к передаче...

Когда специалисты изучили проект победителей, то убедились, что он дает государству большую экономию!

Многие инженеры и рабочие Тюменской области стали авторами изобретений.

И многие крупные ученые выбрали своим рабочим местом сибирские нефтепромыслы.

Хорошо сказал один из первооткрывателей сибирской нефти — Фарман Салманов — о новой жизни на этой обновленной земле: «Разведывая новые месторождения, мы открываем и себя. В этих поисках мы сами рождаемся как люди». А американский журнал «Тайм» написал об открытиях в Советской Сибири так: «Это можно сравнить с открытием новой Северной Америки».

Ясно, что тюменцы еще не раз прославят Сибирь.

В ЧЕМ СИЛА ЗЕМЛИ

Рассказ о трудном и вкусном хлебе

Одно из первых слов, которое узнает человек в детстве,— это «хлеб». От него веет неповторимым ароматом, вкусом свежей корочки. И всю жизнь убеждается человек в удивительном превращении: как труд тысяч и тысяч людей, которые варят сталь, делают машины, работают на полях, воплощается и приходит к нему на стол в виде обычного куска хлеба.

Хлеб — это и простое, и великое понятие. Это и румяный каравай, и башни с зерном, и необозримые пашни. Богатство всей страны и каждого из нас.

Много героических страниц истории связано с хлебом. Одна из них — жатва 1972 года на востоке страны, где шла самоотверженная битва за хлеб.

Год выдался тяжелый для земледельцев. Морозная бесснежная зима погубила осенние посевы, пришлось пересевать поля. Потом небывалая засуха охватила значительные районы страны; сто лет не было такой сильной жары. И люди собирали то, что осталось на полях.

Когда же на востоке страны созрел урожай, холодные дожди, град, ветры скрутили, повалили, придавили к земле хлеб. В былые времена погиб бы на корню урожай.

Непогоде, стихии люди противопоставили силу воли, технику, организованность. С запада на восток двинулись колонны машин. Тысячи горожан, рабочих, воинов, садились за баранку самосвалов, за штурвалы комбайнов. В партийных комитетах создали штабы уборки. Круглосуточно возглавляли они битву за хлеб.

Жатва была трудной. Но в памяти многих участников осталась волнующим и радостным событием. Колонны машин с красными флагами провожали семьи, коллективы, целые деревни. Шли митинги. Передовики труда посвящали молодых в рабочие: у знамени юноши давали клятву хлебороба. Пионеры дарили на прощание цветы. Уходили в поле машины, увозя на бортах транспаранты:

«Товарищ, помни: потерял на одном метре два колоса — тысяча центнеров потеря для колхоза!»

Лозунги в эти дни имели большую силу. Призывы становились нормой жизни:

«Ни минуты простоя, ни грамма потерь!»

«Не сделал две нормы — не уходи с поля!»

«Хлеб — государству!»

Стремительно наступала зима, дожди сменялись мокрым снегом. Погода диктовала крайние сроки.

День и ночь работали механизаторы. Полегший хлеб комбайны поднимали с помощью специального приспособления, изобретенного здесь же, в поле. Заботливые руки укрывали от дождя зерно брезентом. На большой скорости, преодолевая распутицу, шли самосвалы к элеваторам.

Так происходило на огромных пространствах Казахстана, Сибири, Урала. Красные звезды венчали машины передовиков. В их честь на полевых станах взвивались флаги. Им вручали почетные ленты «Гвардеец жатвы-72».

Ударная работа, организованность, соревнование людей победили стихию. Страна получила Большой Хлеб Востока.

В 1973 году наша страна собрала рекордный урожай зерна. Три миллиарда пудов сдали государству земледельцы России, по миллиарду пудов — Украина и Казахстан. За трудовой подвиг орденами и медалями были награждены многие передовики.

Среди тех, кого Родина назвала Героем Социалистического Труда, простое русское имя: Иванов Иван Иванович.

Этого человека называют солдатом целины.

А началась солдатская судьба Иванова в осажденном фашистами Ленинграде, в суровом 1942 году.

...Последнее, что он помнил, это земля в огненных разрывах мин. Смертельно опасная, жесткая земля. В разведку ушли пятеро. Четверо остались навсегда на знаменитом ленинградском «пятачке» — Невской Дубровке. Пятого после ночного боя подобрали свои.

Пришел в себя солдат в госпитале. И не сразу понял, что ему сделали операцию, что нет у него ног.

— Терпи, Иванов,— услышал он в минуту отчаяния.— Ты должен быть сильным, Иванов...

Это — медсестра Люся. Через много лет он назовет так свою старшую дочь.

— Молодец, Иван Иванович,— похвалил хирург, встретив солдата, едва передвигавшего костыли.

Иванов поморщился: какой уж тут молодец! Кому он теперь нужен? Отец — рабочий Кировского завода — погиб в первых боях, мать умерла от голода. Один на белом свете.

Эшелоны увозили солдата все дальше от фронта. Из госпиталя в госпиталь кочевал солдат. И приехал в хлебные края, в Казахстан. А там военный комиссар взглянул в его солдатскую книжку и определил на жительство в самый хлебный район. Знал военком, что такое голодный Ленинград.

В селе Коллективном совхоза «Новый путь» и по сей день живет Иванов.

Теперь у солдата большая семья, и нужен он не только своим детям, а многим людям.

Однажды попросился Иванов на трактор. Уважали ленинградца сельчане: орден Красного Знамени, медали на груди — заслуженный фронтовик! Но как это так — на трактор?.. Председатель сказал: «Что ты надумал, Иванов? Ничего у тебя не получится...» А директор машинно-тракторной станции неожиданно поддержал: «Пусть попробует!..»

Дали ему старый, залатанный тракторишко — вроде старенькой инвалидной коляски. Если и сломает, не жалко, хотя с машинами в хозяйстве плоховато.

А он не сломал. Поехал.

Позже комсомольцы подарили Иванову новый трактор — «Комсомолец». Страна осваивала большие земли — целину. И солдат пахал целину на своем «Комсомольце», учил управлять машиной ребят, во время уборки вставал за штурвал комбайна. «Наш дядя Ваня»,—

говорили ученики, которые любили его за доброту, за большое терпение.

Война постепенно уходила из памяти людской. Не все уже знали, почему прихрамывает Иван Иванович, возвращаясь после полного рабочего дня домой. Но все привыкли видеть его в поле.

Любил он эту мирную, ласковую землю. Любил утреннюю тишину, росу, рассвет, посвист невидимых птиц, наливные усатые колосья, горячую полуденную пыль. Любил свою работу, высокий капитанский мостик степного корабля.

Он жил полноценной жизнью здорового человека среди здоровых людей; о его самочувствии иногда можно было лишь догадываться по тяжелой походке.

Когда совхоз собрал третий урожай в девятой пятилетке и досрочно выполнил свой пятилетний план, Иванов был в числе передовиков.

В один из мартовских дней 1974 года Иван Иванович смотрел по телевизору праздник целинников в Алма-Ате. Докладчик рассказывал о патриоте целины — Иванове: как он в девятнадцать лет защищал Ленинград, был тяжело ранен, а после лечения приехал в Казахстан, стал механизатором.

Иванов не сразу даже понял, что Леонид Ильич Брежнев говорит именно о нем.

Вспомнил себя безусым пареньком. Вот он с походным вещмешком едет через всю страну, глядит в окно, а там поля, поля... Неужели это он сошел, опираясь на костыли, на незнакомой станции, оглядываясь, не зная, куда идти?.. Но уже вбежали в комнату родные, друзья, радуясь и поздравляя: на всю страну прогремел Иван!

Иван Иванович отмахивался смущенно и шутливо: «Да что там!..— И почему-то рассерчал: — Об урожае думать надо, а вы...»

В душе его песней звучали услышанные слова: «Приехал, сроднился с этим краем...» Да, выходит, это он — механизатор Иванов. Сроднился с казахстанской землей.

Иванов сказал взрослым своим детям и малым внукам:

Иван Иванович Иванов.

— Вы понимаете, какая ответственность ложится на всю нашу династию?!

...Прошел еще один праздник целинников во Дворце культуры. На этом празднике депутат Верховного Совета СССР Иванов говорил о новом полновесном каравае, который предстоит дать стране, о своих обязательствах по уборке хлеба, и зал единодушно поднялся, приветствуя героя, а пионеры читали посвященные ему стихи.

Из окон дворца видны кумачовые лозунги, украсившие город, и на всех — знаменитое, фронтовое, нестареющее слово: «целина».

На тротуаре играет девочка. Начертила «классики», прыгает по клеточкам и распевает:

Я как только подрасту,
Целину свою найду.

Прыгает и смеется.

Хлеб целины.

...Вкус каравая, который вручается победителям, знают сами победители.

Звено Николая Кочерги отведало свежий калач с молоком после того, как отшумели приветственные речи и уехали корреспонденты. Трактористы остались в палатке на краю вспаханного поля. Ужинали по очереди, трое работали, трое отдыхали. Калач был испечен из собранной ими ранее пшеницы.

В тот августовский день 1974 года звено колхоза имени Калинина Саратовской области установило рекорд: на трех гусеничных тракторах вспахало за сутки семьдесят пять гектаров. Втрое больше нормы! Ход машин фиксировали по часам, бригадир измерял глубину борозды.

Потом появились корреспонденты. Кочерга и его товарищи сказали, что они постараются двадцать раз повторить рекорд.

В дневнике секретаря райкома партии сохранились записи. «4 августа звено вспахало 36 гектаров — дождь! 5 августа — 73 гектара. 6 августа — 75...» «Кочерга Николай Павлович, 1923 года рождения, беспартийный, стаж работы 24 года, четверо детей, награжден медалями». Такие же скупые строки из биографий его товарищей.

Они держали трудовую вахту. Режим работы строгий, как у космического экипажа. Двадцать суток точно поделены на смены: работа — отдых — работа. Никаких отвлечений. Свой день рождения звеньевой провел в поле.

Работали по-мужски, никто ни разу не пожаловался на усталость. Волновались, когда слушали по радио о лучших пахарях страны, обсуждали каждую цифру: не отстали от товарищей? В стране шло социалистическое соревнование трактористов.

На двадцатый день закончили последнее поле. Никто из шестерых не спал. Слово сдержали с честью: подняли тысячу пятьсот гектаров аккуратной, черной, как вороново крыло, зяби.

Николай Кочерга говорит: «Главный итог работы в том, что мы научились оценивать свой труд по всесоюзным меркам».

К такому же выводу пришли ростовские и запорожские комбайнеры, волгоградские трактористы, оренбургские шоферы, узбекские хлопкоробы. Они на деле доказали, что тракторы, комбайны и другие машины могут в умелых, заботливых руках давать по две и три нормы. А это огромный резерв для всего сельского хозяйства.

За выдающиеся успехи и трудовую доблесть, за победу в социалистическом соревновании лучшим механизаторам присвоено звание Героя.

Почин подхватили многие механизаторы страны: сегодня — рекорд новатора, завтра — норма для каждого!

Коммунистическая партия, Советское государство разработали большие планы развития сельского хозяйства страны, и миллионы рабочих, крестьян, ученых, специалистов успешно выполняют их, чтобы богаче, зажиточней жил наш народ.

В 1954 году в заснеженные степи Казахстана, Алтая, Сибири прибыли первые целинники. Позже поехали семьями, отрядами, демобилизованными отделениями. Началась новая жизнь тысяч людей. Они пахали землю и убирали хлеб, строили дома, клубы, мастерские, воспитывали детей.

Сегодня на целине десятки новых городов и сотни рабочих поселков. Сами названия совхозов — «Московский», «Горьковский», «Киевский», «Минский» — рассказывают о тех, кто их создавал. В совхозе «Красивинский» есть улица Александровская, она названа так в честь первого новорожденного целинника Сашки. В совхозе «Краснопресненский» стоит на пьедестале старый трактор «ДТ-54» — он такой же прославленный боец, как и танк «Т-34», навечно оставленный на полях курских сражений.

Вместе с отцами работают в поле подросшие дети. Мальчишки и девчонки, встречавшие золотой рассвет на мостике комбайна, видевшие преображенную землю, на всю жизнь полюбили ее.

Молодой комбайнер Володя Довжик гордится тем, что

его отец — тракторист Михаил Егорович, приехав в целиноградские степи с первым эшелоном, стал знатным бригадиром совхоза «Шуйский».

Сыновья другого Героя Труда Н. И. Давыдова из совхоза «Белогорский» намолотили десятки тысяч центнеров зерна. Они — настоящие победители целины.

А когда комбайнер оренбургского совхоза «Чебеньковский» А. М. Юдин призвал перед жатвой начать соревнование «семейных комбайнов», то более тысячи трехсот семей вышли на уборку хлеба. Здесь победителями были отцы и сыновья — рабочие династии, день и ночь управлявшие машинами на полях.

За два десятилетия земли целины, равные двум Англиям, дали стране тридцать с лишним миллиардов пудов зерна. Море хлеба!

В 1965 году партия поставила задачу укрепить колхозы и совхозы, сделать промышленным, индустриальным сельское хозяйство, внедрить достижения науки и техники на поля и фермы, улучшить жизнь и труд крестьянина. Ускоренное развитие сельского хозяйства важно для всего

На ферме.

народа: ведь три четверти товаров народного потребления составляют продукция сельского хозяйства и товары, изготовленные из сельскохозяйственного сырья.

Одно из главных богатств нашей страны — это земля. Но немало полей находится в засушливых зонах, урожай там зависит от капризов погоды.

Умножает силу земли, поит ее влагой, осушает болота мелиорация. Более миллиона мелиораторов — механизаторов и строителей, специалистов и рабочих, вооруженных техникой, меняют течение рек, обводняют пустыни, наливают искусственные моря. На бесплодных когда-то солончаках Голодной степи насосы поднимают воды Амударьи на сто тридцать метров, подают ее на поля, где растет ценный хлопчатник. Вокруг Каракумского канала в пустынях разлились голубые водохранилища. Большие земли Поволжья орошает Саратовский канал. Днепровская вода делает бросок в четыреста километров до Керчи. На бывших болотах Полесской низменности засеваются новые поля.

Все это большие стройки, крупные оросительные систе-

мы, которые охватывают десятки миллионов гектаров. Урожаи на них отменные: в два-три раза выше прежних. Эти земли называются золотыми, им не страшна засуха.

Еще одна сила обогащает землю — химия. Машины вносят удобрения на поля, уничтожают сорняки и вредителей, улучшают плодородные земли. Химия — это «хлеб» самой земли. Каждый рубль затрат на удобрения приносит колхозам и совхозам три — пять рублей чистого дохода.

Третья сила полей и ферм — техника. Машины сеют и собирают пшеницу, картофель, овощи, лен, хлопок, кормят и доят коров, дают селу электроэнергию. Большие средства

Сельскохозяйственные фабрики выращивают свиней, телят, крупный рогатый скот, дают стране молоко, яйца, овощи и фрукты.

выделяют государство и колхозы для механизации всех отраслей сельского хозяйства. Труд машины дешевле ручного труда. Техника позволяет получить больше продукции при меньших затратах.

Совсем недавно колхозным силачом считался трактор мощностью сто лошадиных сил. Сейчас в колхозах и совхозах работает трактор «Кировец» с мотором в два с лишним раза сильнее. В этой машине воплощены самые передовые технические идеи. Оранжевые машины на сильных колесах выполняют любые работы. По пашне трактор везет пять сеялок. Умело трудился он на лесозаготовках, на строительстве, в горных карьерах.

В марте 1975 года ленинградский Кировский завод выпустил стотысячный «Кировец». Эти машины, сменив старые гусеничные тягачи, высвободили для новых работ более двухсот тысяч механизаторов. Юбилейный трактор

трудится у саратовских хлеборобов, которые испытывали первых «Кировцев» и дали им путевку в жизнь, в совхозе имени Поляченко, названного в честь одного из первых конструкторов машины. А ленинградцы подготовили уже новый «Кировец» — трехсотсильный. Первые тракторы сошли с конвейера в дни празднования 30-летия Победы в Великой Отечественной войне. Младшие братья оказались гораздо сильнее старших. Настоящие богатыри!

Новая техника, новые условия труда перестраивают животноводство, овощеводство, другие отрасли. В Молдавии, Белоруссии, на Украине выросли крупные животноводческие городки, километровые теплицы, консервные комбинаты. Такие стройки на несколько тысяч голов скота, с цехами кормов и механизированными линиями, под силу нескольким колхозам. Это уже сельскохозяйственные фабрики. Каждая фабрика выпускает свою продукцию: выращивает свиней, телят или кур, отгружает молоко, яйца, овощи или фрукты. Аграрно-промышленные комплексы выгодны: они дают дешевые продукты стране.

Сельское хозяйство переходит на современную индустриальную основу. Создание крупных ферм и объединений — это главный путь развития нашего сельского хозяйства: специализация и концентрация производства. А основа этого развития — объединение усилий колхозов и совхозов.

Участие в такой кооперации выгодно всем хозяйствам: оно создает равные возможности для ускорения выпуска продукции, повышения доходов колхозников, перестройки села. Решаются задачи сближения государственной и кооперативной форм собственности, постепенного стирания различий между городом и деревней. Намеченные партией меры — новый этап осуществления ленинского кооперативного плана в условиях развитого социализма.

Совсем иначе живет ныне село: по условиям труда и быта постепенно приближается к городу. Здесь немало важных строек, которые еще больше умножают богатства нашего сельского хозяйства. Достаточно назвать одну Всесоюзную стройку — зону Нечерноземья, где живет каждый

четвертый советский человек. В Нечерноземье началась великая перестройка земли.

Обновление земель, техническое перевооружение села, строительство поселков и сельских фабрик ведется одновременно, по точным планам. А выполнение этих планов зависит от творчества, инициативы, трудового героизма тысяч и тысяч людей. Подсчитано, например, что повышение производительности труда всего на один процент позволит получить на миллиард рублей больше сельскохозяйственной продукции. Творческий труд создает новые богатства.

Поэтому главная сила земли — это люди. Они переделывают землю, ухаживают за ней, любят ее всей душой.

Живут иногда два соседа — два колхоза — в одинаковых условиях, а урожаи у них разные. Земли одни и те же, река — общая, деревни на берегах словно близнецы, а один колхоз называют передовым, другой — отстающим.

Присмотрится отстающий к передовому и видит: секрет успеха — в уменье хозяйствовать, так наладить работу, чтобы люди боролись за высокие урожаи. Учится сосед у соседа, перестраивает свое хозяйство, а вскоре начинает и соперничать с передовиком. Это ведь одни лентяи винят в плохом урожае дождь, который в соседней деревне прольет на полчаса раньше, чем у них.

Но если люди далеко живут друг от друга, то все равно можно назвать их соседями, товарищами, друзьями: их будущее определено общими планами, большими целями.

В девятой пятилетке колхозы и совхозы двадцати девяти областей и автономных республик стали одной гигантской стройкой. Имя этой стройки — Нечерноземная зона РСФСР.

Нечерноземье — большие земли России, тянутся они от Прибалтики до Урала, от Северного Ледовитого океана до черноземной полосы. Красивые это места: с густыми лесами, широкими лугами, спокойными реками. Здесь

голубые жемчужины русской равнины Ладога, Онега, Валдай, Селигер; маленьким ручейком начинается в лесах великая Волга.

Земли Нечерноземья — исконно русские земли — издавна одаривали земледельца зерном, льном, овощами. Славится Нечерноземье костромскими коровами, романовскими овцами, орловскими скакунами. Народная мудрость ценит плоды любимой земли:

«Хлеб всему голова»,

«Картофель хлебу подпора»,

«Удастся лен — так шелк, не удастся — так щёлк»,

«Овца не помнит отца, а сено ей с ума нейдет»...

И в этих изречениях прежде всего ощущаешь цену крестьянского труда, великую надежду на богатый урожай.

Богатство земледельца целиком зависело от погоды. Если просмотреть хронику урожаев прошлого века, то и дело встречаешь черные годы неурожая, повергавшие целые деревни в голод и нищету.

Поднялась эта земля в годы Советской власти, когда объединились крестьяне в колхозы и совхозы, помогла селу новая советская индустрия. Миллионы гектаров угодий, приносящих хороший урожай, третья часть производства мяса, более половины картофеля, вся продукция льноводства — вот что дает сельское хозяйство Нечерноземья Российской республике.

Но Нечерноземье может быть богаче.

В 1974 году партия поставила задачу: обновить земли Нечерноземья, чтобы они давали к 1990 году в два — два с половиной раза больше продукции, чем сейчас.

Обновить такую большую землю — значит во многом перестроить ее.

Как перестроить обширные пространства? С чего начинать?

Опыт передовых хозяйств показал, что главное в обогащении, облагораживании бесплодных и небогатых земель — мелиорация. В Нечерноземье немало болот, зон кустарника и мелколесья, пустующих участков. Осушить болота, оросить пастбища и огороды, внести удобрения

в почву, сделать ее плодородной могут отряды мелиораторов. Там, где работы уже проведены, урожайность всех культур повысилась вдвое. Причем, как отмечают колхозники, мелиорация — верный, не зависящий от погоды хлеб, дополнительные мясо, молоко, овощи.

Каждый отряд мелиораторов — это кочующая с места на место стройка. Машины роют канавы, возят грунт, укладывают трубы, строят насосные станции. Экскаваторы, тракторы, грузовики, бульдозеры перестраивают землю по строгим чертежам, чтобы не пропал ни один урожайный гектар. Миллионы гектаров должны осушить, оросить, окультурить к 1990 году мелиораторы. Они соревнуются за досрочное выполнение заданий.

Колхозам и совхозам тоже нужна новая техника: «многорукие» машины для обработки земли и сбора урожая.

Известно, например, как трудно вырастить и обработать лен, чтобы стал он красивой вещью.

Слава льна — «северного шелка» сегодня зависит от льноуборочных комбайнов и других машин. В Калининской области немало механизированных звеньев возделывают лен почти без затрат ручного труда. Машины готовят поля, пропалывают сорняки, сеют, теребят, расчесывают, расстилают лен, вяжут снопы. Звенья Евгения Яковлева и Ивана Чистякова соревнуются между собой, чтобы получить с каждого гектара по тонне льноволокна. За высокие показатели звеньевые награждены Золотой Звездой Героя.

Промышленность помогает селу, наращивая выпуск машин, а конструкторы изобретают всё новые механизмы. Ведь хозяйства Нечерноземья нуждаются в механизации и автоматизации. Коровники и свинарники, сараи и грядки уходят в прошлое. Колхозы и совхозы строят фабрики, комплексы, заводы.

На новых фермах каждый работник обслуживает восемьдесят — сто коров. Телята переходят из ясель в ясли, как малыши из группы в группу, в зависимости от возраста. Доят коров аппараты. Корма приготовляют в специальных цехах. От этих кормов коровы дают молока в

два с лишним раза больше, чем от обычного сена.

Перестраивается Нечерноземье комплексно — сразу все отрасли хозяйства, что значительно убыстряет индустриализацию села.

Стройка Нечерноземья рассчитана на три пятилетки, а плодами ее люди пользоваться будут десятилетиями.

Нечерноземью нужны десятки тысяч специалистов. Механизаторов, мелиораторов, строителей, агрономов и других специалистов будут готовить профессионально-технические училища, техникумы и вузы страны.

Нечерноземье объявлено Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Двадцать тысяч комсомольцев будут работать ежегодно в строительных отрядах.

У молодых рабочих Нечерноземья широкий выбор профессий. Не по принципу «куда пошлют», а какая работа по душе. В девятой пятилетке в сельском хозяйстве страны трудились машины более двух тысяч систем, а в будущем их станет больше. Механизатор широкого профиля — вот лучшая специальность для такого обширного парка техники. И перспектива современная: осваивай одну машину за другой!..

Для жителей Нечерноземья планируются новые крупные поселки с Дворцами культуры, школами, больницами, столовыми, Домами быта. К 1990 году в такие поселки объединятся все мелкие деревни. Колхозники обсуждают, какие дома удобнее — одноэтажные или многоэтажные, неторопливо прикидывают свою жизнь на десятилетия вперед. Но одно бесспорно: хорошие условия труда и жизни будут у жителей Нечерноземья.

И еще одна черта будущего у молодых строителей: надо учиться измерять свой труд высоким урожаем. Кем бы ни работал здесь человек, он прежде всего земледелец, хлебороб, мастер своей земли.

Двойные и тройные урожаи, которые ожидают от обновленного Нечерноземья, улучшат жизнь советского народа. Ради этого люди и переделывают землю.

В ДОБРЫЙ ПУТЬ—В БУДУЩЕЕ!

Рассказ о Байкало-Амурской магистрали

В начале 1974 года на Семнадцатом съезде комсомола прогремело короткое и сильное, как взрыв, слово: «БАМ». Тысячи людей попросились на БАМ.

БАМ — это Байкало-Амурская магистраль. Еще одна Всесоюзная гигантская стройка.

БАМ — самая протяженная в мире железнодорожная стройка: в три тысячи сто сорок пять километров.

БАМ — очень сложная стройка. Впервые человек укладывает рельсы в таких диких, неприступных местах.

Дорога пройдет через тайгу, тундру, болота. На пути много гор. Можно сказать, что здесь представлена почти вся геологическая история нашей планеты. Зубчатые гребни, острые вершины, скалистые байкальские берега, гигантские тектонические изломы, глубокие впадины со следами древнего оледенения.

Не все хребты обойдешь стороной, некоторые придется дырявить туннелями. Самый большой туннель будет более пятнадцати километров. А чтобы к горе могла подобраться техника, чтобы начали грызть камень взрывчатка и стальные зубья механизмов, пришлось строить длинную временную дорогу. Вот такие здесь масштабы работы!

На пути большие реки: Лена, Киренга, Витим, Олекма, Зея, Селемджа, Амур, Бурея, Амгунь. Сотни безымянных таежных речек и ручьев, которые весной, в половодье, превращаются в бурные потоки. Десятки крупных мостов — иные более километра — оседлают реки.

Тайга здесь особая.

Не просто непроходимая чаща и буреломы, но и крепкая, как железобетон, земля. Более половины дороги пройдет по вечной мерзлоте, где под слоем почвы залегают промерзшие горные породы со льдом. Землю для насыпи без боя не возьмешь.

Зачем же люди работают в таких суровых условиях, строят трудную дорогу?

Строителей БАМа недаром называют корчагинцами семидесятых годов: впервые люди укладывают рельсы в таких трудных условиях.

Виктор Лакомов, герой Усть-Илимска, возглавляет бригаду строителей.

Байкало-Амурская магистраль нужна стране.

Старая Транссибирская дорога, проходящая вдоль южной границы СССР, не может полностью обеспечивать грузами восточные районы. БАМ пересечет земли Сибири и Дальнего Востока, выйдет к Тихому океану, к морским портам. Мощные потоки грузов двинутся на восток и на запад.

БАМ приведет людей к богатейшим залежам полезных ископаемых, вдоль трассы родится новый промышленно-экономический район страны.

Крошечная точка на карте — Паминга — маленькое, затерявшееся в тайге эвенкийское селение, а в недалеком будущем — крупная станция, въезд в огромный медный рудник. Залежи каменного угля мирового значения рас-

положены близ станции Беркакит. Рядом с углями — кладовые железных руд. Есть тут месторождения никеля, асбеста, вольфрама, нефти, газа...

Многие рассказы о БАМе похожи на военные корреспонденции, в них то и дело читаешь слова: «фронт», «десант», «атака», «наступление».

Стройка начиналась боевито, по-фронтовому. Первый всесоюзный отряд строителей уехал на БАМ после Семнадцатого съезда комсомола. Специальный поезд встречали торжественно в Кирове, Перми, Тюмени, Омске — на всем пути следования.

На вагонах мелом выведены броские надписи: «Даешь БАМ — магистраль века!» Сверкали трубы, пламенели знамена, у ребят было такое настроение, что хотелось говорить стихами. Много добрых пожеланий было сказано бамовцам.

А в пути был обнаружен «заяц»: мальчишка, тайно пробравшийся в вагон, клялся, что не побоится никакой работы, лишь бы попасть на великую магистраль...

На берегу Лены двести шестьдесят комсомольцев посадили на вертолеты и отвезли на таежную речку Таюру. Десант высадился в новом поселке, который назвали Звездным. Здесь начинался фронт бамовцев. В первый же день в Звездном состоялось комсомольское собрание...

На БАМ поехали отряды, энтузиасты из разных концов страны, демобилизованные воины, писатели. В первое время руководители стройки даже растерялись: прибывают шоферы, механики, бульдозеристы, а стройке нужны прежде всего плотники, лесорубы, каменщики. Как быть? Решили учить людей валить лес, строить дома и дороги, обживать трудные места. Ведь бывалые люди быстро осваивают новое дело, а те, кто ничего не умеют, учатся у них. Чуть позже здесь будет великая нужда в шоферах, верхолазах, почтальонах, врачах, учителях — пригодится любая профессия.

Аэропорт в Усть-Куте приезжие берут «с боем». Инженер из столицы, повар из Ашхабада, скрипачи из областной филармонии, разные срочные командированные — все

Первые энтузиасты едут на Байкало-Амурскую магистраль.

требу́ют вертолет. За тысячи верст ехали, а дальше дорога только по воздуху. Вот и думает воздушное начальство, что́ важнее для бамовцев: свежий хлеб или скрипичный концерт? Обижать никого не хочется, но вертолетов для всех желающих и для скорых грузов не хватает. Впрочем, вертолетчики отлично знают, что на фронте важны и пушки и музы.

Фронт работ все разворачивается. Наступление ведется из разных точек. На Лене и Амуре строят мосты. В тайге рубят просеки, ставят деревянные дома, длиннорукие краны возводят современные здания. В поселке Звездном с наступлением холодов исчезла последняя палатка, к учебному году построена двухэтажная школа. Парты для школы доставляли вертолетами.

Центр БАМа — поселок Тында. Отсюда строительство ведется в четырех направлениях: на запад — к Лене, на восток — к Амуру, на север — к Чульманскому угольному месторождению, на юг — к старой магистрали, где на 7273-м километре находится станция Бам.

Двадцать тысяч строителей будет ежегодно трудиться на магистрали. В основном молодежь.

БАМ — комсомольская стройка.

БАМ строит вся страна.

Урал шлет экскаваторы, Кузнецк — рельсы, Белоруссия — автомобили, Брянск — тепловозы, Комсомольск-на-Амуре — прокат. Строятся новые заводы специально для БАМа. Шагают через тайгу высоковольтные мачты; по проводам потечет электроэнергия Братской и Усть-Илимской гидростанций.

Такая история у многих советских строек. Днепрогэс, Турксиб, Магнитка, Комсомольск — знаменитые детища нашей страны. Каждый новый завод, город, железная дорога помогают в рождении будущих гигантов. Потому крепкие тылы у Байкало-Амурской магистрали: вся мощь нашей социалистической индустрии.

Десятки институтов разрабатывали туннели, мосты, стройбазу и другие части магистрали. Но первыми прошли трассу экспедиции изыскателей. Они проложили в тайге невидимую ось пути. Трасса была обозначена колышками, вбитыми в землю, и линиями на схемах.

А затем Байкало-Амурская магистраль родилась в виде математической модели. Электронно-вычислительная машина «Мир» принялась считать варианты и количество

путей, станций, разъездов, нагрузку тепловозов, грузовые потоки и так далее. Машина сделала немало полезных открытий.

Главный груз БАМа — тюменская нефть. Машина подсказала самый дешевый способ ее перевозки. Из Западной Сибири по нефтепроводу она пойдет до Тайшета — первой станции магистрали. Дальше нефть едет в больших цистернах до станции Ургал. А последнюю тысячу километров — к морским портам и заводам — снова течет по трубам.

Когда на БАМ выехали первые отряды, машина уже закончила «строительство» дороги, поселков, рудников и решала новые задачи с тяжелыми составами грузов.

БАМ — ударная стройка.

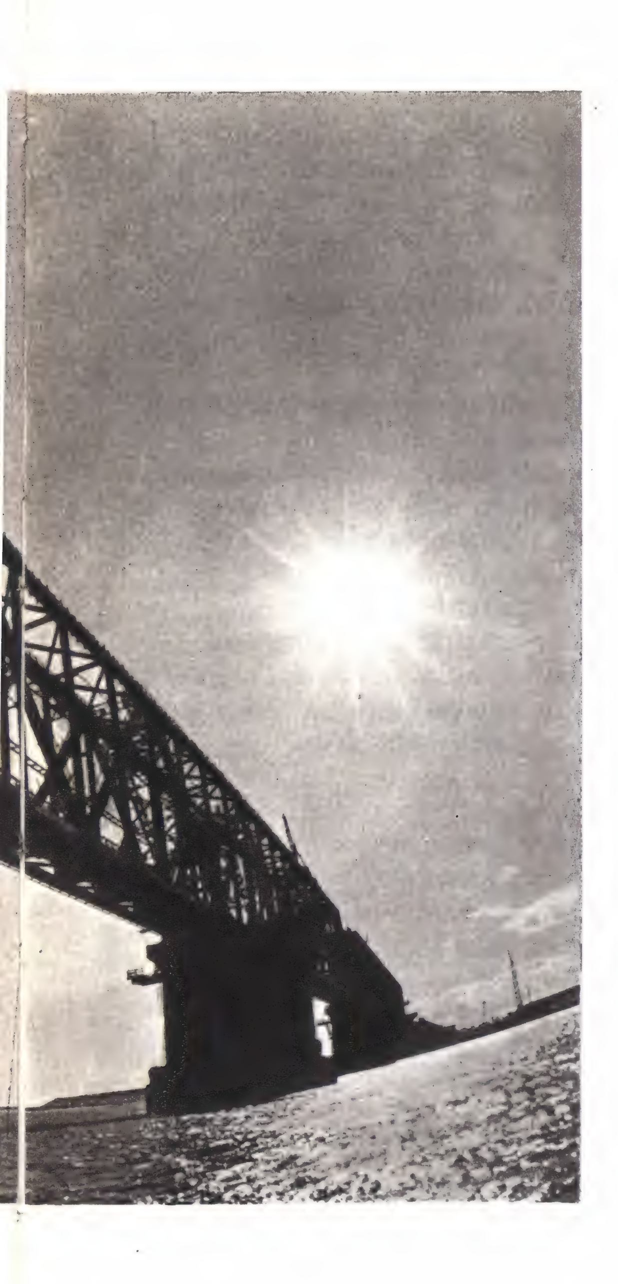
Десять лет, отпущенные на рождение магистрали,— жесткий срок. Работа ведется в суровых условиях. Лето короткое, жаркое, зима продолжительная и с морозами под пятьдесят, а кое-где и под шестьдесят градусов. Когда в мерзлый грунт вбивают сваю, она нередко ломается. Потому здесь все должно быть повышенной прочности.

А люди стремятся на БАМ, как в космос после полета Гагарина. Взглянуть на свою жизнь с космических высот и увидеть на зеленом таежном ковре серебряную нить путей — что может быть притягательнее для сильного духом человека. Приехать на пустое место, оставить после себя прекрасный город...

Ударные стройки — жизненные университеты для молодежи. Молодость всегда готова к трудовым подвигам, взлетам героизма. Тридцать лет было Алексею Стаханову, когда он поднял Всесоюзное соревнование первых пятилеток, двадцать семь Юрию Гагарину, когда он сделал первый виток вокруг Земли, менее двадцати — Зое Космодемьянской и Александру Матросову, когда они совершили свой подвиг, и на них равнялась вся страна. Двадцатилетние и тридцатилетние возводили Магнитку и Турксиб, Братск и Красноярскую ГЭС, а сегодня строят нефтепроводы, сельскохозяйственные комплексы, железные дороги.

Так строился мост через Амур — одно из десятков крупнейших сооружений БАМа.

Ядро, костяк коллектива БАМа составляют, конечно, опытные строители — такие, как Герой Социалистического Труда Виктор Лакомов. Строил дороги в знаменитом Усть-Илимске, строил в Чили, когда там была народная власть. Комсомольско-молодежная бригада Лакомова рубит в тайге просеку. Позже здесь — от Звездного до Магистрального — проложат рельсы. «Ничто, уверен, так крепко не объединяет людей, как работа бок о бок на ударной стройке»,— сказал Лакомов о своей бригаде.

Не надо думать, что на БАМе одни только герои. Сюда приезжают чаще всего обыкновенные люди. Но в борьбе с трудностями они закаляются, вырабатывают бамовский характер — сплав смелости и скромности, товарищества и требовательности, решительности и самоотверженности.

Первую победу бамовцы одержали в мае 1975 года: к 30-летию разгрома фашизма прошел первый поезд от станции Бам к Тынде. Транссибирская дорога соединилась с будущей магистралью — открыт путь для потока грузов. Лучшие строители, победившие в соревновании, приехали в Москву сфотографироваться у исторического Знамени Победы.

Рабочую биографию отцов продолжают сыновья. Все новые отряды юношей и девушек приезжают на БАМ и называют первые улицы поселков именами своих родных мест: Московская, Киевская, Калужская, Рязанская...

А в далеких городах для них планируют новые вокзалы, дома, кинотеатры. Москва строит станцию Тынду, Украина — Ургу, Алтай — Эворон, Казахстан — Чару... Все республики и области страны будут представлены в красочных, удобных, выполненных в северном варианте поселках и городах Байкало-Амурской магистрали. На Двадцать пятом съезде КПСС решено: продолжить строительство Байкало-Амурской магистрали. БАМ строится.

Газета «Правда» сообщила, что в поселке Тынде открыт детский сад «Тындёнок».

Когда тындята подрастут, дорога будет уже построена. Но богатства этой земли ждут новых мастеров.

В добрый путь, «Тындёнок»! В свое новое будущее!

ЛУЧШАЯ В ИСТОРИИ

Рассказ об итогах девятой пятилетки

Пятилетка, будни...

Каждое утро в семь часов тридцать минут диспетчер Волжского автозавода нажимает кнопку, и в цехах сразу приходят в движение все конвейеры. Гигантские лапы захватывают кузова, плывут по воздуху колеса, моторы, рамы — из тысяч деталей складывается готовый автомобиль.

Через каждые двадцать две секунды с конвейера сходит яркий, сверкающий радугой автомобиль «Жигули».

Всю нашу страну можно назвать большим заводским конвейером: ежедневно с него сходят три-четыре новостройки. Об этом мы узнаем из газет: родилась фабрика, завод, шахта, город. С днем рождения, товарищ завод! С новосельем, товарищи строители!

Каждая победа — рапорт стране: выполнена еще одна строка решений Двадцать четвертого съезда партии!

Если заглянуть в последние месяцы календаря девятой пятилетки, снова можно встретить имена знакомых героев.

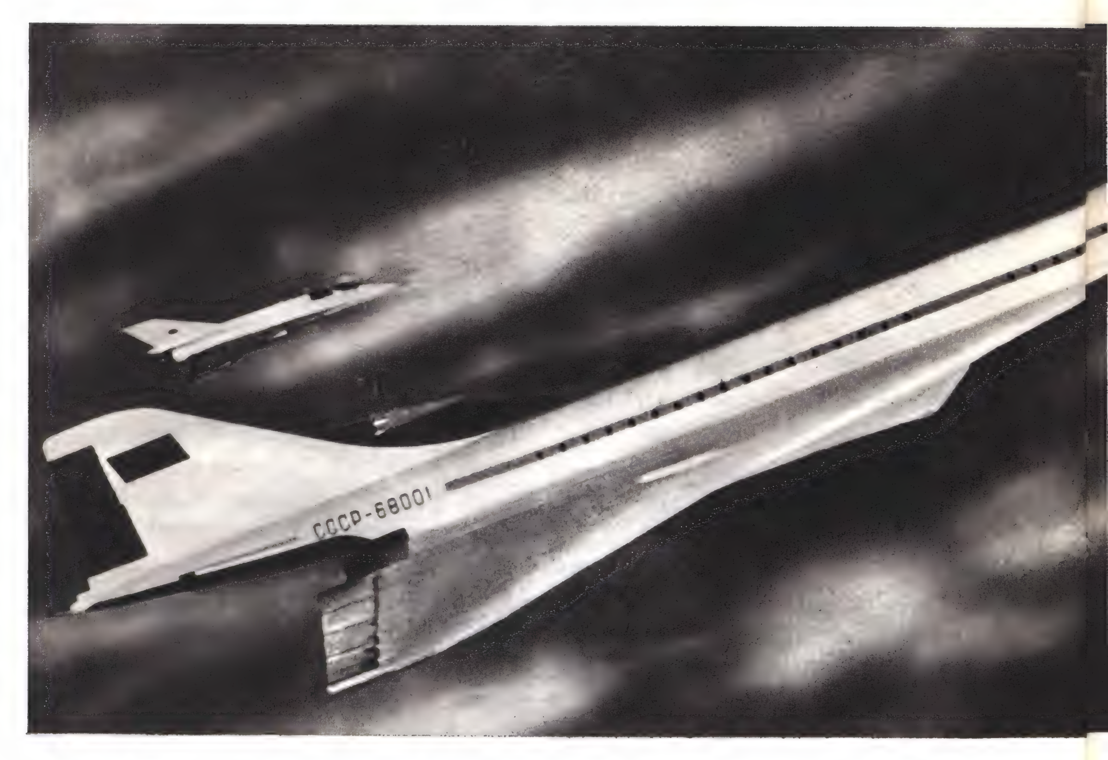
Август 1975 года. Шинник Богатырев сдержал слово: завершил две пятилетки.

В сентябре — ткачиха Смирнова.

В октябре — бригада Левина и ткачиха Амосова.

...Красные знамена пламенеют в цехах заводов. В социалистическом соревновании участвовало восемьдесят три миллиона человек. Все они стремились к тому, чтобы затрат было меньше, а продукции больше и чтобы она была самого лучшего качества. Только так можно было решить задачу, поставленную в 1971 году Двадцать четвертым съездом Коммунистической партии: значительно улучшить жизнь советских людей.

Прошло пять героических лет. Поднялись гиганты индустрии: сибирские нефтепромыслы, атомные электростанции, доменные печи, автозаводы — всего две тысячи крупных предприятий девятой пятилетки. И снова советские люди встречали ударным трудом съезд Коммунистической

На память о девятой пятилетке останутся сверхзвуковой «Ту-144», атомоход «Арктика». В десятой пятилетке — 17 августа 1977 года — атомный ледокол «Арктика» покорил Северный полюс.

партии — Двадцать пятый съезд. Впереди — десятая пятилетка, грандиознейшие дела.

Пять лет прошло. И как поднялись, стали известными не только главные стройки, а и сами люди, тысячные коллективы. И дело не в одних личных успехах героев. Сила передовиков в том, что у них громадный авторитет, что у каждого тысячи учеников. Работать по-злобински, по-смирновски, по-богатыревски звучало так же гордо, как и десятилетия назад — по-стахановски.

Почти каждый день узнаем мы имена новых героев. Они входят в историю на наших глазах. Издавна русский народ называет своих героев богатырями.

И в этом сила нашей страны. Социализм дает возможность каждому стать яркой, героической личностью, проявлять таланты и способности в труде. Вот почему уверенно и радостно работают советские люди, преодолевают трудности, воплощают в дела самые грандиозные планы, а мир, дивясь на наши достижения, говорит об особом, советском характере.

Да, черты коммунистического характера стали решающей силой. И тот, кто проявляет коммунистическую сознательность, укрепляет мощь, умножает богатство Родины...

Рапортуют заводы, города, республики: есть пятилетка, план — досрочно! В этих успехах — героический труд более чем пятнадцатимиллионной армии коммунистов, трудовые победы всех наций и народностей Советского Союза.

Девятая пятилетка была лучшей в истории: никогда еще наша страна не получала за пять лет столько общественного богатства.

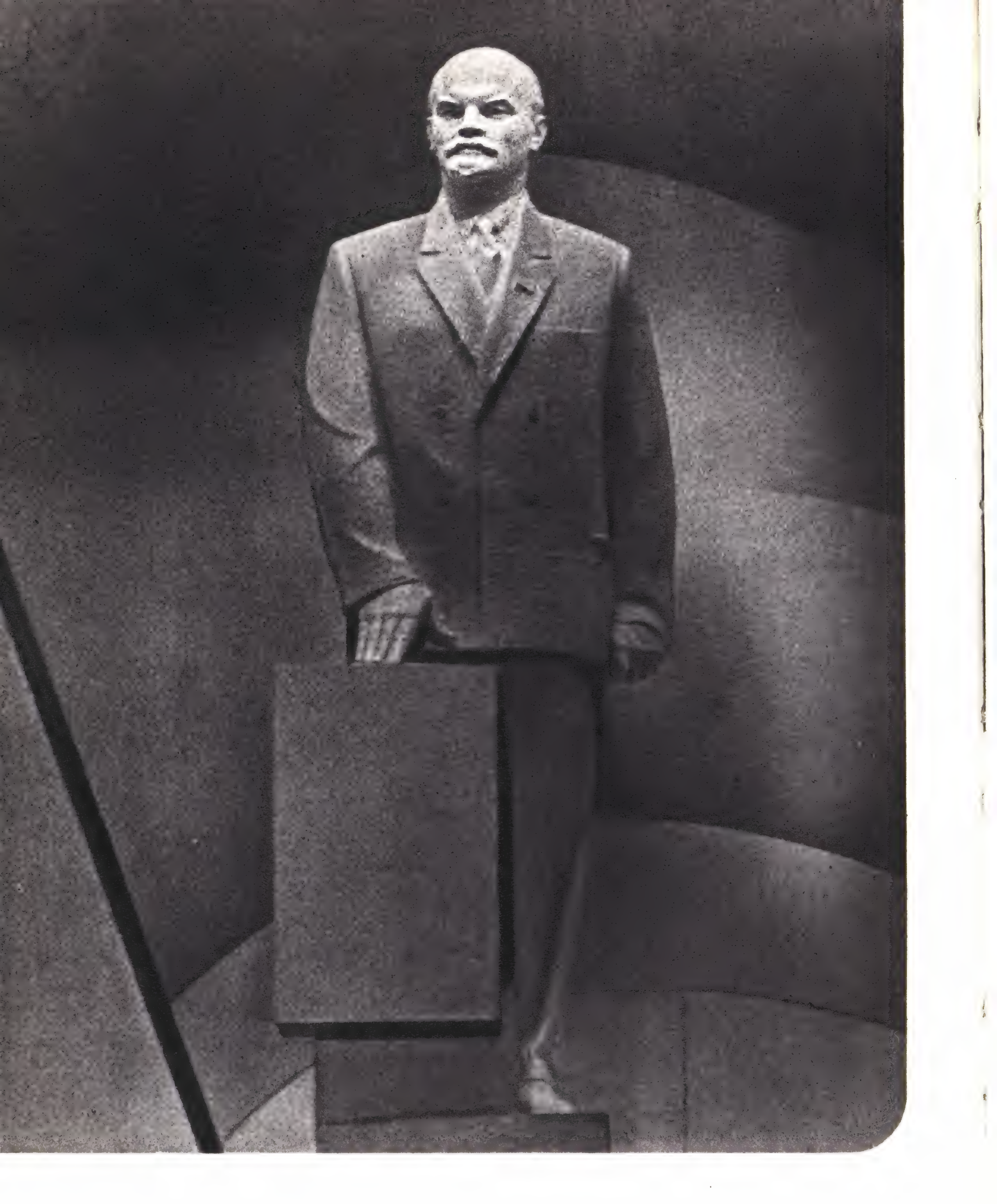
Сделан крупный шаг по пути коммунистического строительства.

НОВАЯ ГЛАВА КНИГИ

РАССКАЗ О ГЕРОЯХ И СТРОЙКАХ ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

НА XXV СЪЕЗДЕ ПАРТИИ

Рассказ о новых планах коммунистического строительства

В Москве весенние дни.

Солнце высвечивает торжественно малиновые стены Кремля, белые соборы, гранитную мостовую. Алый стяг на высоком кремлевском холме виден всему миру.

Во Дворце съездов работает Двадцать пятый съезд Коммунистической партии Советского Союза.

24 февраля 1976 года. Выступает Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики слушают почти пять тысяч делегатов съезда, делегации более чем ста зарубежных коммунистических и братских партий, слушает советский народ, слушает по телевидению и радио весь мир. Огромен зал дворца, но сейчас его стены раздвинулись до пределов земного шара.

Мир слушает: высшая цель политики Коммунистической партии — забота о благе народа. Грандиозные задачи экономического и культурного строительства в десятой пятилетке подчинены этой главной цели.

Мир видит: вся работа съезда устремлена в будущее — к коммунизму. Партия определила рубежи на этом великом пути.

Мир убеждается: СССР — яркий пример для всех народов земли, страна, где воплощаются в жизнь идеалы свободы, мира, труда.

Все это свидетельствует об историческом значении Двадцать пятого съезда КПСС.

Уверенность и оптимизм, партийная откровенность и задушевность выступления Генерального секретаря воодушевляет слушателей. Зал в единодушном порыве встает. Звучат возгласы во славу ленинской партии коммунистов, великого советского народа.

Тысячи телеграмм идут в адрес съезда. И одна из первых — из Автограда, где рождаются новые «КамАЗы»: «Впечатление такое, будто с огромной высоты распахнулись неоглядные дали будущего...»

С высоты съезда открывается большая панорама Советской страны. Каждый выступающий — будь то партийный или государственный деятель, рабочий или колхозник, писатель или учитель — вносит свои, неповторимые краски в общую радостную картину будущего. Ведь во время доклада каждый мысленно обращался к родным краям, товарищам, самому себе, соизмерял планы страны со своим завтрашним днем. И ясно видится обновленная, прекрасная, могущественная Родина.

Работает съезд. Деловая и товарищеская атмосфера. Во всех выступлениях звучат и радость за достигнутое, и озабоченность сложностью проблем, и вера в общий успех. Время уплотнено: обсуждаются все стороны жизни страны и мира на многие годы вперед.

Здесь, в рядах и президиуме, лучшие люди страны — коммунисты. Из пяти тысяч делегатов более тысячи трехсот рабочих, передовиков труда. Шестьсот пятьдесят из них выполнили девятую пятилетку за три или четыре года, а семьдесят пять человек завершили по две личных пятилетки. Кто, как не они, отлично понимают призыв съезда: добиваться единства знаний, убеждений, практических дел

Работает XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза.

каждого человека. Сознательные, здоровые, духовно богатые люди строят коммунизм. «Ничего так не возвышает личность, как активная жизненная позиция, сознательное отношение к общественному долгу, когда единство слова и дела становится повседневной нормой поведения» — это один из важнейших наказов партийного съезда.

Планы нашей партии включают заботу о судьбах многих народов планеты. Зарубежные гости — главы делегаций — говорят о высоком авторитете Коммунистической партии Советского Союза, которая хранит верность интернационализму, о доверии к ней людей труда на всех континентах. Растет могущество стран социалистического содружества. Успешно выполняется советская Программа мира.

Делегаты единодушно одобряют Отчет Центрального Комитета, планы на десятую пятилетку. В них ярко раскрыта деятельность партии между двумя съездами, выражена коллективная творческая мысль, дана обширная программа действий. Овации подтверждают: партия — авторитетный политический вождь миллионов, планы партии — планы всего советского народа.

На сцене возвышается большая белая скульптура Ленина. Владимир Ильич будто всматривается в зал, в лица коммунистов. Никогда не потускнеет золото букв ленинских слов: «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи»! Партия Ленина верна ленинским заветам, творчески развивает идеи марксизма-ленинизма.

Торжественным партийным гимном «Интернационал» закрывается съезд.

Начинаются дни большой работы: идет десятая, юбилейная пятилетка.

ПЛЕЧИ ГИГАНТОВ

Рассказ о масштабах дел десятой пятилетки

Каждая пятилетка имеет неповторимые черты. Каждая является новой главой великой книги о советском народе. Каждая приближает нас к коммунизму.

Десятая пятилетка — важный этап строительства коммунизма.

Двадцать пятый съезд утвердил «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы». В этой книге почти сто страниц, и все они наполнены важной мыслью: десятая пятилетка — пятилетка эффективности и качества.

Высокого качества труда должны добиваться все. Четкий ритм работы определит биение пульса страны. От сложного механизма народного хозяйства до каждого рабочего места. Трудом и только трудом будут созданы основные наши ценности.

Главная задача десятой пятилетки — дальнейший подъем материального и культурного уровня жизни народа. Это высшая цель партийной политики, продолжение курса Двадцать четвертого съезда. Из полученных богатств — национального дохода — четыре пятых будет израсходовано на благо советских людей, оставшаяся часть пойдет на рост производства. По своим главным задачам, по основным направлениям девятый и десятый пятилетние планы представляют как бы единое целое.

Десятую пятилетку определяют самые высокие цифры роста народного хозяйства. Это пятилетка огромных масштабов, больших возможностей. На первом плане — капитальное строительство, развитие добывающей промышленности, энергетики, металлургии, дальнейший подъем сельского хозяйства, выпуск товаров народного потребления.

Новое всегда создается на фундаменте достигнутого.

Сравним размах строек десятой пятилетки со знамени-

Рабочее место стального богатыря.

тостями прошлого — только так можно охватить взором размеры будущих гигантов.

Гигантом индустрии называли в годы первых пятилеток Днепрогэс, и он заслужил это почетное звание, дав жизнь заводам и фабрикам. В девятой пятилетке на полную мощь заработала Красноярская ГЭС. Каждая ее турбина почти равна старому Днепрогэсу.

Ленинградская атомная станция в сравнительно короткий срок стала, как и Красноярская, крупнейшей в мире. А в десятой пятилетке ее мощность удвоится. Представьте богатыря, который не только вырастет вдвое, но вдвое станет сильнее.

За пятилетие родится немало крупных фабрик электричества. На Енисее, Ангаре, Днепре, Вахше и других ре-

ках — гидростанции, возле угольных месторождений — тепловые, в РСФСР, Литве, Армении, на Украине — новые атомные гиганты.

Возле города Экибастуза добывают дешевый уголь: ковши экскаваторов черпают его в открытых карьерах. Один из угольных разрезов назвали «Богатырь» — так он велик. Здесь работают шесть экскаваторов. Но «Богатырь» за десятую пятилетку должен удвоить поток угля, и для него в Краматорске построили самый сильный в стране рельсошагающий экскаватор. Новый силач может вызвать на соревнование сразу несколько шахт!

На дешевом экибастузском угле будет работать мощная электростанция, потоки дешевой энергии пойдут из Казахстана в центральные районы. И это очень важно, когда

в экономических планах страны подчеркивается экономное хозяйствование. Недаром слова «экономика» и «экономия» происходят от одного корня. В электроэнергетике экономия одного грамма топлива даст стране дополнительно миллион тонн топлива.

Электроэнергия нужна стройкам и новым промышленным районам, животноводческим городкам и засушливым землям. В наших домах с каждым годом все больше телевизоров, холодильников, стиральных машин, разнообразных бытовых приборов. Электричество помогает сберегать свободное время. Человек тратит его на творчество, учебу, отдых.

Наша страна в девятой пятилетке вышла на первое место в мире по добыче нефти, и большая заслуга в этом нефтяников Западной Сибири. Их подвиг — пример для других отраслей хозяйства. Пример творческого поиска, выигрыша как во времени, так и в затратах.

Болота, тайга, морозы охраняли подземные кладовые, но люди пробили в «трудной земле» тысячи скважин. Здесь изобрели оригинальный, очень выгодный способ добычи: под землю накачивают под давлением воду, и она вытесняет из глубинных резервуаров нефть. Автоматика пришла на помощь людям. А в недалеком будущем мы увидим промыслы, работающие в отдаленных местах без людей, управляемые диспетчером за десятки и сотни километров.

Газ тоже ценное и дешевое топливо промышленности. Важная стройка новой пятилетки — газопровод от Оренбурга до западной границы Союза. Важная не только для СССР, но и для других социалистических стран: заводы Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии и Чехословакии ждут «голубое топливо». Стройка эта интернациональная: каждая страна осваивает большой участок трассы. К концу пятилетки газопровод, оснащенный автоматикой, заработает на полную мощность.

А геологи ищут нефть и газ в Восточной Сибири, Якутии, Средней Азии, Прикаспийской впадине, на пустынных берегах Северного Ледовитого океана.

План предусматривает и ускоренный рост машиностроения. Мы будем выпускать все больше продукции, почти не увеличивая число работающих, и нам не безразлично, какие машины, станки, автоматы облегчат наш труд.

Запланированы самые экономичные машины, новейшее оборудование и приборы. На дороги страны выйдут новые «БелАЗы», автопоезда «МАЗы», грузовики «КамАЗы». Сельское хозяйство получит около двух миллионов тракторов, зерновые комбайны «Нива», «Колос» и «Сибиряк». На многих заводах будет полностью автоматизировано и механизировано производство — от получения сырья до выдачи готовой продукции. Все это сокращает ручной и тяжелый физический труд.

За девятую пятилетку на берегу Камы в Татарии поднялся белоснежный город. На картах он значится Набережные Челны, но многие зовут его Автоград. Жизнь всех жителей связана с этим всемогущим «Авто»: вместе с городом посреди степи росли шесть уникальных корпусов Камского автозавода. Новой пятилетке завод-гигант подарил первые «КамАЗы». Каждые полторы-две минуты рождается мощный грузовик. Годы напряженного труда спрессованы в этих четких минутах...

Работники сельского хозяйства увеличат производство зерна, хлопка, картофеля, овощей. В колхозах и совхозах завершится комплексная механизация зерновых культур. Родятся новые фабрики животноводства. Весь прирост продукции в сельском хозяйстве будет получен за счет улучшения труда.

Партия определила как одну из самых насущных задач десятой пятилетки: превратить сельское хозяйство в передовой сектор социалистической экономики.

Наша сила, наше богатство во многом зависят от открытий науки, быстрого внедрения в практику результатов труда армии научных работников. В Советской стране достижения научно-технической революции соединяются с выгодами социалистической системы хозяйства. Во многих строках плана говорится о содружестве науки с производством.

Вот некоторые задачи, которые будут решаться в десятой пятилетке: широкое применение электронной вычислительной техники, разработка новых способов преобразования энергии, создание новых сортов растений и пород животных, исследование Мирового океана, освоение космического пространства.

Большие выгоды ожидаются от улучшения управления всей экономикой страны. Заводы, фабрики, шахты, институты будут и дальше объединяться в крупные подразделения, чтобы ускорить цикл работ «исследование — производство». В плане установлены задания выпуска продукции высшего качества, и дисциплина плана обязательна для всех.

Высокое качество труда советские люди проявляют на стройках, в заводских цехах, в космосе.

Летом 1975 года двое землян работали более двух месяцев в космосе. Виталий Севастьянов и Петр Климук на станции «Салют-4» фотографировали Землю, изучали звезды в рентгеновский телескоп, выращивали горох, жили по строгому расписанию. Станция была их земным домом, лабораторией, оборудованной по последнему слову техники. Этот полет, очень важный для конструкторов, геологов, астрономов, врачей, тоже был рабочим заданием девятой пятилетки.

В десятой пятилетке летом 1976 года на станции «Салют-5» напряженно работала новая космическая смена — Борис Волынов и Виталий Жолобов. Они провели исследования, связанные с важными нуждами народного хозяйства страны.

Десятую пятилетку можно сравнить со стартом гигантской ракеты. Предыдущие девять ступеней дают ей необыкновенную энергию взлета. Экипаж работает по намеченному расписанию: экономно, творчески, с полной отдачей сил. И те открытия, которые будут сделаны, дадут мощный толчок новым стартам.

ПЯТИЛЕТКА КАЧЕСТВА

Рассказ о мастерах своего дела и тысячах учеников

Двадцать пятый съезд страна встретила трудовыми победами. Досрочно был спущен на воду атомный ледокол «Сибирь». Родились новые модели машин и самолетов. Ленинградцы создали мощный турбогенератор. Дала промышленный ток Зейская гидроэлектростанция. Прошел первый поезд на западном участке БАМа до поселка Звездного. Физики провели важный опыт с термоядерной реакцией. Астрономы нацелили в далекие галактики зеркало самого большого в мире телескопа.

Во всех этих свершениях труд многих мастеров своего дела.

Издавна слово «мастер» было высшей похвалой для человека труда, о мастерах складывались легенды. Мастерство — это честь человека, его высокий авторитет в коллективе. Никогда мастер не покривит душой, не сделает дело хуже, чем он умеет. Вот почему мастерство и качество труда понятия неразделимые для любого умельца.

Ударный труд миллионов был направлен на решение главной задачи пятилетки, и десятки новых социалистических починов облетели страну. Тысячи и тысячи мастеров в десятой пятилетке начали соревноваться под лозунгом: «Работать лучше, повышать эффективность и качество!» Это — инициатива передовых предприятий столицы нашей Родины Москвы и колыбели Октябрьской революции Ленинграда.

Рабочие Московского завода имени Владимира Ильича предложили: «Пятилетке качества — рабочую гарантию!» Авторы нового почина бригадиры Николай Метелкин, Иван Амосов, Николай Кузнецов — коммунисты, знатные мастера; возглавляют они бригады кузнецов, токарей и слесарей-сборщиков. Все три бригады заключили между собой договор о социалистическом соревновании, чтобы коллективно выпускать продукцию высшего качества и с опережением сроков. От каждого рабочего, мастера, инженера,

бригады и цеха зависит эффективность — высокий результат всего производства.

— Сработанное тобой — это зеркало, в котором душа твоя, совесть отражаются,— сказал Николай Метелкин.— Но лишь свое дело делать отлично в наше время, считаю, мало. Надо, чтобы так же и другие трудились. Каждый должен быть этим озабочен, а коммунист — вдвойне, втройне.

Почин ильичевцев подхвачен многими предприятиями столицы, победно «зашагал» по стране.

По душе пришелся почин москвичей знатным шахтерам

Тираспольский завод литейных машин имени С. М. Кирова подхватил почин ильичевцев «Пятилетке качества — рабочую гарантию».

страны. Имена Геннадия Смирнова, Владимира Мурзенко и Михаила Чиха были названы с трибуны съезда: они зачинатели и лидеры соревнования «тысячников» в угольной промышленности. За пятилетку каждая бригада добыла по пяти миллионов тонн угля, а бригада Мурзенко установила всесоюзный рекорд: за месяц выдала на-гора́ столько антрацита, сколько две крупные шахты.

Но шахтеры не хотят довольствоваться достигнутым. Как и все передовики, они понимают борьбу за качество широко: не только увеличивать добычу угля, но и снижать его стоимость. А это значит — наладить ритмичную работу

всех звеньев подземного производства, повышать за счет технического перевооружения производительность труда, экономить рабочее время и материальные ресурсы, подтягивать отстающих. Деловые предложения прославленных шахтеров учат угольщиков, как вести счет на миллионы тонн в каждом забое.

В десятой пятилетке многие рекорды становились нормой работы. Давно ли, кажется, взялась ткачиха Алевтина Смирнова обслуживать четырнадцать станков вместо восьми. А через пять лет, в первом году новой пятилетки, все ткачи ее фабрики работали на четырнадцати. Сама же Смирнова обслуживала вдвое больше. И вместе с новаторами других предприятий призвала товарищей выполнить по два пятилетних плана, а всю продукцию дать только отличного качества.

Станки Алевтины — учебный класс для тех, кто хочет работать, «как Смирнова». Десятки наставников передают рабочим опыт Смирновой. Все больше и больше на фабрике станков, на которых стоит пятиугольный Знак качества. Тысячи ткачей сдают свою продукцию на склад с личным клеймом, минуя отдел технического контроля, и это большая честь для рабочего человека, признание его мастерства.

Омский шинник Степан Михеев вызвал на соревнование лучшего рабочего отрасли Николая Богатырева. Мысль эта зародилась у Михеева давно, но он колебался посылать письмо в Воронеж, пока не освоил новаторские методы труда.

«Согласен выполнить за пятилетку два плана, сделаем рекорды нормой»,— ответил делегат съезда партии Н. Богатырев. И добавил, что опыт в единственном экземпляре — как музейный экспонат за стеклом; поэтому посоветовал вызвать на соревнование все смежные бригады, сделать рекорд массовым.

Знатные строители страны Н. Злобин, В. Копелев, Н. Морозова побывали на Байкало-Амурской магистрали. Они рассказывали молодым строителям о новом методе бригадного подряда, давали уроки мастерства. А потом

решили создать в своих коллективах школы для бригадиров БАМа. «Помочь первостроителям магистрали стать умелыми командирами производства, организаторами внедрения передовых методов труда, проводниками всего лучшего, что накоплено в практике строительства,— наш долг...» — писали три известных бригадира в открытом письме товарищам по труду.

Первые бамовцы побывали в «учебном классе» Николая Злобина. Работали монтажниками, звеньевыми, были дублерами самого Злобина. «Нам повезло,— говорит Николай Петюшин,— мы участвовали и в сдаче и в закладке объекта. Теперь — строить ударно Тынду...»

Центральный Комитет комсомола призвал следовать этому примеру, организовать в каждом городе, каждом районе школы передового опыта для молодых строителей. Очень важно беречь настоящее мастерство — передавать его от старшего к младшему, от династии к династии, от поколения к поколению. Таковы традиции советских пятилеток.

Камшат Доненбаева с трибуны Двадцать пятого съезда партии рассказала о себе — своей судьбе простой женщины-казашки. Ее дед и прадед на чужой земле пасли скот, работали от зари до зари, но так и не познали радость свободного труда. Камшат в целинной степи повела могучий «Кировец», стала известным механизатором, Героем Социалистического Труда.

Имя Доненбаевой дорого женщинам, которые по призыву Камшат пошли работать трактористами. В своем обращении к подругам Камшат вспоминала, как она впервые осваивала «Кировец»: «Это такая махина — боялась даже подойти. А заводить трактор и управлять им совсем было страшно. Потом привыкла... За своим трактором ухаживаю как за ребенком, стараюсь, чтобы он всегда был чистым, ухоженным. И трактор не подводит меня, работает безотказно».

Как и пример Паши Ангелиной в годы первых пятилеток, в десятой до тысяч сердец дошел призыв трактористки совхоза «Харьковский» К. Доненбаевой: «Вы по-

Москва, Красная площадь. К Ленину!

знаете истинное наслаждение творческого труда, принесете огромную пользу любимой Родине».

На съезде Камшат от имени всех сельских тружеников Казахстана дала обещание досрочно выполнить задания десятой пятилетки, назвала свои высокие обязательства. А когда она сказала, что поступила учиться в заочный сельскохозяйственный техникум, хотя на ее материнском попечении четверо детей, зал отозвался аплодисментами...

Понятие «передовик труда» родилось в нашей стране. С каждой новой пятилеткой оно становилось все значительнее, приобретало новый смысл. Передовыми были стахановцы, потом — бригады, наконец, заводы, колхозы, стройки. В десятой пятилетке передовыми стали называть многотысячные коллективы. Издавна говорили: «передовой полк» — тот, что на ближайших к врагу, авангардных позициях; «передовой человек» — образованный, мыслящий, идущий впереди всех; «передовица» — статья, открывающая газету. Передовая страна — СССР — стала образцом коммунистического труда миллионов.

По-ударному был завершен первый год десятой пятилетки. Новыми трудовыми победами ознаменован год шестидесятилетия Великого Октября.

Всего две пятилетки прошло с тех пор, как Страна Советов праздновала свое пятидесятилетие, а как изменилась за эти годы вся наша жизнь! Экономика страны стала в два раза сильнее. Значительно улучшилось благосостояние советских людей. Советский Союз и страны социализма не только добились успехов в международных делах, но и доказали народам мира, что будущее принадлежит социализму.

«Шесть десятилетий,— говорил Леонид Ильич Брежнев на Двадцать пятом съезде партии об истории страны после Великой Октябрьской социалистической революции,— это меньше, чем средняя продолжительность жизни человека. Но за это время наша страна прошла путь, равный столетиям.

...Важнейший итог прошедшего шестидесятилетия — это советский человек».

НАШ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Рассказ о замечательных чертах советского человека, советского народа

Кроме задач экономических, партия намечает на своих съездах социально-политическую программу.

Десятая пятилетка — важный этап развития социалистического образа жизни, формирования нового человека.

Общество развитого социализма, в котором мы живем, дает советским людям большие преимущества, особые права.

Заглянем в раздел плана о народном образовании. Здесь говорится о миллионах учеников, которые придут в новые школы, миллионах квалифицированных рабочих, подготовленных профессионально-техническими училищами, миллионах специалистов с высшим образованием. Армия строителей десятой пятилетки пополнится грамотными, культурными, любящими свой труд работниками. Знаменитый вопрос «Кем быть?» решают десятки миллионов юношей и девушек, потому что социализм утвердил свободу труда, свободу творчества, свободу выбора профессии.

...На одной из первомайских демонстраций в Москве знатный ударник первых пятилеток Алексей Стаханов познакомился с делегацией английских шахтеров. Завязался разговор. Англичане спросили, как удалось Стаханову выполнить сразу четырнадцать норм. Один из гостей, широкоплечий забойщик Плесси, заметил в разговоре, что и он однажды перевыполнил норму в четыре с лишним раза.

«Я поинтересовался,— вспоминает Стаханов,— как дела у горнорабочего теперь. Плесси смутился, а потом признался: «Держусь за норму... Все товарищи возмутились моим усердием: ведь каждая тонна сверхплановой выработки увеличивает количество безработных...»

Такое признание не услышишь ни на одной нашей фабрике, шахте или стройке. Советский человек уверен в своем будущем. И высшее проявление свободы творчества в нашей стране — это социалистическое соревнование

миллионов. Оно дало замечательные плоды в девятой пятилетке, оно помогает выполнить и перевыполнить новые планы.

В рабочих коллективах воспитываются лучшие качества человека: мастерство, дисциплина, честность, товарищество, патриотизм. Год от года все полнее сливаются интересы общества, коллектива и каждого человека. Наша жизнь обогащается не только ценностями материальными, но и всеми ценностями советской культуры.

Потому мы и говорим о советском человеке как о новом человеке, черты характера которого ярко отражают самые замечательные черты социалистического общества.

...Корреспондент спросил известного слесаря, Героя Социалистического Труда:

— Чем объяснить, что вы столько лет работаете на заводе простым рабочим?

Слесарь улыбнулся:

— Почему же «простым»? Когда вы говорите о писателе или артисте, вы не добавляете такого слова. Так почему же «простой» рабочий?.. Часто можно слышать, что художником или артистом надо родиться. По-моему, быть слесарем или токарем — тоже призвание. Если, конечно, быть настоящим слесарем, настоящим токарем...

Очень понятна рабочая гордость знаменитого слесаря. Мастерство, конечно, дело великое. И что еще важно, с чем согласились собеседники: рабочий в нашей стране — человек с особым, коммунистическим характером.

Миллионы энтузиастов едут строить новые заводы, дороги, города не для того, чтобы опускать рубли в копилку.

Их зовет большая цель, она и делает труд осмысленным и красивым.

Свои личные планы советский человек сверяет с великими планами партии, понимая, что мощь и богатство Родины зависят от каждого.

У строителей десятой пятилетки грандиозные планы и дела.

Учиться, учиться и учиться — строителям будущих пятилеток!

Советский народ называют новой исторической общностью людей.

Какие черты отличают наш народ? Чему учиться у него другим народам, тем, кто строит новую жизнь?

Уроки эти на первый взгляд известны всем. Но они — результат шестидесятилетней истории Советского государства, труда миллионов. Владимир Ильич Ленин, предвидя будущий ход истории, писал о том, что социализм творит новые, высшие формы человеческого общежития. Его предсказание сбылось. Союз рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции при ведущей роли рабочего класса стал прочной, нерушимой основой новой общности людей — советского народа.

Советское общество — хозяин всех государственных ценностей. Рабочие, крестьяне, интеллигенция работают вместе, приумножают коллективную социалистическую

собственность. Экономика нашей страны — единый хозяйственный организм.

Где бы ни родился, ни жил человек в нашей стране, он имеет равные со всеми права и обязанности. У советских людей единая Родина — Союз Советских Социалистических Республик.

Каждый человек в нашей стране гордится тем, что он — советский человек, гражданин великого социалистического Отечества.

Главным правилом нашей жизни стал призыв: «Один за всех, все за одного». В труде, учебе, ежедневно и ежечасно выполняется самый человечный на Земле закон. Дружба советских людей, дружба всех советских народов — великая сила СССР.

Строительство коммунизма советский народ ведет под руководством закаленной в классовых битвах, опытной, смелой партии коммунистов.

«...Весь мир видит,— говорил на Двадцать пятом съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев,— что деятельность нашей партии, ее устремления направлены на то, чтобы сделать все необходимое для блага человека, во имя человека. Именно эта высочайшая, гуманная цель партии роднит ее с народом, соединяет ее со всеми советскими людьми прочными, неразрывными узами.

Советские люди знают: там, где трудности,— там впереди коммунисты. Советские люди знают: что бы ни случилось — коммунисты не подведут. Советские люди знают: там, где партия,— там успех, там победа! Народ доверяет партии. Он всецело поддерживает ее внутреннюю и внешнюю политику. И это удесятеряет силы партии, является для нее источником неисчерпаемой энергии».

Перед юбилеем 60-летия Великого Октября советские люди обсуждали проект новой Конституции СССР. В нем дана полная картина наших достижений — общества зрелого социализма, его политической и экономической систем, его социального развития и культуры, его внешней политики.

«Читая нашу новую Конституцию,— говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев,— люди еще яснее увидят, как широки и многообразны права и свободы граждан социалистического общества. В ее положениях мир увидит государство, которое ставит своей целью непрерывный рост благосостояния и культуры всего народа, всех его классов и групп без исключения, и активно работает для достижения этой цели».

Каждый мечтает стать героем.

Человеку важно верить, что он рожден для больших дел, для недосягаемых прежде высот. Без такой веры даже сотни прочитанных книг могут остаться мертвым грузом, простой суммой знаний, не освещенных великой целью.

Знакомясь с жизнью героев, ты видишь, что это люди трудной и завидной судьбы. Они продолжают дело Ленина — ставят важнейшие задачи и упорно решают их. У коммунистов такая пламенная вера в победу, такая несокрушимая воля потому, что прекрасна цель: создать самое справедливое общество на Земле — коммунизм.

«...Быть светлым лучом для других, самому излучать свет — вот высшее счастье для человека,— сказал рыцарь революции Феликс Дзержинский.— ...Жить — разве это не значит питать несокрушимую веру в победу?..»

Вся биография нашей страны освещена великой целью — сделать жизнь миллионов людей счастливой.

Тебе, читатель, продолжать летопись новых пятилеток.

Кем бы ты ни стал, какую бы профессию ни выбрал, у тебя обязательно будет замечательный день — начало твоей трудовой биографии.

Наверное, день этот будет таким же торжественным, как и у молодых рабочих Ленинграда. Этот праздник проходит в день открытия Третьего съезда комсомола. Ленинградские улицы особенно нарядны, а дворцы принадлежат молодым. Ветераны борьбы и труда говорят самые сокровенные слова, напутствуя свою смену.

Мы — пионеры!

В такой же октябрьский день Владимир Ильич Ленин сказал делегатам комсомольского съезда о самом главном в их жизни — о заглавной роли человека труда на земле, о рабочем классе: «Только этот класс может... окончательно отстоять, окончательно закрепить коммунистическое общество, окончательно его построить».

Мы хотим, чтобы и ты, читатель, стал бойцом великой армии труда. Пусть это будет в твоей жизни главным.

СОДЕРЖАНИЕ

В книге помещены фотографии Центрального Государственного архива кинофотодокументов СССР, фотохроники ТАСС, АПН и фотокорреспондентов: Ю. Багрянского, В. Гусева, Ю. Королева, В. Киврина, В. Лагранжа, А. Миранского, М. Начинкина, А. Птицына, В. Резникова, М. Савина, Ю. Транквиллицкого, Я. Халипа, М. Харлампиева, Ю. Чернышева, И. Шагина.

Подбор фотографий И. В. Грюнталя

Для среднего возраста

Марта Петровна Баранова

Евгений Серафимович Велтистов

ИЗЛУЧАТЬ СВЕТ

ИБ №1926

Ответственный редактор Г. В. Малькова
Художественный редактор Т. М. Токарева
Технический редактор Е. М. Захарова
Корректоры Е. Б. Кайрукштис и Н. Г. Худякова

Сдано в набор 21/X 1976 г. Подписано к печати 12/IX 1977 г. Формат 70×90 1/16. Бум. тифдр. № 1. Печ. л. 24. Усл. печ. л. 28,08. Уч.-изд. л. 20,74. Тираж 75 000 экз. А03914. Заказ № 4465. Цена 1 руб. 30 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

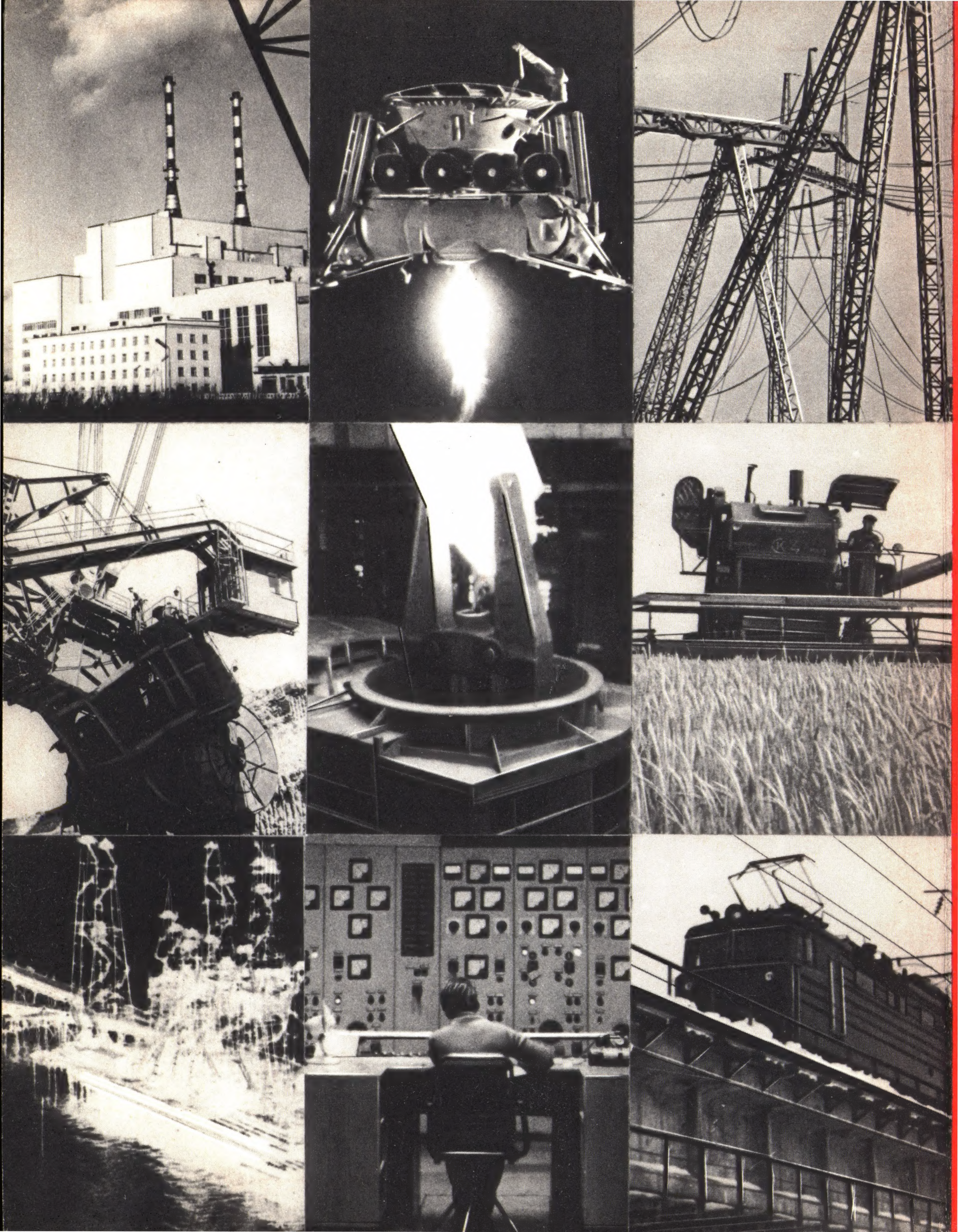
Баранова М., Велтистов Е.

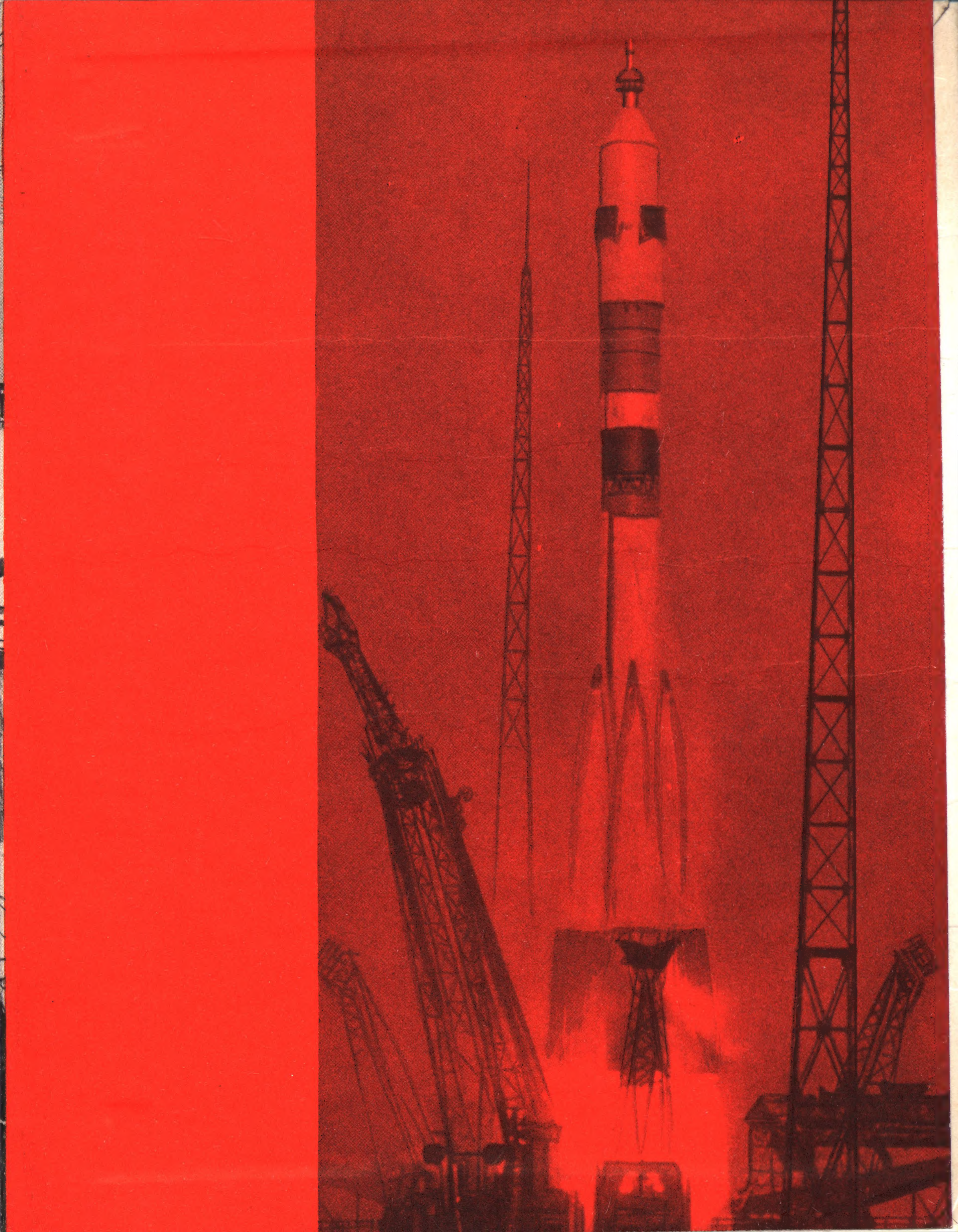
Б24 Излучать свет. Документальные рассказы. Оформление Ю. Жигалова. М., «Дет. лит.», 1977.

383 с. с ил. и фотоил.

Эта книга — публицистический рассказ о героях и стройках десяти советских пятилеток. О рождении первого трактора, первой домны Магнитки, первых колхозов. О людях, чьи имена стали историческими: Стаханове, Ангелиной, Гагарине, Курчатове, Королеве. О героях новых пятилеток.

Б $\frac{70803-503}{М101(03)77}$ 75Р—77 9(с)2

Цена 1 руб. 30 коп.

М. Баранова Е. Велтистов

ИЗЛУЧАТЬ СВЕТ